

Литературно-краеведческий альманах

2012/№5

Содержание

Тюмени – 426 лет. Грани истории

6 Тюмень: архитектурный экскурс в будущее

Геннадий Вершинин

16 Тюмень/ Турень в повести В.П.Крапивина «Белый шарик матроса Вильсона»

Наталья Горбачева

20 Однажды нарекли музеем...

Татьяна Симоненко

24 Затюменская библиотека (1930–1962 гг.)

Алевтина Попченкова

47 Помните нас! Фрагмент буклета

Елена Суцая

Музыкальная история Тюмени

50 В этой школе учиться считали за честь (окончание)

Нина Бритва

Город в моей судьбе

60 Тюменский богатырь

Наталья Паромова

63 Тюменский вальс

Борис Паромов

66 Пароходская

Елена Николаева

Дни славянской письменности и культуры

70 Происхождение восточнославянской письменности

Николай Фролов

77 Русский язык – духовная основа России

Станислав Ломакин

80 Дни славянской письменности и культуры в Тюмени

Александра Ушакова

84 Потомки Ершова благословили литературную премию

Геннадий Крамор

90 Путь к Пушкину

Аркадий Захаров

К 50-летию областной писательской организации

96 Тюменской строкой

Юрий Мешков

105 На стремнине реки времен

Владимир Рогачев

114 Великанша

Константин Лагунов

Сибирские страницы военной истории

71-я годовщина начала Великой Отечественной войны

118 Орден на знамени завода

Майя Смирнова

122 Выпуск 41-го

Наталья Жукова

137 Экзамен на мужество

Антонина Конарева

141 Я был солдатом

Василий Зырянов

146 Выпало и мне счастье

Зоя Камоско

55-летие Тюменского института военных инженеров

150 Военные инженеры: от петровских времен и до нынешних дней

Вера Кубочкина

Страна детства

157 **Война. Какой осталась она
в моей памяти...**

Вера Кубочкина (Калугина)

170 **Фотографии из детского
альбома**

Алексей Калугин

177 **За колючей проволокой были
наши ровесники**

Размышляют тюменские дети

180 **«Детдомовский» - звучит
достойно и уважительно**

Людмила Ульянова

188 **Наши писатели: о детях и для
детей. Стихи**

Андрей Тарханов

Людмила Ефремова

Леонид Лапцуй

Николай Смирнов

Вера Худякова

Александр Шестаков

Виктор Козлов

Василий Михайлов

196 **Сказка. Храбрый медвежонок
Топа**

Ирина Воронцова

200 **Сказка. Планета Котофея**

Елена Дубовская

Живые традиции

204 **Великий пост**

Наталья Войнова

Тюмени –
426 лет.
Грани
истории

Геннадий Вершинин

Член Союза дизайнеров России,
президент тюменского регионального отделения
Союза дизайнеров России

Тюмень: архитектурный экскурс в будущее

20 лет назад моя подруга, автор крылатых выражений – Л.В.Овсянкина, показывая гостям старую Тюмень, сказала емкую фразу: «Тюмень – это город, в котором прошлого уже нет, а будущего еще нет». За прошедшие с тех пор годы прошлого стало много меньше. Но «будущего» больше не стало.

Тюмень – удобный для жизни город. Постоянно разъезжаю по России, сравниваю: Новосибирск, Курск, Омск, Екатеринбург, Самара, Барнаул, Ижевск, Казань, Йошкар-Ола, ни тем более Саратов, Воронеж (список можно продолжать) не сравнятся с Тюменью по внешней благопристойности. В Екатеринбурге, как высказался Виктор Брагин, поставили стеклянных высотных стаканов, в Новосибирске есть метро, а Самара славится архитектурной школой (не очень связанной с запущенным городом). Тюмень, недавно забытая небесами, теперь - предмет зависти соседей. Мой друг, часто бывающий здесь, иногда прогуливается утром, наслаждаясь чистотой, зеленью и уличным благом.

К изменению лица город шел долго, можно сказать, что перемены выстраданы, особенно в последние лет десять город преобразился.

Достоинства Тюмени: здесь все близко, удобно, почти хорошо – услуги, торговля, медицина, транспортная схема.

Элитное жилье. Тюмень

Беда Тюмени – ее провинциальный менталитет, рассогласование городского организма и сознания граждан. Город быстро меняется. Городское население было еще 30 лет назад малочисленно, Тюмень росла приезжими, преимущественно сельским населением, и бытовая культура то подрастала, то деградировала. Среди новых жителей было много технарей, интересы которых редко выходили за рамки профессии.

В целом культурные предпочтения города определяются приязнью к самодеятельности. Симпатии докторов наук, вузовских профессоров, интеллектуалов из наших университетов перед людьми затейными: рисующими, музицирующими, танцующими, – на грани любопытства и удивления. Удивления тому, что можно заниматься такими малоприбыльными пустяками, любопытства тем, как это получается и из чего берется. Интеллектуальный слой страдает обычными болячками – манией величия и глубоким невежеством, в первую очередь художественным. Что говорить про остальное население.

Ментальные рассогласования объясняются просто: Тюмень – город свободных людей, выбравших для жизни место, где они были не стеснены личностно. Серьезнее – рассогласования внешние: неумение сотрудничать, строить обратные связи друг с другом: каждый сам по себе, для себя и за себя, за свое дело, свое место в общем доме. Внешний – не тюменский – мир мы воспринимаем как витрину и пример для фасадного копирования. Этот внешний мир чуден, непонятен и как-то даже глуповат. У нас своя гордость.

Что будет? Что ждет Тюмень в смысле пространства, архитектуры, дизайна – среды обитания тех, кто останется в нашем городе? Прогнозировать, когда скорость развития цивилизации увеличилась в 80 – 100 раз (Э.Тофлер, «Шок будущего»), – дело неблагоприятное: прогнозы не сбываются, кроме редких случаев, основанных, скорее, на сверхсознании. Но можно говорить о проблемах, мотивах и интересах, культурных привычках и алгоритмах мышления – сдержках и «движителях», которые являются естественными препятствиями в осуществлении амбиций Тюмени в ее притязаниях на роль национального и мирового города – «лучшего города Земли», как озвучивает наше подсознание популярный городской слоган.

Историческая среда Тюмени - пример человечности и соразмерности

Оговорюсь, что выражение «Тюмень – лучший город Земли» – бытовой идиотизм, элемент провинциальной истерии, к сожалению, беспочвенной. На свете много хороших городов, но нет лучших. Уютный Брюссель отличается от человеческого Лондона, роскошный Стокгольм – от «самого красивого», как утверждают в Германии, Ольденбурга – города двухэтажных особняков, торговых улочек и великолепного университета.

Говоря «лучший», «столица», бегают от собственной неуверенности. Разве можем мы сравнить Тюмень с крохотулечным увядшим портовым Бильбао, выбравшимся из депрессии с помощью удивительного Музея Гугенхайм-Бильбао, построенного на взлете творческой мысли американским архитектором Фрэнком Герри (в музее, кажется, нет своих коллекций). Благодаря музею, подивиться этому чуду света в город начали стекаться туристы – по 3 миллиона в год, после чего увеличились доходы бюджета и одновременно его проблемы, из-за чего пришлось строить в городе очень красивое метро по проекту другого гранда – англичанина Нормана Фостера, запускать ультрасовременный и опять же очень красивый трамвай и, вообще, переходить в иное всемирное качество. Напомню, в городе 270 тысяч жителей.

Тюмень – чудный город, со своим характером – солнечность (пока еще) его достоинство. Самодостаточность и независимость характера жителей – его особенности. Город не велик и не мал – как раз таких габаритов, в которых удобно существовать (правда, Сергей Собянин любит города от миллиона, на что нацелил своих почитателей). Если бы в нем было интереснее – не только в магазинах и в «торгово-развлекательных комплексах», были не только спортивные центры, школы, больницы и институты – а творческая индустрия, и не в виде деревенских по насыщенности культурных образований, город был бы лучше, привлекательнее, притягательнее многих других.

Лет десять назад я со своей итальянской семьей прокатился по маршруту Тюмень – Москва – Питер – Ювяскюля – Хельсинки – Стокгольм и обратно. Не без тщеславного удовлетворения обнаружил, что Тюмень внешне не хуже, а в бытовом смысле: в смысле чистоты, организации жизни, удобства и духа современности, может быть, даже лучше этих городов (пожалуй, кроме Стокгольма), хотя есть и разительные отличия. Например, скудость культурной жизни: явное преобладание простых интересов и обычаев, подчинение всего удовлетворению первичных человеческих потребностей. Отсюда главное – неистребимая провинциальность культурной жизни, вторичность архитектурной среды, отсутствие ярких событий в архитектуре, искусстве, дизайне, музыке...

Тюмень может быстро меняться, залогом – высокая образовательная база жителей, приятный возраст горожан. Кто мог подумать, что город привыкнет не переходить улицу на красный светофор? А ведь именно так, это случилось на глазах, и если кто-то спешит на «красный» – можно почти с уверенностью сказать, что это – не тюмонец. Москвичи и екатеринбуржцы удивляются, что им уступают дорогу автомобили (увы, не все) – там это принято лишь на глазах камер наблюдения и под бдительным взором полиции. Тюмень симпатична большинству жителей.

Городу не нужны заклинания – «лучший город Земли». Они, конечно, западают в простодушные души. Но Тюмень – вопреки ее противоречиям – нуждается в поэтизации. В поэтизации, которая – в кино, музыке, поэзии, мифологии ее миновала. Москва или Питер – города, близкие сердцу сбегающих туда тюменцев, мало приспособлены для жизни, передвижений, быта. Не меньше трети - половины жизни они пожирают впустую: на передвижения и пробки, самоутверждение и адаптацию, лечение и оздоровление, бег от инфаркта и к нему...

Но эти города романтизированы долгой художественной традицией, их обаяние не обсуждается, хотя оно и преувеличено, и уж точно не соответствует нынешним реалиям. Сравнительно с Парижем, Москва – грязный сумасшедший мегаполис, в котором человеческий капитал сильно потрачен. Когда сравниваешь Питер со Стокгольмом, понимаешь, что наша «гнилушка болотная» (ироническое высказывание Николая Макарова) никогда не сможет так ценить и восстанавливать свое прошлое, как это происходит в Стокгольме с его роскошью прошлого и актуальностью настоящего.

И тем не менее: «Я смотрю на Москву через призму поэзии, через призму музыки, призму любви. Просто так на Москву смотреть бесполезно – просто так ничего не увидите вы» (Ю. Колесников, стихи Г. Иванова) – кто слышал, как забыть точность этой метафоры. Романтизация и поэтизация образа – не то, что рациональное и манипулятивное «брендирование», хотя Москва сегодня платит дань западным агентствам (как обычно) за формирование позитивного лица (имиджа) города.

Смею утверждать, что Тюмень в последние годы развивалась и преобразалась количественно.

Новая застройка Тюмени

Но она нуждается в изменении качества: городской среды – архитектуры, дизайна, искусств; качества человеческого капитала – расширении возможностей его реализации; модернизации экономики и хозяйства. Но главное – формирование творческой инфраструктуры и развитие творческого бизнеса, которые сегодня становятся главными векторами перспективного развития городов и мегаполисов. О чем идет речь?

Британия – одна из немногих стран, имеющих «министерство дизайна», госорган регулирования и стимулирования креативной индустрии – Британский совет по Дизайну (именно так с большой буквы). Еще в 1998 году его эксперты выделили направления творческих индустрий, которые способны давать наибольший экономический эффект: реклама, архитектура, искусство и антиквариат, промыслы и ремесла, дизайн (с маленькой буквы), мода, кино- и видеоиндустрия (на каком канале и кто не восхищался продуктами ВВС? – Г.В.), развлекательные интерактивные программы, музыка, исполнительское искусство, издательская деятельность, программные и компьютерные услуги.

Доклад 2008 года «Творческая Британия» ввел понятие «кластеров» – «объединений разных творческих дисциплин, уникальных для данной местности, развивающихся в тесной взаимосвязи друг с другом и обладающих экономической ценностью».

Новая застройка - пример исторического и контекстного рассогласований

Всего в творческих индустриях Великобритании занято более 1,1 млн. человек, этот сектор экономики экспортировал товаров и сервисов на 16,6 млрд. фунтов, объемы прибыли сектора составили 6,2% ВВП (данные на 2007 год).

Эти данные, взятые из документов Британского совета, показывают, что эффективность творческих кластеров выше, чем у традиционных секторов экономики – заводов и фабрик, производственных предприятий, для создания которых требуется технократическая инфраструктура и профессиональные квалифицированные человеческие ресурсы, которые быстро не формируются. И многие «лучшие города мира» сегодня идут путем развития «креативной индустрии», кроме Бильбао: французские Лион, Авиньон, Канны, обросшие многочисленными мировыми фестивалями, английский Шеффилд, голландский Гронинген, финская Ювяскюля и многие другие – малые и большие города. Боюсь, у нас один путь, и мы по нему не идем.

Если возьмем несколько наугад городов, условно числящихся «лучшими» – европейские столицы, крупные города, то увидим, что все они развиваются 3 - 4 десятилетия по схожему алгоритму. Часть городов пользуется административным статусом. Большинство – развиваются как культурные и научные центры. Это относится не только к традиционным культурным центрам вроде Парижа, принимающего 30 млн. туристов в год при двух миллионах населения, или к Лондону, Нью-Йорку или Берлину. Каждый из крупных центров развивает культурную инфраструктуру: например, в Париже вводится в год около 30 тыс. музейно-выставочных площадей (площадь нашего музейного комплекса, строящегося 20 лет и ставшего отстойником для журналистов вместо музейщиков и мастеров искусств).

Каждый из новых культурных центров находит приют в лучших частях городов, становится событием: Бобур, Орсэ, Бранли – это крупные культурные образования (оставим слово «комплекс» психоаналитикам) – в шаговой доступности от Лувра. Важный элемент – музей, центр, парк – обычно становится явлением авангардной архитектуры: Бобур (знаменитые архитекторы – Ренцо Пиано, Ричард Роджерс), Орсэ (архитектор – итальянка Гаэ Ауленти при содействии парижских коллег), Лувр (американец Йонг Минг Пей), Бранли (маэстро Жан Нувель), Ла Вилетт (швейцарец Бернар Чуми) – авторы все из первой шеренги архитекторов мира.

Но и города «второго эшелона» состязаются в борьбе за место под солнцем: Лион, утративший статус центра ткачества, стал местом фестивалей (например, «Праздник света в Лионе» принимает около 3 млн. туристов и художников света). Лион же – и штаб-квартира всемирного канала «Евроньюс».

В голландском Гронингене 100 тыс. жителей. Здание музея построила группа знаменитостей – итальянец Алессандро Мендини, француз

Филипп Старк и австрийская группа КоопХиммельб(л)ау. Деньги – 25 млн. евро нашлись у местной газовой компании, а музей стал уникальной мировой достопримечательностью. Он, кстати, стал девятым музеем Гронингена, не самым большим (много больше Центр современного искусства, сопоставимый по размеру с нашей торговой «Лентой»).

Архитектура стала самоценным искусством, художественным мейнстримом, обеспечивающим успех предприятию. Конечно, одной архитектуры недостаточно – важен ПРОЕКТ. Здание Берлинской филармонии, построенное Хансом Шаруном в 1962 году, само по себе не обеспечило бы успех немецкой музыке – оно всего лишь обозначило, что на один из берлинских оркестров делается ставка, а статус оркестру обеспечили коллектив и дирижеры. Сегодня Берлинский филармонический играет не столько в собственном зале, сколько на открытых площадках Амстердама, Буэнос-Айреса и т.д.

Подъем и развитие территории в новом мире начинается с культуры, с проекта «культурной индустрии»: в английском Шеффилде культурная индустрия потянула за собой бизнес, финансы, туризм и инвестиции; так было в Бильбао, Лионе, современном Берлине – повсюду. Невдалеке Ханты-Мансийск, правда, здесь случай обратный: современный статус ему придал ресурс нефтяных доходов, а не ставка на развитие собственной или вахтовой культуры, но благодаря последней о Хантах с уважением заговорили в России.

Во Всемирном докладе по культуре ЮНЕСКО утверждается: «В настоящее время мы стали свидетелями создания такой универсальной вселенной, в рамках которой понятие «культура» приходит на смену понятию «цивилизация». И далее: «Мы утверждаем, что показатели культуры и развития должны служить мерой интеллектуальной, эстетической, социальной и политической деятельности народа на благо человека» (1998).

Первый – технократическое сознание населения, руководителей, масс-медиа, интеллигенции. Понятно, что город наверстывает то, что недополучил в годы своего бурного развития – материальную цивилизацию. Усилия по развитию нашей цивилизации, формированию достойной повседневности заслуживают уважения. Здесь мы в числе первых регионов Отечества.

Особенность технократизма – он «параллелен» душевно-духовной жизни, не пересекается с профессиональной культурой, часто враждебен ей. Опираясь на логику, расчет, эффективность, рациональные приоритеты, технократия не может принять значения нематериальных ресурсов – разве что наступив на грабли, что

случается не каждый день. Этот тип сознания опирается на вербальную коммуникацию, он, так сказать, «рационально-достиженческий». Для технократии важны статус, симметрия, определенность и ранжиры, иерархия, соответствие внешнему порядку вещей...

Противоположен ему художественный, интуитивно-образный тип сознания – невербальный, он ближе к российскому национальному культурному типу – он не менее содержателен и богат коммуникациями...

Известное противостояние «цивилизации» и «культуры» как раз опирается на оба эти типа сознания. Оба типа сознания важны, скорее – их сочетание, иерархия. Первый (рациональный) более важен в повседневности, бизнесе, управлении. На втором (интуитивном) основываются наука и искусство, он рождает изобретения и открытия, прозрения и прорывы. Для первого принципиально важны «ресурсы» и «эффективность». Второй основывается на энтузиазме, ведь именно «энтузиазм есть принцип искусства и науки» (Ф. Шлегель).

Технократизм исходит из убеждения, что приказ, ресурс, организация, распоряжение, программа, установка решают проблемы. Действительно, чистота, разумная организация обыденной жизни могут быть осуществлены разумом, расчетом, логикой и учетом очевидности. Но там, где требуется прорыв, качественный скачок, преобразование и инновация, логика и расчет бесполезны. Умников много, а тупик один.

Какой бы квалификации ни был строитель, он не затеет Центра музыкальных опытов Сиэтле (Ф.Герри), Культурного центра Жибяо (Р.Пиано) или

Тюмень - относительный союз новой архитектуры и прежней

Дом VI архитектора Питера Айзенмана. Тщеславие и состязательность не родят творческого сознания Леонардо или Микеланджело. А ведь кинообыватели именно так примитивно показывают в экранизациях схватку гениев: бросил вызов – победил. Сильно бросил – навсегда победил.

Обывательская среда, вернее, отсутствие осязаемого слоя ученых и творческих людей, является фактором, который препятствует развитию Тюмени в мировой город. Лондон или Нью-Йорк – не только финансовые центры, но и центры искусств: 160 вузов искусств Лондона и 300 тыс. артистов и художников Нью-Йорка, 100 тыс. студий в нем – похоже, что за цифрами – притягательная сила, превратившая эти города в мировые центры финансов, творчества, насыщенной культурной жизни, великолепно организованной городской среды (но не промышленности).

В Тюмени в последние 10 лет вложения в культуру огромны. Реконструированы филармония, театр кукол, здания академии культуры, искусств и социальных технологий, построен драмтеатр. Вложения в камни велики. Человеческий капитал практически не развивается: некоторые из художников вроде В.Шилова уехали. Уезжают образованные музыканты – «неча делать», как у нас говорят. Те люди, которые уверяют, что в Тюмени должен быть оперный театр, заблуждаются. У нас не просматриваются ни симфонический оркестр, ни оперный театр, пока не будут здесь выращены творцы: вахтовые коллективы не приживаются (помним эксперименты), а «своратить» сюда харизматичных мастеров – не помогут никакие гонорары. «Дух любит простор, а не ранжир», но творчество развивается в насыщенной среде, а не на просторе. В свое время энтузиастами был создан филиал Уральской консерватории, его уничтожили, хотя он и показал свою эффективность. Второй приход высшей музыкальной школы пока не просматривается без специальных усилий.

Скоро двадцать лет как усилиями трех городских сумасшедших – Б.Жученко, В.Станкевского и С.Смирновой – создана архитектурная школа. Она сделала не один выпуск. В этом году появилась альтернативная – в ТГАКИСТ, на базе Института архитектуры, дизайна и визуальных искусств академии. У нее будет крен в урбанистику (это главный вектор мировой архитектуры). На формирование и развитие школы уходит очень много времени – обычно лет 20 - 50. К сожалению, упомянутый технократизм и «умелое» руководство архитектурой еще при Н.С.Хрущеве и его преемниках нанесло такой урон, что только в последние годы началась реанимация архитектуры как искусства, и то преимущественно в Нижнем

Новгороде, частично – в Москве. По-прежнему российская архитектура ближе к строительству и совершенно лишена поэтики. Не поэзии, а поэтики.

Поэтика, поэтизация – основа архитектуры, дизайна, искусств – музыки, кино, танца. Поэтика – система выразительных средств искусства. Это – не прыгающие дамочки, уверенные, что они – «искусство». Обыватель не станет художником, пока не утратит «стереотипы обыденного мышления» – прагматизм, рассудочность и не освоит такие вещи как «образ», «форма», «выражение», «творческая идея», «художественный текст», «проект», «семантика», «контекст», «мера», «соответствие», «творческая технология» и «творческая методика»... Не говоря о том, что важной частью любой творческой профессии является искусство связать их с «жизнью».

Но пока в наших краях очень мало профессионального в искусствах и архитектуре – много самодеятельности. Тюмень вообще – родина самодеятельности: у нас в моде «боди-арт» нашего колхоза, «народное художественное творчество» и самодеятельность.

Мечты Маркса-Ленина о разностороннем развитии личности реализуются, в том числе стараниями наших культурорганизаторов... Правда, специфическим образом...

Театр в Тюмени - муляж прошлого с малопрофессиональной скульптурой

Наталья Горбачева

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры русской литературы ТюмГУ

Тюмень/ Турень в повести В.П.Крапивина «Белый шарик матроса Вильсона»

Как время рождает и изменяет город, так имя города способно передать его движение во времени. Казалось бы, что общего у литературных городов по имени Турень, Тюлень, Темень, Тюрмень, кроме общего прототипа – реального города Тюмени на Туре. Однако возможность разворачивать от исходного имени города ряды несинонимичных смыслов, каждый из которых передается с помощью имени литературного двойника, доказывает сложность Тюмени как природного, социального, психологического феномена.

В XVI веке Тюмень задумывалась и ставилась как честная военная крепость. Честная в том смысле, как издавна толковалось значение этого слова в живом великорусском языке. «Честный, – читаем у В.И.Даля, – тот, в ком или в чем есть честь, достоинство, благородство, доблесть и правда». Всеми этими характеристиками нововозведенный город должен был обладать, что называется, по определению. Без них, основанный как пограничная застава, как воинское казацкое гнездо, он просто не выполнил бы возложенной на него миссии.

Смысл «славного» военного крепостного места запрограммировала для города сама «натура»: о Тюмени как «природной крепости» писал не один историк. Счастливо начатое природой только довершили «вал, высокий палисад на оном с башнями и деревянный кремль», которые через двести лет после основания русского города станут искать любознательный путешественник И.И.Лепехин. Немаловажно и то обстоятельство, что строители русской крепости при выборе места ее закладки не последовали соблазнительному примеру своих татарских предшественников – построить быстро, крепко, но на малом, ограниченном пространстве. Они задумали «целый город, о которого будущем приращении по справедливости добрую надежду иметь можно было» [Миллер 1998: 168].

Крепость возводилась, чтобы решить задачи самые близкие («где бы с войском наипаче в безопасности жить»), не столь отдаленные («исполнение Царского Величества намерения») и, наконец, задачи стратегические – «служить к удержанию Сибири под Российской державою», став «первым надежным пристанищем в Сибири россиянам» [Лепехин 1814: 1, 6]. Под стать этим задачам и имя, «отвоеванное» для себя крепостью: воинская семантика татарского топонима Тумен сомнению не подлежит.

Зрительный облик города, открывающийся нам в документах XVII в. («портфель Миллера»), полностью соответствует семантической интерпретации места как военного, крепкого, мужского. В 1622 г. по стенам города «возвышались 2 башни с проезжими воротами и 6 башен, называвшихся глухими; крепостные стены были вышиной от земли до облаков 11/2 сажени и от облаков до кровли – 1 сажень, а ширина стен – 11/2 сажени. Острог был обнесен двумя стенами. По стенам острога также было построено несколько башен, из которых 2 проезжих, 6 глухих, одна четверугольная на столбах с воротами к реке Туре и, наконец, одна башня о шести углах... а со стороны дороги от Туры до Тюменки от поля устроены надолбы тройные» [Буцинский 1999: 91].

И небесных покровителей, и защитников воинский город изначально выбрал себе под стать. Миллер вслед за тобольским летописцем утверждал, что, когда был поставлен при устье речки Тюменки «малый деревянный город о четырех стенах», тогда же в нем «и церковь воздвигнута во имя всемилостивого Спаса». Лик Спаса, как известно, изображался на воинских хоругвях, под которыми рати шли в бой.

Восемнадцатибашенная крепость под таким небесным покровом воистину «опора» (П.Н.Буцинский) в неостановимом порыве в глубь Сибирского царства. Но не столь проста история ее основания, чтобы тем и исчерпывать толкование смысла ее имени. Дерзкий военный форпост и закладываться должен в стремительном целеустремленном движении. С Тюменью всё не так.

Странными называл обстоятельства возведения крепости на Туре П.Н.Буцинский. «Трудно определить, что заставило русских воевод <...> далеко удалиться от конечной цели похода – завоевания Сибирского царства? – спрашивал историк. – Может быть, считая свое войско недостаточным, воеводы решились <...> засечь на крепком месте на реке Туре и ожидать подкрепления <...>» [Буцинский 1999: 88]. Не только наступать, но и отсидеться – этого тоже хотели первоначальники крепости.

Но даже когда они стремились проявить и решительный нрав, и воинское мастерство, казалось, сама судьба была против крепости, не позволяя ей показать свою воинскую стать. Тюменские служилые люди пробовали добиться разумного разрешения на воинскую свободу у самого царя, донося ему о несчастьях города, который донимали «кучумовы внучата»: «Приходят под Тюмень калмыцкие воинские люди и изменники сибирские татары и сибирских служилых людей побивают и в полон берут». Но ответ царя Михаила Федоровича вряд ли мог удовлетворить ратного человека: жить «на Тюмени с великим береженьем, по городу и острогу учинить крепкие караулы». Как видим, крепость Тюмень все больше начинает напоминать того литературного великана, которого опутали тонкими нитями, в конце концов лишившими его возможности развернуться во всю статью.

То, в чем отказала военной крепости история, восполнила, однако, литература. Именно она возродила «башенную» Тюмень, дала ей иное бытие, ввела в широкий исторический и культурный контекст и достигла этого благодаря своеобразной игре с именем города.

Тюмень – безусловный прототип Турени, города, в котором разворачивается действие повести В.П.Крапивина «Белый шарик матроса Вильсона» (1991). Почему так назван литературный город, кажется очевидным. Безусловна фонетическая переключка собственных имен Тюмень – Турень. Столь же безусловна и вторая причина. Турень можно толковать как «город на Туре». Река, действительно, выступает в повести под своим привычным именем, лингвистическая игра с гидронимом в тексте отсутствует. Вместе с тем это традиционное именование города по реке, на которой он стоит, позволяет говорить, что автор повести восстановил своеобразную естественную логику именования поселения, некогда почему-то нарушенную в случае с реальной Тюменью. Реки дали имена Тобольску, Ишиму, Туринску. В истории с «городом на Туре» всё до удивления наоборот. Это обстоятельство становится особенно очевидным благодаря этимологическим комментариям Г.Ф.Миллера. «Понеже Тура на татарском и бухарском языке значит город или крепость, то река Тура не от сей ли старинной татарской крепости, которая при той реке стояла, оное имя получила», – интересовался историк [Миллер 1998: 36]. Крапивинский же текст возвращает пространственные реалии к исходному принципу их названия.

Однако называние города по реке в тексте продиктовано не сугубо лингвистической, а художественной логикой. Река в художественном мире повести – центральная организующая координата. С нею пространство распадается вширь – за горизонт, буквально на другой конец света, до Америки. Река же открывает и бесконечную вертикаль: с обрыва Туры герою хочется рвануться не вниз, а вверх; вне земного пространства уносится он мыслями на крутом речном берегу. Вертикальная открытость пространства как раз и позволяет установить более важные, чем уже названные, смыслы собственного имени литературного города Крапивина.

По Далю, существительное «тур / тура» многозначно. Оно означает и насыпь, и курган, и особое земляное приспособление, которое используется для защиты от пуль; наконец, в шахматной терминологии тура – башня. Последнее значение Даль связывал с французскими и латинскими корнями слова: в латинском языке «turris» – башня. Все эти смыслы были так или иначе реализованы в истории реальной Тюмени. Так, И.И.Лепехин отмечал, что «в полутора верстах от Тюменя, вниз по реке Туре, на правом ее берегу видны нарочито высокие курганы» [Лепехин 1814: 3]. Позже Н.А.Абрамов жалел, что «относительно этих памятников не сохранилось никаких особенных преданий, кроме того, что они покрывают тела бывших тюменских ханов и других знатных лиц» [Абрамов 1998: 385]. На тех надолбах, которые некогда укрывали крепость от «дороги с поля», могли использоваться и плетеные корзины с землей, тоже называемые турами. Наконец, город с 18-ю башнями в крепостных и острожных стенах просто обязан зваться «городом тур» – Туренью. Так, в один клубочек свиваются нити смыслов, и тюрское тора / тура (крепость) оказывается не только в соседстве, но и в связи с французским «tour» (башня), а реалии сибирского города заставляют вспомнить времена рыцарской Европы.

Романтическими идеалами рыцарства как раз и держатся в мире любимые герои Крапивина. Автор не заставляет героев рисовать в воображении картины осажденных или храбро сражающихся крепостей. Они и без того уже живут в рыцарском городе, называется ли он Туренью или Тюменью, как в повести «Тополиная рубашка». Автор не раз отметит, что городок «полусказочный», и царит в нем «заколдованная» тишь, прибрежные склады здесь «как кирпичные крепости», а «высокие лестницы» у крутой стены обрыва сродни осадным. Город башен – прежде всего, город вертикалей. В художественном пространстве крапивинских повестей вертикали, безусловно, доминируют. Это – крутая стена речного обрыва, белые башенки монастыря, «высокие берега» лога, ведущая вверх от реки лестница, «голубятни на желтых полянах», откуда можно глядеть в самый зенит. Наконец, во всех текстах писателя, посвященных Тюмени, неизменная вертикаль – это могучие тополя, кроны которых уходят в поднебесье. Автор, наверное, мог бы дать городу в своих произведениях еще одно имя – Город Тополей.

Тополя у Крапивина связывают мир природы и людской мир. Они – помощники человека. Так это было и в действительности. В 1911 г., как свидетельствует газетная хроника города, тополя были высажены по всей Тюмени руками самих горожан, чтобы спасти город от болотных хлябей, в которых он утопал, а летом дать ему тень и защиту от пыли [ВЗС: 1911, 204]. Одновременно крапивинские тополя соединяют мир реальный – с «помойкой на краю лога», «пушистым теплом» и «ржавыми полянами» – и мир таинственный, где только в «тополиной рубашке», сотканной из пуха тополей, можно улететь в ночное небо над городом. Мотив полета над тополиными кронами – один из самых заветных в прозе художника, как он сам писал – «самый радостный момент его сказки» о жизни.

Как много и – увы! – безвозвратно потеряла беспамятная Тюмень, безжалостно корчюя красивые и сильные деревья-великаны, которые вросли корнями в историю не только реального, но и литературного города. Нет больше реальной тополиной Тюмени, срублен тополь у пока еще чудом сохранившейся крапивинской школы. Остается утешаться сакраментальным утверждением: рукописи не горят. И тополиный город да пребудет жив на страницах «тюменских» повестей В.П. Крапивина.

Татьяна Симоненко
Заведующая музеем
«Дом-усадьба Колокольниковых»

18 мая – Международный день музеев

В 1977 году на очередном заседании Международного совета музеев (ИКОМ) было принято предложение российской организации об учреждении этого праздника.

С 1978 года Международный день музеев стал отмечаться более чем в 150 странах.

«Музеи должны занять место в сердце общества и быть открытыми общественности.

Необходимо, чтобы музеи и общество работали вместе в духе творчества и инноваций».

Жак Перо, экс-президент ИКОМ

Однажды нарекли музеем...

30-летие музея «Дом-усадьба Колокольниковых»

2012 год – високосный, и потому, как подсказывает опыт, он полон неожиданностей и катаклизмов. Но тому, кто служит музейному делу, не привыкать преодолевать трудности. Проходя через них, мы становимся сильнее и нравственно чище... Такова суть музея: в его эпицентре судьба человека... от рождения до бессмертия.

Велика радость быть приобщенным к музейному делу, велика и ответственность за судьбу культурного наследия. 30 лет назад, 23 февраля 1982 года в нашем городе гостеприимно распахнул свои двери музей «Штаб-квартира В.К.Блюхера» – так было положено начало музеефикации одного из объектов – купеческого дома усадьбы Колокольниковых.

Валентина Анатольевна Шемякина – заведующая музеем, с 1979 года активно занималась не только созданием будущей экспозиции, но и со свойственной ей энергией руководила восстановлением аварийного на тот момент деревянного дома – памятника истории и культуры федерального значения. Процесс созидания завершился, музей «Штаб-квартира В.К.Блюхера» на протяжении 8 лет своего существования

был самым известным в городе центром музейного притяжения и привлекательности, он был популярен и востребован, но столько лет плотной эксплуатации порой дают нежелательный физический износ строения.

Осенью 1990 года, в канун 100-летия со дня рождения Василия Константиновича Блюхера, коллектив музея под руководством Светланы Владимировны Павловой готовился к торжествам. В один из ненастных осенних дней в экспозиционном зале случилось обрушение потолка. В связи с создавшейся аварийной ситуацией, указом директора областного краеведческого музея Т.М. Исламовой, музей «Штаб-квартира В.К.Блюхера» был закрыт на длительную научную реставрацию, это произошло в декабре 1990 года.

Для производства проектных, а затем и реставрационных работ памятника истории и культуры потребовались специалисты архитектурно-строительного направления – не «музейщики». Архитектор Г.П.Бардаков, инженер-конструктор А.П.Малышкин, а с ними и Т.Г.Симоненко – заведующая музеем, художник Л.Л.Кудрявцев, резчик по дереву В.М.Шитов, целиком и полностью погрузились в изучение конструктивных и художественных особенностей памятника федерального значения.

«Не навреди», – есть такой девиз у Хартии реставраторов. Нелегко было соблюдать это простое правило, но после шести лет реставрации дома в двухсотлетнем возрасте, случилось невероятное: там, где находился утонувший в грунте дом, вознесся небольшой, но яркой выразительной красоты дворец! Цель была достигнута – первый пробный опыт научной реставрации успешно завершен.

Музей Блюхера

Музей Блюхера

Совместно с реставрационными работами создавалась концепция будущей экспозиции. Идейным вдохновителем авторской группы «музейщиков» была Валентина Ивановна Семенова – в ту пору заместитель директора по науке областного краеведческого музея имени Словцова. Общими усилиями творческий проект был воплощен в жизнь 14 августа 1996 года: открылся совершенно иной музей – «Музей истории дома XIX – XX вв.», где главным предметом становится «Дом», а в каждом из пяти экспозиционных залов приоткрыты страницы истории, жизни, событий двух купеческих родов Иконниковых - Колокольниковых и гостей Дома

– Цесаревича Александра Николаевича, поэта В.А.Жуковского и красного командира В.К.Блюхера. Новому музею удалось удивить свою публику оригинальным подарком, впервые в Сибири экспонируя восковые портреты.

После создания новой экспозиции небольшая авторская группа – заведующей музеем Т.Г.Симоненко и старшие научные сотрудники Е.А.Бушаров и Л.А.Типикина – получила новое задание: после пяти лет судебных тяжб город вернул музею двухэтажное здание магазина, и необходимо было срочно начать работу над созданием новой концепции. Тот же творческий состав, что трудился над реставрацией и созданием экспозиции в деревянном Доме, дружно включился в новый проект – проект реставрации уже каменного двухэтажного здания богатого магазина, еще одна музейная страница Усадьбы Колокольниковых была открыта.

Архитектор, конструктор и художник в творческом союзе создали еще один подлинный архитектурно-интерьерный шедевр. В России мало где можно увидеть музейные образцы торговых зданий, интерьеров, поэтому в нашем городе публика искренне восторгается и интерьерным решением, и предметным рядом в экспозиции «Торговый Дом И.П.Колокольникова Н-ки».

Дом-музей Колокольниковых

Таким образом, в феврале 2005 года была открыта новая экспозиция, а два федеральных памятника усадьбы, подтвердив свой прежний статус, теперь носят название – «Музей-усадьба Колокольниковых».

Редко встретишь место, где человеку было бы так хорошо, как в музейном пространстве. Может быть, поэтому в дни испытаний и кризисов люди, прежде всего, спасают культурные ценности, создавая себя в извечном родстве с ними?! И может быть, потому служить музейному делу – значит служить тому лучшему, что есть в жизни – быть наследником истории и памяти.

Совсем недавно, не взирая на превратности високосного года, «Музею - усадьбе Колокольниковых» удалось не только отметить 30-летие музеефикации усадьбы в тесном кругу истинных почитателей и знатоков музейного дела, но и получить достойный подарок от директора Музейного комплекса П.Э.Головина – качественно отремонтированный, с новым декоративным решением, зал гостиной на втором этаже Торгового Дома.

На протяжении 30 лет меняется история музеефикации старинной купеческой усадьбы – от музея «Штаб-квартиры В.К.Блюхера» до «Музея-усадьбы Колокольниковых». Хочется верить, что будет открыта еще не одна страница в истории музейной усадьбы, поскольку совершенствовать музейные экспозиции можно бесконечно! Были бы возможности...

Алевтина Попченкова

Заведующая сектором
информационной поддержки
сайта МАУК «ЦГБС» города Тюмени

Затюменская библиотека (1930–1962 гг.)

В 2010 году Центральной городской библиотеке города Тюмени исполнилось 80 лет. Эта статья - итог долгого поиска и кропотливой работы в государственном архиве Тюменской области (ГАТО). Путь Затюменской библиотеки, правопреемницей которой считает себя современная Центральная городская библиотека МАУК «ЦГБС» Тюмени – сложный и противоречивый, как и начало 30-х годов XX века, когда она образовалась и стала, как и другие библиотеки, выполнять роль «приводных ремней идеологии». Не менее беспокойным было и время её дальнейшего развития, когда она с «книжными потерями» прошла годы Великой Отечественной войны и 50-е годы, став массовой библиотекой и «идеологической базой». Но во все периоды своей деятельности, несмотря на трудности, ютясь 33 года в неприспособленном для нормальной работы здании, она была подчинена главному – здесь и сейчас служить людям, которые живут, учатся, работают в городе Тюмени.

В конце 20-х годов прошлого века сеть библиотек города Тюмени уменьшалась. И без того бедные их книжные фонды пополнялись нерегулярно. Активно звучали призывы сломить безразличное отношение к библиотечному делу. Статьи в местной прессе, посвященные данному вопросу, как правило, заканчивались лозунгами: «Необходимо помнить, что книга – могучее оружие в борьбе за новую жизнь, новый быт»¹.

В 1928–1929 гг. основными политпросветучреждениями, подведомственными горсовету по линии отдела народного образования, являлись две городские библиотеки – Заречная и детская. Их посещали 1189 читателей (подписчиков), из них в Заречной – 683 ².

На общегородском совещании библиотечных работников клубов, красных уголков и культактива профсоюзов, состоявшемся 3 августа 1929 года, встал вопрос об организации книговыдачи в районе Затюменки.

1 Дрокина, Р. Библиотеку – на службу культурной революции / Р. Дрокина // Красное знамя. – 1930.

2 Данные из отчёта о работе Тюменского городского совета рабочих, крестьян и красноармейцев депутатов Уральской области за 1928–1929 гг. / ЦГБ. Архив. – [Тюмень].

В начале 30-х годов в Центральной городской (ныне областная имени Д.И. Менделеева) библиотеке работали два филиала: один – заречный, второй – затуменский. Именно с последнего и начинается история Центральной городской библиотеки тюменской библиотечной системы.

Заведующий Центральной библиотекой с 1926 по 1942 г. и с 1946 по 1950 гг. П.Г. Шестаков писал: «Затуменская библиотека была организована и открыта в 1930 г. как филиал Тюменской окружной библиотеки. Сначала она занимала на втором этаже по ул. Луначарского одну комнату, а потом был предоставлен небольшой зал для читальни, выделена штатная единица, и библиотека стала самостоятельной. Во время войны, когда понаехали беженцы, и женщины пошли работать на заводы, заменяя своих мужей, ушедших на фронт, детский сад стал расширяться, количество детишек в нем увеличивалось, потребовалось дополнительное помещение, и библиотеку перевели в нижний этаж». Свое местонахождение она сменила лишь в 1963 году после строительства нового дома, в котором под библиотеку была выделена часть первого этажа.

Свое название библиотека получила по месту расположения – за рекой Тюменкой. Она была не первым учреждением такого типа в этом районе. В 1919 г. на ул. Никольской (ныне Луначарского) в доме Кухтерина располагалась «Библиотека для детей №2» (бывшая Тургеневская)³, преобразованная позже в Советскую детскую библиотеку⁴, у которой известен даже адрес – ул. Никольская, 5.

По воспоминаниям читателей, здание детского сада было невысоким, окна почти вросли в землю. На втором этаже, в одной из комнат, и располагалась Затуменская библиотека. Скорее всего, это было наследие старой Тюмени, в котором на первом этаже ранее находилась лавка (ее строили из кирпича), на втором (из дерева) – купцы размещали жилые помещения.

Документы Государственного архива Тюменской области свидетельствуют, что в мае 1930 г. Тюменской центральной библиотекой было открыто Затуменское отделение на ул. Луначарского, 5. На 1 января 1932 г. оно уже имело статус районной городской библиотеки. Книги в количестве 4736 экземпляров хранились в помещении площадью 30 кв. метров, и был 1781 читатель. Книговыдача достигала 55 тыс. экземпляров, из них производственно-техническая литература составляла 3594 книги, политическая – 2696, беллетристика – 35522.

3 Список членов профсоюза Тюменской губернии (1919–1920). – ГАСПИТО. Ф. 3923. Оп. 1. Д. 2. Л. 28–31.

4 Сведения о предприятиях и организациях и учреждениях по городу Тюмени и уезду 1922 г. – ГАСПИТО. Ф. 3923. Оп. 2. Д. 4. Л. 13.

На этом этапе становления читальни не было, но работало 27 передвижных пунктов. Самый крупный из них находился при совхозе. Каждый из 60 читателей взял в среднем по две книги на дом в год. Остальные передвижки выдавали литературу через 76 книгонош, каждому из которых доводилось обслуживать в среднем по десять читателей. Активность последних была в полтора раза выше, чем у совхозных читателей⁵.

Наркомпрос РСФСР
и
Госплан РСФСР

Учет культурного строительства
на 1 января, 1932 г.
БИБЛИОТЕКИ
Утверждено Сектором нар. хоз. учета Госплана РСФСР
1/Х-1931 г.

Форма № 6
Составляется на 1 янв. 1932 г. и поименовывается по укрупнению при получении формы админ. не позднее 5-го января

Обследованию по настоящему бланку подлежат стационарные библиотеки всех типов – политехнические, рабочие, научные и специальные и при учебных заведениях, а также профсоюзные, которые обслуживают по линии профсоюзов

Край, область, АССР Татарская район Тюменский
город Тюмень улица Ленинская № 5 тел. №

1. Полное название библиотеки Т. Затюменский скле-отделенный центральный
2. Тип библиотеки центральная областная, центральная районная, районная городская, летняя, центральная с/х.
3. При каком учреждении, организации находится: при клубе, учреждении, библиотеке, МТС, совхозе, колхозе, водострое и т. п. указать название Водостроительная
4. Какую народность по преимуществу обслуживает библиотека русскую
5. Имеется ли при библиотеке читальня нет
6. Имеется ли при библиотеке детское отделение нет
7. Имеет ли библиотека отдельное помещение / площадь помещения вместе с читальней кв. м. 30
8. Персонал библиотеки на 1/1 1932 г.

Всего библиот. рабочих	В том числе		
	пунктных библиотек	и др.	
/	/	—	1 Общее число библиотечных работников
/	/	—	2 В том числе совхозных
—	/	—	3 Ответственных
—	—	—	4 Рабочих
—	—	20	5 Культурнослужащих
—	—	—	6 ВКП(б)
/	/	—	7 ВКП(с) Членов и кандидатов
—	/	—	8 Рабочих, включая и совхозных
—	/	—	9 Колхозников
—	/	—	10 Вышест. Среднее
—	/	—	11 Низшее
—	—	—	12 Иные

9. Книжный инвентарь библиотеки на 1 января 1932 г. (включая инвентарь в том числе в читальне, а не в читальне. Книжки, журналы, газеты на год считаются за один том, а полные журналы по действительному часу выкупок книг)

Итого	Промышленно-техническая	
	Политическая (всего 2 раздела)	Благотворительная
14	4436	16
15	64	16
16	31	17
17	3307	18
18	670	19
19	—	20
20	425	21
21	560 P.	22
22	425	23
23	—	24
24	—	25
25	—	26
26	—	27
27	—	28
28	—	29
29	—	30
30	—	31
31	—	32
Итого	425	

10. Группировка книг (томов) по языкам

23	Русский	425
24		
25		
26		
27		
28		
29		
30		
31		
32		

11. В составе библиотечных работников — женщины

Организацией обслуживания населения микрорайона занимался один библиотекарь, из рабочих, со средним образованием, комсомолец, что очень было важно для работников идеологического фронта. Имя его не сохранилось, а вот фамилию архивные документы подсказали – Табанакова⁶.

На приобретение книг, журналов и газет в 1931 году было потрачено 800 рублей.

Агитационно-пропагандистская работа городского культурного гнезда организовывалась в русле политики того времени. Посетители библиотеки становились участниками книжных выставок, на которых всегда имелись рекомендательные списки литературы: «Что нужно читать о чистке партии», «Овладевай марксистско-ленинской теорией», «Что читать о марксизме-ленинизме». В оформлении помещений присутствовали плакаты, отражающие задачи марксистско-ленинского воспитания⁷. К 30-й годовщине II съезда РСДРП библиотекам предписывалось организовать выставки книг, посвященных истории вопроса.

1932 г. Копия учетного документа по Затюменскому отделению. ГАТО. – Ф. 86. Оп. 1. Д. 40. Л. 12 об.

5 Учёт культурного строительства на 1 января 1932 г. Библиотеки. – ГАТО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 40. Лл. 12 об. –13.

6 Политпросветучреждения города. – ГАТО. Ф. 86. Оп. 1. Д. 32. Лл. 13–15.

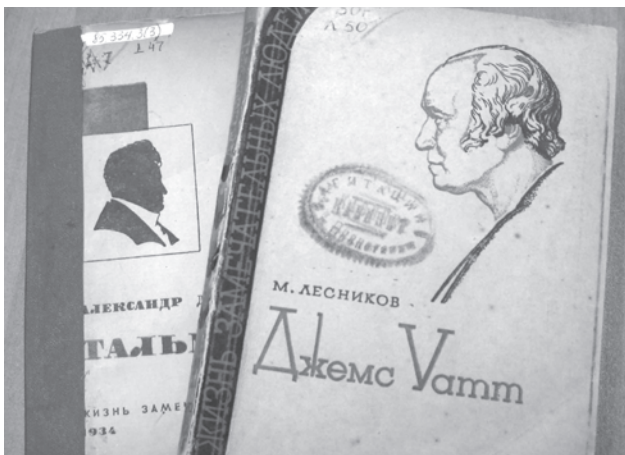
7 Примерный план агитационно-пропагандистской работы культурорганизаций в связи с чисткой партии. – ГАСПИТО. Ф. 3922. Оп. 1. Д. 50. Л. 51.

Газеты того времени постоянно рапортовали, что развивается не только индустрия, но и культура города. Документы зафиксировали, что с нового бюджетного года Заречный, Затюменский, Детский, Червишевский, Сазоновский и Кулаковский филиалы центральной библиотеки необходимо «выделить в самостоятельные» очаги культуры⁸.

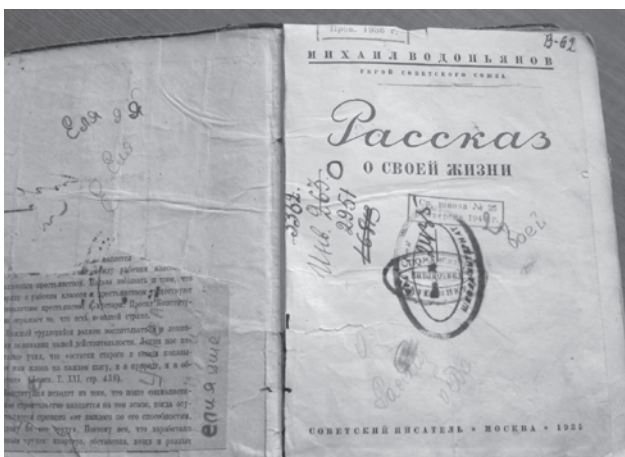
Читательница библиотеки с 1937 г. В.П.Лазарева вспоминает, что «книги были старенькими, работники библиотеки занимались их ремонтом и к общественно полезному занятию привлекали завсегдаев культурного заведения».

Александра Ивановна Белан-Гайко (документы сохранили различную орфографию – Белангайк, Белангайко, Белан-Гайк) с 1 мая 1935 года была назначена распорядителем кредитов по Затюменской библиотеке. На период ее отпуска (с 17 августа по 17 сентября 1935г.) обязанности заведующей исполняла «т.Жернакова».

В 1936 году согласно смете Затюменской библиотеки на зарплату было выделено 2774 руб., на приобретение литературы – 2126 руб., на административно-хозяйственные нужды – 300 рублей. Всего по смете 5200 (Заречной – 9200), тогда как в 1935г. эта сумма составляла 4574 руб. (Заречной – 7431)⁹.

Книги 1934 г. издания (серия ЖЗЛ) из фонда библиотеки-филиала №14 МАУК «ЦГБС»

Книга 1935 г. издания из фонда библиотеки-филиала №16 МАУК «ЦГБС»

8 Приказ № 62 по Тюменскому городскому отделу народного образования от 15 мая 1935 года. ГАТО. Ф. 86. Оп. 2. Д. 6. Л. 58 об.

9 Ориентировочная смета библиотек Тюменского района Омской области на 1936 г. / ТОНБ. Архив ОИБД. – [Тюмень, 1936]. – Л. 41.

В конце 1936г. поступило предписание «директорам и заведующим школ, заведующим библиотек и ДМС немедленно произвести тщательную проверку своих библиотек, изъяв весь троцкистский и другой контрреволюционный хлам»¹⁰. Всю изъятую литературу должны были передавать по акту. Ответственность за хранение в библиотеках контрреволюционной литературы после проверки несли руководители учреждения.

Необходимо отметить, что по всей стране практически с 1917 по 1939 год происходила регулярная чистка библиотек. В результате такого вымывания из учреждений культуры исчезли Декарт, Кант, Мах, Платон, Шопенгауэр, В.Соловьев, К.Леонтьев, В.Розанов, Ф.М.Достоевский, И.С.Лесков и др.

После убийства Кирова в декабре 1934г. началась цепочка политических процессов над членами партийной оппозиции. С этого момента и до конца 1937г. работа библиотек по формированию фонда полностью отражала процесс борьбы с «врагами народа»: многие книги и статьи подлежали изъятию.

С 21 декабря 1938 года руководителем Затюменской библиотеки «с сохранением прежнего оклада – с правом распоряжаться кредитами» назначается заведующая читальней Центральной библиотеки Екатерина Александровна Леонтьева¹¹. Последний документ, свидетельствующий о ее руководстве Затюменской библиотекой, датирован февралем 1941г. История Затюменской библиотеки сохранила еще две фамилии своих сотрудников: Т. В.Скоморохова и Иольхина (инициалы неизвестны). Первая была заведующей, вторая заменила ее в 1938 году на период отпуска.

Но библиотекари в библиотеке не работают долго. В январе 1938г. приходит библиотекарем Л.И.Брагина, но, проработав чуть более полугода, она увольняется (13 июня) по собственному желанию. В начале 1939 года принимается на должность библиотекаря с месячным окладом 140 рублей «т. Захарова» (инициалы неизвестны).

В планах 1940 года значилась выдача книг до 50 000 при посещаемости в 22 000 читателей за год. В планах библиотекарей к тому же было составление 8 рекомендательных списков, проведение 55 громких читок, организация 40 выставок¹².

Тюменское горно распорядилось провести «инвентаризацию материальных имущественных ценностей на 1 ноября 1940 г., инвентаризацию взаимных расчетов с организациями по состоянию

10 Приказ № 200 по Тюменскому ГОРОНО от 14 сентября 1936 г. – ГАТО. Ф. 86. Оп. 2. Д. 16. Л. 42.

11 Приказ № 653 по Тюменскому ГорОНО от 11/XI–38 г. – ГАТО. Ф. 86. Оп.2. Д. 17. Л. 17.

12 Планирование работы Затюменской библиотеки на 1940 г. / ТОНБ. Архив ОИБД. – [Тюмень, 1939].

на 1 января 1941 г.»¹³. Все просветучреждения должны были представить отчет в вышестоящую организацию в течение двадцати дней.

В докладе Тюменского горисполкома XV сессии городского Совета депутатов трудящихся от 2 июля 1941 года «О задачах промышленности, учреждений, организаций в военное время» говорилось: «...с момента объявления войны нет больше мирных профессий. Отныне вся страна работает на оборону, на защиту. Победа решается не только на фронте, но и в тылу»¹⁴. Это потребовало подчинения работы массовых библиотек города задачам военного времени: пропаганде, агитации и доведению до народных масс решений советского правительства; помощи трудящимся в овладении военным делом; распространении военной, политической, сельскохозяйственной и художественной литературы.

Библиотеки Тюмени в полной мере испытали на себе все тяготы военного времени. Привлечение женщин на производство в годы Великой Отечественной войны потребовало открытия в городе дополнительной сети детских садов и яслей, организации круглосуточных групп. По этой причине Затюменская библиотека была переведена на нижний этаж, в помещение, приспособленное для обслуживания читателей. В документах отмечалось, что учреждение находится на правах квартиранта детского сада, занимая две сырые комнаты. Они «совершенно не пригодны для библиотеки»¹⁵. Второй этаж был полностью отдан под детский сад.

На 1942 г. планировалась грандиозная чистка фондов. На это отводился всего 25 дней. От чего должны избавиться хранилища - предусматривалось инструкцией «О порядке исключения из библиотек устаревшей литературы» и списком № 1 «Устаревшая литература, подлежащая исключению из библиотек», рассылаемыми в октябре 1941 года¹⁶.

Но Затюменской библиотеки такая работа, скорее, не коснулась, так как два военных года она, вероятно, не работала: уже в 1942 году в числе распорядителей кредитов Затюменская библиотека не значится. Ее фонд и имущество вывезли в здание двадцать шестой школы, появившееся в 1936 году в конце улицы Луначарского – первое кирпичное строение, возведенное при советской власти.

13 Приказ №135 по Тюменскому Городскому отделу Народного образования от 29 октября 1940 г. – ГАТО. Ф. 86. Оп. 2. Д. 43. – Л. 107.

14 Ненаписанные страницы истории библиотек (Библиотеки Тюменской области в годы Великой Отечественной войны): вып. 4 / сост. А.В. Попченкова; АНОК «ТОНБ». – Тюмень, 2005. – 39 с.

15 ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 620. Л. 25.

16 Приказ № 4 по Тюменскому Городскому отделу Народного образования от 28 января 1942 г. – ГАТО. Ф. 86. Оп. 2. Д. 61. Л. 18.

Лидия Павловна Прокофьева, проработавшая в этой школе с 1957-го более двадцати лет учителем русского языка и литературы, вспоминает послевоенное время: «Школа была маленькая. Не было актового зала для мероприятий. Для этого использовали физкультурный зал – небольшое помещение на первом этаже с вырытым в глубину пространством... У нас тогда было печное отопление...»¹⁷. Вот здесь и хранился фонд Затюменской библиотеки. Но еще не закончилась война, а директору школы О.Я.Стрелецкой поступило распоряжение возвратить Затюменской библиотеке весь книжный фонд и имущество, сданное на хранение¹⁸.

Необходимо сказать, что за годы Великой Отечественной войны библиотеки сильно растеряли свои фонды. Еще в 1943 году исполнительный комитет Тюменского горсовета депутатов трудящихся принял решение о возмещении читателями стоимости утерянной книги в десятикратном размере.

Книга 1943 года издания (серия «Великие борцы за русскую землю») из фонда библиотеки-филиала №14 МАУК «ЦГБС»

Заведующей восстановленной Затюменской библиотекой назначается А.Ф.Горелова (имя и отчество неизвестны) с окладом 350 рублей в месяц.

Трудно сказать, работала ли с читателями в 1945–1946 гг. библиотека: пока не обнаружены документы, дающие утвердительный ответ. Хотя в докладе за 1945 г. в качестве отрицательного примера была приведена Затюменская городская библиотека, в которой не заботятся о сохранности фонда: «Имела несколько тысяч книг и благодаря преступно-халатному отношению руководителей библиотека эта исчезла. Часть старой ветхой литературы и немного политической лежит в Заречной библиотеке, а куда исчезла вся художественная литература, никто не знает. И все это происходило на глазах горкомов ВКП(б) и ВЛКСМ и горисполкома, это их не беспокоит еще и сегодня»¹⁹. Другой документ

17 Прокофьева Л.П. Воспоминания о средней школе № 26 г. Тюмени: рукопись / МОУ «Средняя школа № 26 г. Тюмени». Архив школы. [Тюмень, 2006]. – С. 6.

18 Приказ № 11 по Тюменскому Городскому отделу Народного образования от 1 апреля 1944 года. – ГАТО. Ф. 86. Оп. 2. Д. 89. Л. 31.

19 О состоянии и неотложных задачах культурно-просветительных учреждений области за 1945 г. – ГАТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 2. Л. 42.

обрисовывает ситуацию в учреждении культуры: «Затюменская библиотека не восстановлена, не имеет читального зала и книгохранилища»²⁰. Увы, она была не единственной в таком положении. Городские власти отмечали ужасное состояние и клубов, также не готовых работать в зимних условиях.

Такое положение дел наблюдалось не только в городских культпросветучреждениях, которые не ощущали «чуткой заботы и должного внимания, и все еще не изжито бездушно-бюрократическое отношение к ним со стороны некоторых местных организаций»²¹.

После войны библиотеки, как клубы, театры и музеи, становились культовыми местами для людей, перенесших тяготы войны и тянувшихся к образованию, культуре, художественной литературе. В уже упомянутом докладе отмечалось: «Вместе с хозяйственным ростом советского государства неуклонно осуществляется и культурный подъем народа. Широкие массы трудящихся тянутся все к новым и новым вершинам знаний». Верховный Совет СССР 18 марта 1946 года утвердил четвертый пятилетний план общего возрождения и развития народного хозяйства. Центральным местом культурного фронта первой послевоенной пятилетки (1946 - 1950гг.) явились массовые библиотеки.

Приказом «О мероприятиях по пропаганде Закона о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг.»²² библиотекам предписывалось проводить лекции, беседы, библиографические обзоры по вопросам выполнения пятилетнего плана. В качестве трибуны предлагалось использовать местную печать и радиовещание. Справочно-разъяснительная работа о ходе пятилетки должна была вылиться в устройство книжных выставок, организацию тематических вечеров, в вечера вопросов и ответов, чтение вслух материалов, брошюр и книг. Работа с научными работниками, специалистами, рабочими, учащимися выделялась в отдельный раздел.

Два года (1948–1949) заведующей Затюменской библиотекой была Мария Степановна Прудникова. Задачи, поставленные исполкомом городского Совета, были непростые. В первую очередь необходимо было осуществить ликвидацию задолженности книг, проводить ежеквартальные читательские конференции с обсуждением лучших произведений советских писателей,

20 Выписка из протокола № 28 Исполнительного комитета Тюменского областного совета депутатов трудящихся от 11 июля 1946 г. «О состоянии культурно-просветительной работы в г. Тюмени». – ГАТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1. Л. 41.

21 Доклад «О состоянии и неотложных задачах КПУ области» от 19 /X–1945 г. – ГАТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 2. Л. 49.

22 Приказ № 59 по Тюменскому областному отделу КПП от 27 июня 1946 г. ГАТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 9. Л. 7.

систематически информировать читателей по радио и в печати о новинках литературы, имеющихся в библиотеке; а также обеспечить ремонт нуждающихся в этом книг. Затюменская библиотека в срок до 1 ноября 1948 года должна была составить алфавитный каталог на весь фонд.

На третьем областном совещании заведующих районными и городскими отделами культурно-просветительной работы (1948 г.) отмечалось, что, несмотря на энтузиазм своего дела, наличие общеобразовательной и специальной подготовки, «общее состояние библиотечных кадров нельзя признать удовлетворительным»²³. Это приводит к тому, что библиотеки «ведут свою работу в отрыве от хозяйственно-политических задач, пропагандируют книгу ради книги». Такое положение – следствие того, «что среди библиотечных работников много беспартийных, потому что их не вовлекают в активную общественную жизнь. Обыкновенно вечером, когда проходят все массовые мероприятия, библиотекарь остается на своем посту и не принимает в них участие. Так незаметно он может отойти от общественной работы и замкнуться в рамках одной библиотеки. И если это случилось, то такой работник превращается из библиотекаря в кладовщика книг». Для поднятия авторитета культурных кадров предполагалось принять серьезные меры по вовлечению библиотекарей в активную общественную жизнь. «Тогда будут не редкостью и громкие читки, и читательские конференции, и выставки, и монтажи, и книга более широко проникнет в массы»²⁴.

На конец 1948 года Затюменскую городскую библиотеку посещали 1350 читателей.

В декабре областным отделом культпросветработы областного Совета депутатов трудящихся была проведена проверка ее деятельности. Недочетов было много, но главное, – «недостаточно развернута справочно-библиографическая работа, нет каталогов на книжный фонд»²⁵. Для исправления упущений руководство отводило лишь три месяца.

В 1948 году Затюменской библиотеке необходимо было «собрать» 3000 экземпляров книг для пополнения книжных фондов сельских библиотек, Заречной – 3000, областной – 8000 экземпляров²⁶.

23 Отчётно-информационный доклад на 3-м областном совещании заведующих районными и городскими отделами культурно-просветительной работы «Недостатки и меры улучшения работы КПУ в 1947 г. (от 20 марта 1948 г. г. Тюмень). ГАТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 34. Л. 18.

24 О недостатках и мерах улучшения работы КПУ в 1948 году. г. Тюмень. ГАТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 34. Л. 15–16.

25 Приказ № 70 заведующего отделом культурно-просветительной работы при Тюменском областном Совете депутатов трудящихся от 30 дек. 1948 г. «О состоянии работы Затюменской библиотеки г. Тюмени». ГАТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 33. Л. 17.

26 Задание по сбору книг для пополнения книжных фондов сельских библиотек. ГАТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 47. Л. 18.

В протоколе №19 исполкома городского Совета депутатов трудящихся от 1949 года отмечалось улучшение работы и увеличение количества читателей в Заречной, Затюменской и городской детской библиотеках. Ежедневная посещаемость составляет 350 человек по каждой библиотеке, по читальным комнатам – 400 человек²⁷.

На этот момент в городе числится 99 культпросветучреждений, в том числе: 6 клубов, 21 красный уголок, драмтеатр, три кинотеатра, музей, стадион, пять садов, 57 ведомственных и 4 государственные библиотеки.

С 10 по 13 декабря 1949 года в г. Тюмени прошел Первый съезд работников культурно-просветительных учреждений Тюменской области. Его участницей была и М.С.Прудникова. Съезд поставил задачу повышения роли библиотек в продвижении политической, сельскохозяйственной, естественнонаучной и художественной литературы. Это возможно было лишь при постоянном увеличении количества читателей, улучшении массовой работы с ними. Но в конце года М.С.Прудникову освобождают от занимаемой должности, «как не имеющую специальной подготовки и практики»²⁸. Нового библиотекаря, Зинаиду Павловну Волошину, утверждают заведующей только через десять месяцев работы. У нее за плечами лишь семилетка, нет специального образования, к тому же она беспартийная. Несмотря на это руководителем библиотеки она оставалась до 1954 года.

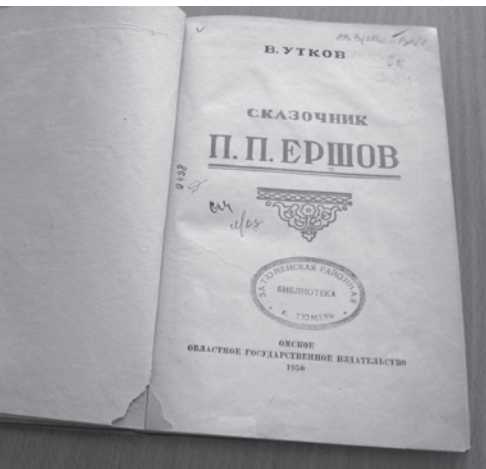
В 1951 году Затюменская библиотека по-прежнему находится в старом здании. Предписывалось решить вопрос о предоставлении помещения библиотеке в более приспособленном и теплом здании в центре города. Но вопрос, судя по всему, так и не был решен.

В отчете за 1951 год отмечалось, что «Затюменская библиотека находилась в Кировском²⁹ районе». Своего помещения по-прежнему не имела. Размещалась в доме, занимаемом детским садом №12. На долю библиотеки приходилось подвальное помещение общей площадью 50 кв. метров. Имелось два небольших книгохранилища, одно состояло из «очень небольшой комнаты, отгороженной в коридоре, другое, равное по площади первому, в комнате, отгороженной от читального зала». Инвентарь состоял

27 Протокол № 19 заседания исполкома городского Совета депутатов трудящихся от 21 июня 1949 г. Копия / ЦГБ. Архив. [Тюмень, 1949].

28 Приказ № 74 заведующего отделом культурно-просветительной работы при Тюменском областном Совете депутатов трудящихся «Об аттестации библиотечных работников» от 26 декабря 1949 года. ГАТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д 47. 19 л.

29 12 марта 1951 года образованы Кировский, Ленинский и Сталинский районы (упразднены 15 июня 1953 г.) / <http://ru.wikipedia>.

Книга 1950 года издания со штампом Затюменской районной библиотеки города Тюмени из фонда библиотеки-филиала №3 МАУК «ЦГБС»

из девяти полуразвалившихся, разных форм стульев, громоздкого книжного шкафа и витрины. Наглядная агитация, как отмечалось в отчете, «насколько этому позволяет это полуподвальное помещение, отражает жизнь страны, отображает темы проводимых мероприятий, а также знаменательные даты и прочие достижения в нашей стране»³⁰.

Одной из главных задач библиотеки в 1951 году была «пропаганда решений партии и правительства, содействие хозяйственному и культурному строительству города, помощь населению в получении знаний во всех областях науки, литературы и искусства»³¹. Основными темами массовых мероприятий для детей были: «Сталинская конституция – самая демократичная в мире», «Женщины – борцы за мир во всем мире», «Герцен – великий русский революционер-демократ», «Советское радио на службе человека», «За мир», «Писатель-революционер Радищев» и др. В библиотеке активно использовалась такая форма работы, как громкие читки (125 читок за год), ими было охвачено 2993 читателя.

С 25 марта по 1 апреля 1951 года прошли совместные мероприятия со школой №14. Лозунгом «Недели детской книги» стали слова: «Готовься в дорогу на долгие годы, бери с коммунистов пример, работай, учись и живи для народа, Советской страны пионер!». Все мероприятия: утренники, литературные вечера, конференции, лекции – проходили, в основном, в классах, так как помещение библиотеки не позволяло вместить достаточное количество детей. Это отмечала в своих воспоминаниях и Е.Ф.Велижанина, работавшая в Затюменской библиотеке (впоследствии – городская библиотека №4) с 1954 по 1971 год.

Библиотека обслуживала на дому «престарелых домохозяек», ежедневно А.Л.Беляева, работавшая уборщицей в библиотеке, разносила газеты и журналы инвалидам труда. Использовалось обслуживание читателей

30 Постановление № 676 президиума Тюменского городского Совета РК и КД от 4 ноября. 1935 г. «О распределении дотации на содержание детских садов на 4 кв.». ГАТО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 366. Л. 1, 853.

31 Отчёт о работе Затюменской библиотеки за 1951 г. ГАТО. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 111. Л. 1.

книгоношами. Заведующей библиотекой З.П.Волошиной 10 ноября 1951г. среди книгонош был проведен семинар, на котором рассматривались вопросы о том, как лучше подобрать читателю книгу.

Актив библиотеки, состоящий из 22 человек – рабочих, служащих, студентов, домохозяек, школьников, оказывал большую помощь библиотеке, кроме того заслушивал отчеты и планы заведующей библиотекой.

После профильных годовичных курсов 12 декабря 1951 года пришла работать в библиотеку Мария Андреевна Гладильщикова, выпускница кооперативного техникума, которая, как отмечалось в отчете, работая два месяца, уже «показала себя как специалист своего дела»³².

В 1952 году помещения, в которых располагались четыре городских библиотеки и три детских, «не соответствовали своему назначению». В Затюменской библиотеке даже освещение нуждалось в улучшении, ибо, как отмечалось в архивных документах, «вечером читать при таком свете невозможно...»³³.

Во время весенних каникул прошла «Неделя детской книги», которая была насыщена различными мероприятиями: конференция «Детство в произведениях советских писателей», встреча с депутатом горсовета т. Бобылевой, беседы «Наш город в прошлом и будущем», «Как лучше подготовиться к экзаменам», громкие читки книг Н.Носова «Витя Малеев в школе и дома», Л.Кассиля-Полянского «В подземной крепости», утренники и др. За девять дней Затюменскую библиотеку посетили около 600 детей. Им выдали 507 книг. Участниками различных мероприятий в течение недели были 532 человека. За время праздника книги в библиотеку записались семь новых читателей.

Как отмечалось в отчете городского отдела культурно-просветительной работы за 1952 г., «произведена сверка книжного фонда в Затюменской, Заречной и Заводской библиотеках»³⁴.

Но в этот период в Затюменской библиотеке начало страдать качество проводимых мероприятий: увеличилось число задолжников, снизилась выдача литературы из отделов, потерялась связь с предприятиями района. Это было неудивительно, так как по-прежнему библиотека квартировала у детсада. Тем не менее, сотрудники библиотеки (З.П.Волошина, М.А.Гладильщикова, Т.А.Микерина) за год провели 183 громких читки, 68 библиографических обзоров, семь литературных вечеров, 11 детских утренников, 4 конференции и экскурсии с читателями-детьми, оформили 149 книжных выставок и др.

32 Там же. Л. 13.

33 Отчёт городского отдела культурно-просветительной работы за 1952 год. ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 2. Л. 81.

34 Там же. Л. 84.

В архивных документах этого периода говорится «о плохой укомплектованности» публичных библиотек города Тюмени книгами по животноводству, полеводству, овощеводству, механизации и другим отраслям сельского хозяйства. Бибколлектор не располагает достаточным количеством книг также по технике и естествознанию.

Отчет о работе учреждений культуры Тюмени за 1953 г. зафиксировал, что «в Затюменской библиотеке так тесно, что некуда положить литературу. Неоднократно ГОРФО заявлял об отказе отпуска денег на комплектование, так как в библиотеке нет места для литературы»³⁵.

В 1955 году Затюменская библиотека по-прежнему занимала площадь в 56 кв. метров, имела трех сотрудников: одного с высшим, остальные – со средним специальным библиотечным образованием.

Двое проработали в Затюменской библиотеке не более пяти лет. Заведующей была Элла (в архивных документах Элоиза) Ильинична Брук, 1930 г. рождения, стаж работы к этому времени был два с половиной года. В Затюменскую библиотеку она пришла сразу после окончания Московского государственного библиотечного института имени Молотова. Э.И.Брук проработала заведующей до 1958 года.

В середине 50-х годов структура библиотеки состоит из абонемента (2050 читателей, книговыдача - 51912 экз.), детского отделения (550 читателей-детей до 16 лет, книговыдача - 28036), 4 передвижек (150 читателей, книговыдача – 725 экз.).

На конец 1955 года фонд библиотеки составлял 12255 экземпляров (книг, журналов и брошюр). Причем вышло книг гораздо больше (3479 экз.), чем поступило (1859 экз.).

Всего за отчетный год выдано 80673 экземпляра книг, журналов и брошюр. Больше всего читателей интересовала художественная литература – 28483 (35,3%) тома, детская – 17192 (21,3 %), общественно-политическая – 8082 (10 %). Практически не находила спроса сельскохозяйственная литература.

Работал и межбиблиотечный абонемент. В отчете отмечалось, что «получено 96 книг, выдано другим библиотекам – 72 экз. в порядке межбиблиотечного обмена». Кроме того, библиотекой организовано 53 выставки, проведено 15 литературных вечеров и конференций, 42 библиографических обзора³⁶.

35 Отчёт о работе учреждений культуры г. Тюмени за 1953 г. ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 2. Лл. 31–53.; Отчёт о работе культпросветучреждений г. Тюмени за 1952 г. ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 2. Лл. 91–92, 37.

36 Отчёт Затюменской массовой библиотеки за 1955 г. ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 7. Л. 430–430 об.

В 1956 году в библиотеке, кроме заведующей, работали Мария Андреевна Гладильщикова (1921 года рождения, окончила курсы при областной библиотеке) и Евгения Федоровна Велижанина (1931 года рождения, выпускница техникума культпросветработы, стаж 6 лет).

Книжный фонд библиотеки вырос почти до 13000 экземпляров, количество читателей составило 2264 человека, а книговыдача – 85105 экземпляров. Жителей города интересовали преимущественно художественная литература (24270 экз. или 28,6%) и детская (14789 экз. или 17,3%). Поступило свыше полутора тысяч томов. Всего было приобретено литературы на сумму 13 тысяч рублей. Читатели имели возможность читать газеты (15 наименований) и журналы (40 наименований)³⁷.

Как свидетельствует отчет за 1956 год, библиотека вела широкую пропаганду материалов и решений XX съезда КПСС, научно-атеистической и естественнонаучной литературы, материалов на темы: «Партия – наш рулевой», «За дальнейший технический прогресс в стране...». В библиотеке имелось около 200 экземпляров материалов XX съезда КПСС.

Перед библиотекой ставилась задача – «воспитывать подрастающее поколение в духе коммунистической сознательности, прививать детям самые лучшие морально-политические качества, жизнерадостность, мужество, пламенный советский патриотизм...».

Особое внимание уделялось пропаганде литературы, содействующей политехническому обучению подростков. Составлялись рекомендательные списки, планы чтения, картотеки. Для разного возраста детей (1–3 кл., 4–5 кл., 6–7 кл.) подбирали соответствующую литературу и оформляли выставки: «Прочти эти книги», «Сказки народов СССР»; устраивали литературные викторины: «Кто автор?», «Откуда эти строки?».

В 1956 году отмечали юбилей детского писателя Аркадия Гайдара. Библиотеки проводили читательские конференции и утренники, посвященные его произведениям. Около 200 учеников школ №10, 14 и 22 приняли участие в этих мероприятиях.

Кроме того библиотека проводила большую работу по пропаганде культурных шагов, несущих идеологию власти в массы: выходили с докладами, читками, обзорами литературы и периодических изданий на предприятия и в учебные заведения.

Библиотекари дифференцировали работу с читателями в зависимости от групп населения: с рабочей молодежью, учащимися вечерних школ,

37 Отчёт о работе Затюменской библиотеки за первое полугодие 1956 г. ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 7. Лл.116–121.

занимающимися в сети партпросвещения, а также с читателями с определенными запросами. В связи с 370-летием города Тюмени широко пропагандировалась краеведческая литература.

Выполнялись библиографические запросы читателей об атомной энергетике, огородничестве, Югославии, Египте, художнике Шишкине и др. За 1956 год сотрудники составили свыше 102 библиографических справок. Систематический и алфавитный каталоги всего книжного фонда были переделаны согласно новой классификации.

В актив входили старейшие читатели библиотеки: пенсионеры Тихомирова, Иогансон; рабочие Чикишева, Иванова; преподаватели Бакланова, Розливалова, Широева; учащиеся Квашнин, Хоменко, Золилова, Логинова, Завьялова (имя и отчество в документах не указаны) и др. - всего было 29 человек. Они знакомили читателей с новинками литературы, писали отзывы, рецензии на книги, проводили читки, обзоры, принимали активное участие в проведении читательских конференций. Помогали члены актива и в обработке новой литературы: наклеивали листки возврата и кармашки, занимались сбором книг у задолжников.

На городском совещании, состоявшемся в июле 1956 года, подчеркивалось, что все внимание библиотек должно быть направлено на индивидуальную работу с каждым читателем, на увеличенный объем картотек, лучшее составление индивидуальных планов чтения, особенно в детских библиотеках. Шел острый разговор об увеличении числа обзоров, о контроле за расходованием средств (особенно на приобретение книг), обращалось внимание на наглядную агитацию.

Заведующая Затюменской библиотекой Э.И.Брук на совещании отметила, что библиотека делает упор на внутреннюю работу, поэтому «запустила массовую работу. Обещаем исправить массовую работу. Постараемся годовой план выполнить»³⁸.

Но у библиотеки и не было особых возможностей проводить массовую работу, так как она по-прежнему занимала, как отмечалось в документах тех лет, очень «плохое, неприглядное» для работы помещение. И даже построенное в этом году новое «деревянное хранилище» и отремонтированное старое (установлены дополнительные стеллажи и полки для газет и журналов) не решали проблем. «Крик души» библиотекарей того времени сохранил архивный документ: «В таких условиях работать невозможно. Читателей много, всегда очень тесно, почитать газеты, журналы нигде. Массовые мероприятия проводить нигде. Библиотека не имеет

38 Протокол совещания работников городских библиотек от 31 июля 1956 г. ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 7. Л. 435.

возможности оформлять больше одной книжной выставки – нет места. Новые книги расставлять негде, газеты складывать некуда»³⁹.

Следующий год не принес никаких изменений. В библиотеке по-прежнему работали три человека. В акте обследования отмечалось, что учреждение находится в промышленном районе города и по-прежнему занимает помещение, которое не отвечает требованиям, предъявляемым к заведениям такого типа. И это сказывается на работе.

Книжный фонд размещался в двух небольших комнатах, там же находился и абонемент. Часть книг размещалась в пристроенной холодной комнатке. Как отмечено в документе, библиотека арендует помещение детсада, которое подлежит в 1957 году ремонту. Ставился вопрос о выселении библиотеки, а городской отдел культуры искал для этого новое помещение. В раздел административно-хозяйственной деятельности Затюменской библиотеки были внесены затраты на побелку помещения, покраску полов, заготовку 30 кубометров дров⁴⁰.

Книжный фонд библиотеки за год вырос на четверть и достиг 16 тысяч томов. Возможности очага культуры не позволяли увеличить количество читателей. Оно осталось практически неизменным, а книговыдача уменьшилась. Общественно-политическая и научно-популярная литература составляли половину востребуемых читателями книг. В библиотеке работали взрослый и детский абонементы и передвижки.

Затюменская библиотека вела работу «по очищению книжного фонда». Основной площадкой, где работали библиотекари, стала школа. В «Неделю детской книги» проводились: обзоры литературы на тему «Дети революции», беседа «Чапаев – легендарный герой», утренники «Вечно живые», читательская конференция по книге Савельева «Штурм Зимнего», литературный вечер «Этих дней не смолкнет слава», экскурсии в музей и др.

Основная работа избирательных кампаний переносилась в библиотеки, которые становились агитпунктами. Актив библиотеки понемногу увеличивался. В него входили не только директор школы или инженер, но и пенсионеры, домохозяйки, учащиеся школ и т.д.

Комплектование через коллектор не удовлетворяло потребностей библиотеки, поскольку отражало не ту литературу, которую они заказывают. Отмечался по-прежнему недостаток технической литературы. На 1 января 1958 года книжный фонд Затюменской библиотеки достиг почти 15 тысяч томов⁴¹.

39 Отчёт о работе Затюменской библиотеки за 1956 г. ГАТО. Ф. 1819. О. 1. Д. 7. Л. 96 (выписка).

40 План работы Затюменской библиотеки на 1957 г. ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 7. Лл. 277–291.

41 Акт обследования Затюменской библиотеки инспектором по библиотекам областного управления культуры Баклановой Н.И. 1957 г. ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 7. Л. 106.

Среди недостатков в работе библиотеки в этот период отмечались: недостаточная связь с промышленными предприятиями района, плохое ведение учета массовых мероприятий и отсутствие записей в «Дневнике библиотеки», отсутствие планов чтения для молодых рабочих по специальностям и др. В текущий год так и не случилось новоселья в библиотеке.

В 1958 году страна праздновала 40-летие Ленинского комсомола. Наглядная агитация Затюменской библиотеки обновилась плакатами: «Героические дела комсомола», «Комсомольцы всегда впереди» и др. Праздником микрорайона стало мероприятие «Слава тебе, комсомол».

Вся массовая работа проводилась на предприятиях, в клубах и красных уголках аккумуляторного завода, ДОК «Красный Октябрь», в школах №10, 14, 22 и др. А на читательскую конференцию «Украсим наш город садами» был приглашен ученый секретарь Всероссийского общества содействия охране природы и озеленению населенных пунктов Б.В.Кудрешов.

На читательской конференции «Украсим наш город садами», 1958г.

Одной из распространенных форм работы с детьми были утренники: «Путешествие по веселым страницам», «Мамин праздник», «Моя любимая книга» и др. Библиотека оказывала практическую помощь школам микрорайона, устраивала совместные утренники, конференции по обсуждению книг.

Ветеран педагогического труда, читательница Затюменской библиотеки с 1957 года - Эльвира Александровна Саватеева вспоминает, что вход в библиотеку был с торца. В конце 50-х годов «помещение библиотеки было маленьким, но работали там настоящие Работники (я пишу их с заглавной буквы). Они отдавали себя нам, своим читателям. Возглавляла этот небольшой коллектив Марта Кузьминична Коптяева»⁴².

В 1959 году девять массовых библиотек посещали 30 тысяч читателей, книговыдача составляла 665866 экземпляров, общий книжный фонд достиг 52482 томов⁴³.

*Эйарик Хоттабыч - Сыров В. прикёс
ведуще му писмо.*

Утренник «Моя любимая книга» с учащимися 4–5 классов, 1958г.

В этом же году М.К.Коптяева, ставшая заведующей Затюменской библиотекой и возглавлявшая ее до 1966 года, как и ее предшественницы, с горечью писала в отчете, что работу библиотеки деформировала непригодность помещения. Часть книжного фонда

42 «Сейте разумное, доброе, вечное...»: воспоминания Саватеевой Эльвиры Александровны. Архив ЦГБ. 1 л. с об.

43 Протокол производственного собрания работников городского отдела культуры от 22 февр. 1960 г. «Итоги работы городских библиотек за 1959 г.». ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 51. Лл. 335–339 (выписка).

Коптяева Марта
Кузьминична.
Фото из семейного
архива

по-прежнему хранилась в сарае для дров, не было возможности для проведения массовых мероприятий, и совсем не было условий для открытого доступа читателей к книжным фондам.

Библиотека оставалась идеологической базой, пропагандирующей материалы XXI съезда. Литературы, разъясняющей политику партии, в книжном фонде имелось в достаточном количестве.

Большое место в работе занимала пропаганда научно-атеистической и естественнонаучной литературы. Отмечалось увеличение спроса на литературу по токарному, слесарному делу и др. Библиотекари составляли планы чтения на темы: «Что читать шоферу», «Что читать строителю» и т.д. В цехах заводов и красных уголках проводились беседы, обзоры.

В работе с детьми все видели одну цель – дать читателям твердые навыки самостоятельного чтения, научить выбирать нужную книгу, вдумчиво, осмысленно читать ее, понимать прочитанное, бережно обращаться с ней. Кроме того, совместно с пионерскими организациями библиотека решала задачу подготовки детей с первых лет обучения к тому, чтобы они в дальнейшем принимали участие в общественно полезном труде⁴⁴.

В 1960 году в Тюмени работают уже 170 библиотек (9 городских, 50 школьных, 4 – учебных заведений, 4 – на территории военных частей, остальные - профсоюзные и ведомственные)⁴⁵. В некоторых документах 1960 года Затюменская библиотека уже обозначается как городская библиотека №4.

На начало второго квартала 1960г. в Затюменской библиотеке насчитывалось свыше 18 тысяч книг, 2149 читателей, увеличились книговыдача и посещаемость по сравнению с предыдущими годами. В фондах значилось 14 названий газет и 62 названия журналов. В 1960 году было приобретено 2702 экземпляра книг. В библиотеке по-прежнему работали три сотрудника: М.К.Коптяева, М.А.Гладильщикова и Е.Ф.Велижанина. Актив поддерживал любое их начинание, помогал в

⁴⁴ Отчёт о работе Затюменской библиотеки г. Тюмени за 1959 г. ГАТО. 1819. Оп. 1. Д. 14. Л. 69.

⁴⁵ Справка о работе городского отдела культуры. 1960 г. ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 36. Лл. 259–261 (выписка).

обработке литературы, выходил к задолжникам, ремонтировал и переплетал книги, помогал в проведении массовых мероприятий.

На предприятиях Тюмени: аккумуляторном и обозостроительном заводах, ДОКе «Красный Октябрь» – работали библиотеки-передвижки, где книги обменивались ежемесячно. Заведовали такими пунктами читатели-активисты. Лучшей считалась библиотека-передвижка на обозостроительном заводе (заведующая Р.Н.Решетникова), ее посещали 342 читателя, которые за год взяли на дом 4819 книг⁴⁶.

Тюменский Совет депутатов трудящихся 29 октября 1960 года принял решение «О строительстве социально-культурных учреждений города Тюмени», в котором предусматривалось строительство библиотек в Затюменской части города и в районе мясокомбината⁴⁷.

В 1961 году в Тюмени работали: 13 клубов, 98 красных уголков, 171 библиотека (10 городских, 50 школьных, 14 - в учебных заведениях, 4 военных, остальные – профсоюзные и ведомственные). На 150 тысяч населения Тюмени было девять массовых библиотек. В документах тех лет отмечалось, что многие из них размещены в помещениях, не отвечающих элементарным требованиям и мало приспособленных для обслуживания читателей. Из-за отсутствия нормальных условий работы в большинстве библиотек города не был организован свободный доступ к книжному фонду. В их числе - и городская библиотека №4 (Затюменская, заведующая М.К.Коптяева), насчитывающая к этому времени свыше 25 тысяч томов⁴⁸. Документ того времени гласил, что Затюменская библиотека размещена в старом подвальном помещении площадью 40 кв. метров. На такой территории работали взрослое и детское отделения, но детей обслуживали лишь до 16.00.

В ответ на наказ избирателей о новом помещении городской отдел культуры отвечал: «Затюменская библиотека находится в старом помещении, потому что здание, в котором предусмотрено ее размещение, находится в стадии строительства и будет сдано в эксплуатацию не ранее 1962 года»⁴⁹.

46 Отчёт о работе библиотеки №4 г. Тюмени за 1960 г. ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 28. Л. 284.

47 Решение Тюменского Совета депутатов трудящихся от 29 окт. 1960 г. «О строительстве социально-культурных учреждений г. Тюмени. ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 36. Лл. 270–273.

48 Справка по городскому отделу культуры от 10.01.61 г. ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 25. Лл. 177–180, 200–201.

49 Справка о работе городского отдела культуры за 1-е полугодие 1961 г. ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 36. Л. 276.

Как свидетельствуют архивные документы, исполком городского Совета мало внимания уделял строительству культурчреждений. В городе в течение года была открыта одна библиотека.

В справке по городскому отделу культуры от 10 января 1961 года отмечалось, что «большую работу в деле коммунистического воспитания широких масс трудящихся оказывают библиотеки нашего города. Руководствуясь постановлением ЦК КПСС «О мерах по улучшению библиотечного обслуживания», библиотеки города усилили связь с производством, улучшили пропаганду производственно-технической литературы. В своей практической работе библиотеки применяют различные методы работы: например, устные журналы, совместно с клубами и красными уголками проводят тематические вечера».

В вышеуказанном документе в ряду добившихся успехов называли Заречную библиотеку, библиотеку №2 поселка Калинина, техническую библиотеку судостроительного завода, а также городскую библиотеку №4 (заведующая Коптяева). Отмечалось, что «работники этих библиотек много делают для того, чтобы число читателей повседневно росло, часто используют книжный фонд» (речь идет о высокой обращаемости фонда)⁵⁰.

В справке о проверке библиотеки №4 за первое полугодие 1961 года отмечено, что «работа библиотеки поставлена хорошо»⁵¹.

В 1961 году каждая городская библиотека шефствовала над аналогичным учреждением Тюменского района, а в следующем году городские библиотеки открывают на общественных началах пункты книговыдач в селе Утешево и деревне Яр и берут шефство над ними.

В 1962 году в Тюмени работали 153 профсоюзных и ведомственных, а также 10 массовых библиотек с книжным фондом 194919 экземпляров. Эти культурчреждения посещали 23852 человека, в том числе 12440 детей до 16 лет. Но тем не менее проверяющие организации пришли к выводу, что «неудовлетворительно организовано книгообслуживание населения города. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране» остается до конца невыполненным. Книга до каждой семьи в городе не доведена»⁵².

Из архивных документов мы узнаем, что было плохим комплектование библиотек общественно-политической, технической,

50 Справка по городскому отделу культуры от 10.01.61 г. – ГАТО. Ф. 1819. Д. 25. Л. 177–179.

51 Справка о проверке библиотеки №4 Затуменского района за 1-е полугодие 1961 года. – ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 51. Л. 275 с об. – 276 с об.

52 Справка о состоянии культурно-массовой работы среди населения г. Тюмени. 1962 г. ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 36. Л. 310.

естественнонаучной и детской литературой, средства, отпускаемые на ее приобретение, в основном, расходовались на художественную литературу. Книгообеспеченность на одного жителя затюменского района, где располагалась библиотека №4, составляла 1,9 книг. Радиус обслуживания населения книгой составлял 8–10 километров.

Отчет о работе библиотеки №4 за 1962 год информирует о том, что учреждение было закрыто на ремонт, а затем два с половиной месяца был карантин. Взрослые читатели все меньше посещали Затюменскую библиотеку. К 1962 году только три городские библиотеки имели открытый доступ к книжным фондам. Снизилась книговыдача общественно-политической литературы. Много наименований было списано. По итогам 1962 года книговыдача снизилась почти на пять тысяч экземпляров, количество читателей – на 289 человек.⁵³

Сотрудники и актив проводили подворные обходы с целью выяснения количества семей – читающих и нечитающих. В затюменском районе находилось около 40 крупных заводов, учреждений и предприятий. Библиотека ставила задачу по доведению книги до каждого работающего. Решить такую задачу можно было только с помощью передвижек и общественных библиотек.

В 1962 году при клубе аккумуляторного завода создан клуб «Друзья книги и музыки», организованный Затюменской библиотекой.

Название клуба в какой-то степени определяло и содержание его работы. Его занятия посещали рабочие и служащие, солдаты и домохозяйки, пенсионеры и все желающие. Членом клуба мог стать любой, кто любит и дружит с книгой. Был избран общественный совет, в который вошли рабочие и служащие предприятий и учреждений затюменского района. Председатель совета клуба – т. Вартиковский. На одном из первых вечеров друзей книги и музыки писатель К. Лагунов рассказал о своем творчестве и зачитал главы из новой, еще не напечатанной повести «Встреча с юностью»⁵⁴.

В 1962 году Затюменская библиотека значительно пополнила фонд новой технической литературой. В это время большой интерес у читателей вызывала литература о покорении космического пространства (и это неудивительно). Также «библиотека широко пропагандировала среди юного читателя старшей группы серию

53 Протокол совещания городских массовых библиотек от 17. 10. 1962 г. ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 51. Л. 237 об.

54 Отчёт о работе городской библиотеки № 4 за 1962 год, г. Тюмень. ГАТО. Ф. 1819. Оп. 1. Д. 28. Л. 14.

Книги из фонда Затуменской библиотеки на выставке редких книг в читальном зале Центральной городской библиотеки. 18 марта 2008г.

библиотеки №4 (Затуменской) помогали составлять план работы, очищали фонд от устаревшей литературы, подсказывали, как оформить наглядную агитацию, осуществляли методическую помощь в проведении массовых мероприятий...

Сама Затуменская библиотека по-прежнему жила в ожидании нового помещения. И только в 1963 году оно было предоставлено на первом этаже жилого здания по ул. Луначарского, 38.

С 1960 по 1966 год Затуменская именовалась городской библиотекой №4, хотя в 1960–1961гг. иногда проходила в отчетах как Затуменская библиотека, а с 1966 по 1971 год именовалась городской библиотекой имени А. Луначарского. Это уже отдельный пласт истории Тюменской городской библиотеки №4 (бывшей Затуменской), требующий изучения и своего повествования.

брошюр о моральном кодексе строителей коммунизма»⁵⁵.

Одним из интересных мероприятий начала 60-х годов была «Неделя детской книги», которую проводили в тесной связи со школами затуменского района и с детским сектором при клубе аккумуляторного завода.

С августа 1962 года библиотека взяла шефство над сельской библиотекой деревни Луговой. Сотрудники

⁵⁵ Там же. Л. 17.

Елена Сушая

Заместитель заведующего
Литературно-краеведческим центром
МАУК «ЦГБС» города Тюмени

Помните нас!

2012 год объявлен Годом Российской истории. Подготовились к нему и учреждения Централизованной городской библиотечной системы Тюмени.

Знания большей части горожан о культурно-исторических памятниках нашего города ограничиваются перечнем общеизвестных объектов культурного наследия, ставших своеобразными символами нашего города, как то: Александровское реальное училище, Знаменский кафедральный собор, здание Городской Думы.

Вместе с тем на территории Тюмени расположены сегодня 196 объектов культурного наследия регионального и федерального значения, 149 мемориальных досок, 82 произведения монументально-декоративного искусства: памятников, памятных знаков, монументов.

История многих из них требует дополнительного изучения, раскрытия и популяризации среди горожан.

18 апреля 2012 года на площади перед Литературно-краеведческим центром стартовала акция «Открой свой город заново!», приуроченная к Дням культурного и исторического наследия. Целый месяц здесь проходили мероприятия, посвященные памятным местам Тюмени.

К 67-летию
Великой Победы

Помните нас!

Монументы и памятники Тюмени,
посвященные Великой
Отечественной войне

Буклет «Помните нас!»

В рамках этих Дней, а также в связи с 67-й годовщиной Победы, Центральная городская библиотека выпустила буклет «Помните нас!», презентация которого прошла в Литературно-краеведческом центре 5 мая.

Это красочное издание рассказывает о монументах, памятниках, мемориальных досках Тюмени, посвященных Великой Отечественной войне: монументе Победы на Площади Памяти, памятнике «Труженикам тыла», любимом всеми тюменцами памятнике «Прощание» и многих других.

Сотрудники Центральной городской библиотеки просмотрели большое количество литературы, составили оригинальный текст, выполнили дизайн.

Теперь многие жители и гости Тюмени могут использовать буклет как своеобразный путеводитель в своих путешествиях по памятным местам города.

Музыкальная история Тюмени

Нина Бритва

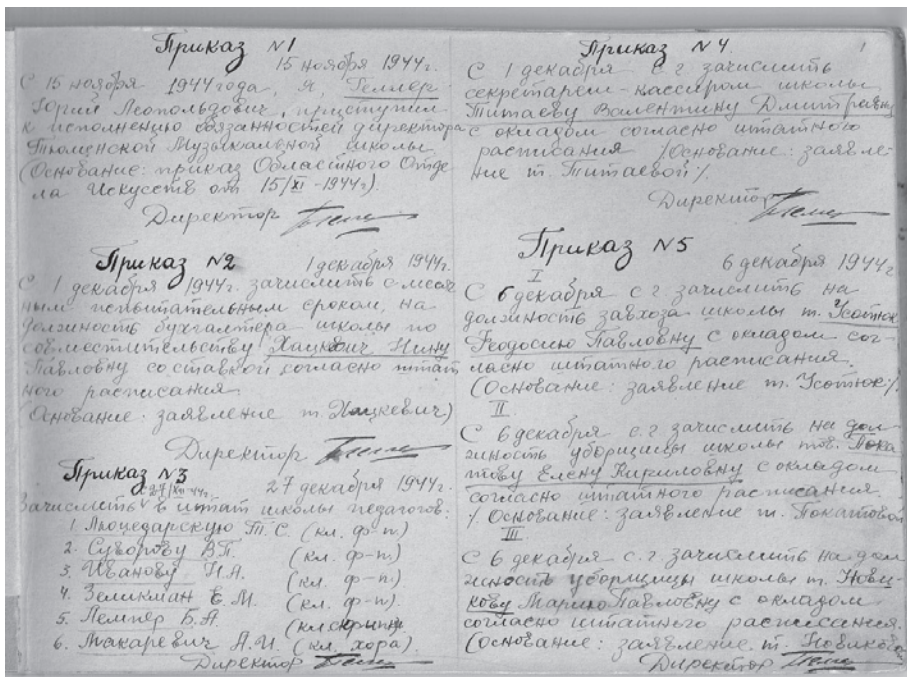
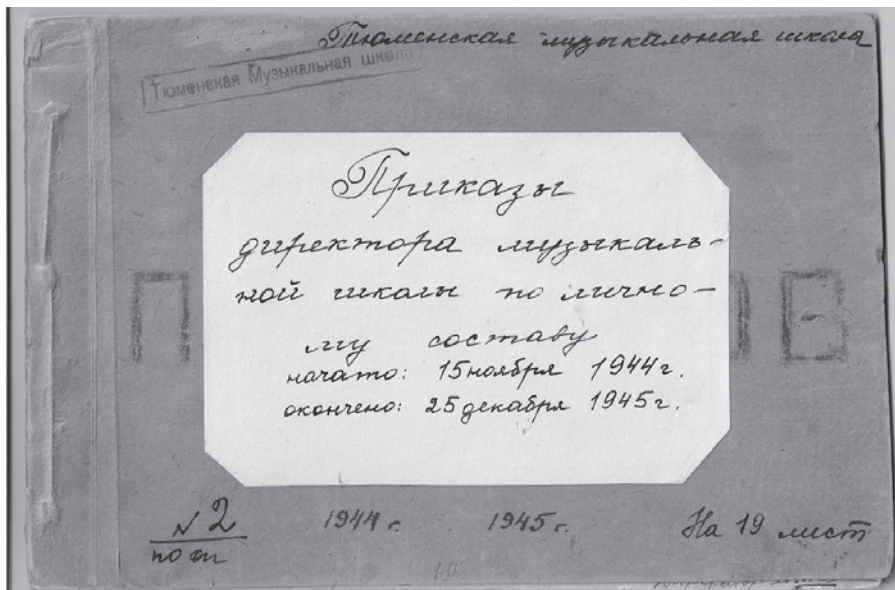
Ученица ДМШ №1 с 1956 по 1960гг.,
выпускница училища имени Гнесиных,
педагог ДМШ №1 с 1973 по 2006 гг.,
Отличник Культуры, Заслуженный учитель РФ.

В этой школе учиться считали за честь

Тюменской музыкальной школе №1 – 92 года (Страницы будущей книги. Продолжение)

Послевоенная история тюменской музыкальной школы №1 началась еще до окончания войны – осенью 1944 года. 15 декабря приказом №1 на должность директора был назначен Юрий Леопольдович Геллер, осужденный в 1940 году в Мурманске, отсидевший в лагере под Архангельском 2,5 года по приговору суда. С 1943 года он в нашем городе, осужденный по статье 58.10, как и очень многие в те годы. Все тяготы и лишения этих людей описаны во многих источниках, и здесь нет смысла что-либо фантазировать на эту тему. Достоверно известно, что Юрий Леопольдович бедствовал как все, работал грузчиком на заречном пивоваренном заводе, был плохо одет, истощен, измучен. На его плечах лежали заботы о семье – жене и маленьком сыне Гарике. Историю о том, какой счастливый случай помог ему, не знает никто, но этот случай приключился, и Геллера назначили директором.

С этого дня начался новый этап истории школы – ее золотое время. Зданию, где в войну находился военный госпиталь, требовался капитальный ремонт. Новый директор провел огромную работу по ремонту площадей, отведенных под классы на первом этаже школы №21, принимал непосредственное участие в ремонтных работах наряду со строителями. Он продумал архитектурное устройство школы. Сам занимался воссозданием педагогического и ученического коллективов. Под его руководством были собраны все инструменты, библиотека, мебель и оборудование: в школе появились цветы в кадках, ковры, шторы, картины, портреты и стенды, посвященные композиторам. Первое время должности директора и заведующего учебной частью Геллер совмещал. Он был очень работоспособным, строгим к себе и другим. Старательно, лично отбирал всех новых сотрудников и учащихся. Первые несколько бухгалтеров и завхозов не были приняты на работу, как не прошедшие испытательный срок. Свидетель тех дней, дочка дежурной технички тети Дуси – Роза Тилимбаева вспоминает, каким человечным был Ю.Л.Геллер.

Первые приказы Ю.Л.Геллера

Здание школы № 21. Справа, на первом этаже в 1944-1956 гг. находилась ДМШ №1.

Те ученики, у которых не было дома своего инструмента, до поздней ночи занимались в школе по установленному директором расписанию. Вечером на фортепиано ставили керосиновые лампы. Ноты «размножались» вручную. Целый год классы топили «буржуйками», сотрудники школы занимались заготовкой и распиловкой дров. Первым приказом зачислены в штат педагоги: Люцедарская, Суворова, Иванова, Зеликман, Лемпер, Макаревич. Характерен приказ к 8 марта 1945 года, в нем «объявлена благодарность техничке Ф.П.Усатюк и завхозу Е.К.Покатовой за добросовестное отношение, способствующее в налаживании нормальной работы школы в трудных условиях военного времени». Здесь уместно отметить, что работа общеобразовательной школы №21 началась на остальных площадях этого же здания только в 1946 году. Долголетнее содружество двух школ было интересно и полезно коллективам. Обе школы гордились своими лучшими учениками.

В январе 1945 года на работу принята Г.В.Лесникова – преподаватель баяна. В мае 1945 года наступила мирная жизнь с ее радостями, новыми планами, вдохновением и с еще большей тягой к прекрасному. Постепенно люди «оттаивали» не только физически, но и духовно. Горе сплотило людей, появились новые цели и достижения. В школу приехали молодые фронтовики. Дети, перенесшие войну, пришли в школу как в храм. Педагоги стали для них родными и близкими, отдающими тепло души и любовь к музыке. Холод и голод, бедность, потери родных забывались трудно и долго, искусство же помогало душевно восстановиться и взрослым, и детям. Это были годы возрождения надежд и высокого творчества. Всех захватила интенсивная концертная деятельность. Ученики соревновались друг с другом в исполнительском мастерстве, это было благородное соревнование, оно подстегивало

у всех интерес к труду и учебе. После войны очень быстро развивался класс модного тогда аккордеона. Общественное осознание роли музыки в жизни было велико. Дети принимали в общественной жизни самое активное участие на радость себе и всем взрослым.

Сегодня поражают рядовые для того времени факты. Ю.Л.Геллер организовал переписку с выдающимися музыкантами СССР, на адрес школы, в Тюмень писали композиторы: М.Глиэр, И.Дунаевский, профессор Е.Гнесина, профессор А.Б.Гольденвейзер, пианист Э.Гилельс, скрипач Д.Ойстрах, Т.Николаева, Д.Шафран, певцы Гмыря, Н.Обухова, П.Лисициан, И.Козловский, Л.Утёсов и многие другие. В 1947 году, к 30-летию советской музыки, в школе была организована выставка, на которую прислали письма, ноты, автографы очень многие знаменитости. (Сегодня этот уникальный архив подарен вдовой Ю.Л.Геллера для будущего школьного музея).

Э.Гилельс

Д.Ойстрах

Первые послевоенные годы ознаменовались новым течением – в школе обучались не только дети, но и взрослые учащиеся (КОМО - Курсы общего музыкального образования). В 1946 году аспирант Московской консерватории М.И.Якубович проявил инициативу заниматься с преподавателями И.Г.Гавришем, Т.С.Люцедарской, А.И.Матягиной, Д.А.Щукиной, Ю.В.Носковой и распоряжением Геллера был назначен их педагогом для повышения квалификации.

Творческая и дружеская атмосфера в школе способствовала активной концертной и просветительской деятельности педагогов и учащихся. Сотворчество проникло во все сферы общественной и учебно-методической жизни. Лидером во всех начинаниях и делах являлся авторитетный Ю.Л.Геллер, которого любили и уважали все – взрослые и дети. Он стал цементирующим звеном коллектива. Лектории, шефская работа на селе и в городе, заботы о подготовке педагогических кадров из местных учащихся дали реальные плоды уже через несколько лет.

Естественными были отъезды педагогов из Тюмени после войны: те, кто имел возможности и желание, возвращались по домам, на родину, к прежнему месту жительства, на работу или на учёбу. Появились молодые педагоги: Н.В.Бутенко, В.И.Усанин, В.Ф.Володин, Г.Л.Печёнкина, Б.Н.Шишкин, Н.Д.Дмитриева, Г.А.Ульянов, Н.В.Первушина. Затем стало подъезжать после учебы в музучилищах молодое поколение наших выпускников: Т.А.Блинова, Л.Э.Постникова, В.Попова, А.Г.Вальковская и др.

Долгие годы школу связывают тесные узы с учебными заведениями Екатеринбурга, Омска, Новосибирска, Москвы, Ленинграда... Прямые связи с этими городами начались с самого начала истории школы. Приехали тогда из столиц ближе к родительскому дому и к месту своего рождения – Аржиловский, Знаменский, Соковнин. Другие были приглашены в Тюмень своими знакомцами по учебе (Шейблер, Уместнов). Третьи были принуждены к поселению в наш город (Геллер, Золтс, Волинская, Борн, Гергенредер). Изучая документы и судьбы всех этих людей, понимаю: какие трагические жизни все они прожили. Каждая биография – это череда несчастий, преследований и унижений, жуткой нищеты, страшного голода. И тем более святой героический подвиг совершен ими во имя музыки и учеников. Это надо знать!

Педагогический состав ДМШ №1 на 1947 год

№	Ф.И.О.	Год рождения	Образование	Специальность	Стаж
1.	Геллер Юрий Леопольдович	1897	Незак. высшее 1к.Ленинг.конс.	Теоретик – композитор	11 лет
2.	Гавриш Иван Георгиевич	1910	Нез. Высшее, 2 к. пединст. Москва Заочно	Пианист, аккордеонист	10 лет
3.	Люцедарская Тамара Селиверстовна	1907	Муз. среднее, Омское музучилище	Пианистка	11 лет
4.	Лесникова Галина Валентиновна	1920	Муз. низшее, Тюм. музшкола	Баянистка	7 лет
5.	Щукина Диана Алексеевна	1925	Муз. низшее, Частное образ.	Пианистка	2 года
6.	Борн Ольга Фёдоровна	1903	Муз. высшее, Ленингр. конс.	Певица	12 лет
7.	Якубович Моисей Иосифович	1916	Муз. высшее, Моск. консер. аспирантура	Пианист	7 лет
8.	Бакланова Клавдия Гавриловна	1916	Муз. среднее, Свердл. музуч.	Пианистка	5 лет
9.	Носкова Юлия Вильгельмовна		Муз. низшее, Частное образ.	Пианистка	1 год
10.	Матягина Анна Ильинична	1919	Незак. ср. муз. Омское музуч	Пианистка	2 года
11.	Вольнская Ольга Яковлевна	1892	Муз. высшее, Петерб. конс.	Пианистка, концертмейстер	20 лет
12.	Покровская Ольга Семёновна	1909	Незак. муз. высш. Зк. Томск. нар. конс.	Пианистка	6 лет
13.	Дмитриева Надежда Дмитр.	1919	Муз. среднее, Свердл. Музучил.	Народные инструменты	6 лет
14.	Шишкин Борис Николаевич	1921	Муз. низшее, Частное образ.	Баянист	3 года

В нашем коллективе зародились многие традиции: концертная площадка в соседнем кинотеатре «Темп», «детская филармония», организованное шефство в общеобразовательных школах, детских садах, коллективах самодеятельности – все было сферами интересов школы. Педагогический состав в 60-70 годы – самый стабильный. Отчетные концерты школы – это всегда заметные события городского масштаба. Учащиеся – частые победители в разных исполнительских конкурсах и олимпиадах в городе и области. До 1965 года ДМШ №1 была единственной в городе. Открытие

в 1965 году ДМШ №2 и нескольких музыкальных студий по типу школы при клубах расширили детям возможности обучения. В 1969 году был открыт первый филиал на Мысу, а в 1970 – в аэропорту Плеханово. (Сейчас у школы - три больших филиала). Многие педагоги работали тогда руководителями коллективов самодеятельности в различных организациях и на предприятиях. Их деятельность была очень плодотворной, профессиональный авторитет и репутация среди коллег были гарантией высокого уровня коллектива. Творческие контакты давали всем взаимную пользу.

Многие педагоги пробовали тогда свои силы в композиции: А.Гро, Шейблер, Кочевицкий, Геллер, Якубович, Гавриш, Золтс, Усанин, Ульянов, Гергенредер и другие наши композиторы. А в 70 - 90 годы в содружестве с теоретиками все педагоги стали помогать детям заниматься сочинением музыки. В нашей школе композиторская традиция появилась при Геллере. В 70-80 годы композиторские конкурсы в школе стали регулярными. Преемственность, наставничество, духовное родство жили в коллективе, и поэтому те годы до сегодняшнего дня вспоминаются 70-80-летними питомцами школы как самое счастливое время их жизни. Дети брали пример с трудолюбивых, талантливых, ценились пылкостью, настойчивое стремление к знаниям. Поэтическое хобби тоже увлекало очень многих.

Снимок 1952 года

Дружба и сотрудничество продолжают и сегодня. Педагоги стали для учеников эталоном и в творчестве, и в быту. Разнообразные формы отдыха: путешествия, праздники, юбилеи, капустники, труд на поле, на субботниках – не перечислить все то, что наполняло всех и было радостью довольно скромной в материальном плане послевоенной жизни.

После отъезда Геллера из Тюмени, через некоторое время школу возглавил В.Ф.Володин, при котором все традиции коллектива упрочились. Г.Л.Печёнкина пришла в школу в 1953 году, и в ее трудовой книжке - всего одна запись о поступлении на работу. Там же можно было бы сделать запись, что «она бессменный фоторепортёр школы на общественных началах»! Нельзя не упомянуть о преподавательских оркестрах, ансамблях разного состава. А выпускники становились музыкантами, врачами, педагогами, журналистами, учеными, артистами, экономистами, историками или просто хорошими людьми.

«Володинская эпоха» – это 1953 – 1973 годы. В 1956 году на базе школы было открыто музыкальное училище, и наши питомцы – выпускники школы, училища, а затем и выпускники различных консерваторий – стали пополнять ряды специалистов с высшим образованием. Это были годы развития и настоящего сотворчества. Подростки ученики понесли умное, доброе, вечное, посеянное добрыми учителями, в жизнь. Школа роднила людей

Выпуск Тюменской музыкальной школы 1956 года

Фронтвики: Н.В.Бутенко, В.И.Усанин, В.Ф.Володин

и целые семьи на десятилетия. В дальнейшем это стало фундаментом для формирования многих коллективов области и хорошей прочной традицией на долгие годы. Часто в школе учились несколько детей из одной семьи. Выпускники, ставшие музыкантами, разъехались по всей области, по стране. Они стали организаторами хоровых, оркестровых и других коллективов. В 1960 году был основан Областной русский народный оркестр, который все 50 лет пополнялся и пополняется выпускниками школы. «Наши» стали кадровым ядром всех вновь открывающихся музыкальных школ. Нет музыкального коллектива в Тюмени и в области, где бы ни трудились наши выпускники. Родные дети педагогов тоже почти все обучались в школе. Пошли по стопам родителей, став педагогами - музыкантами: сын и дочь Геллера, дочь Ульянова, Лесниковой, Бутенко, дочери Корешковой, Латышевы...

В последние три года директором школы был А.А.Гергенредер. С приходом В.Покусы начались политизированные времена и частые смены руководителей школы: А.Андрюшкин, Т.Воробьева, Б.Смирнов. С 1998 года – перестройка, брожение, смутные времена. Смена кадров идет до сегодняшнего дня. Сейчас школой руководит директор Д.Ю.Антонюк. За последние годы ДМШ №1 снова была переименована и существенно изменилась. В школе кроме основного коллектива есть два филиала: в районе улицы Ватутина, на базе школы №56, а также в районе Московского тракта, на базе школы №88. Недавно появилось еще одно подразделение по адресу: улица Судостроительная, 2а. С апреля 2005 года в школе появились художественное и хореографическое отделения.

В 2019 году музыкальной школе №1 города Тюмени исполнится 100 лет. Учитывая заслуги этой, когда-то единственной и самой авторитетной музыкальной школы в Тюменской области, хотелось бы встретить 100-летний юбилей достойно, а не на обломках старого здания, которое в текущем году было освобождено для реставрационных работ, а классы сейчас занимают в разных, не совсем приспособленных помещениях. Тюмень – богатый город: преподаватели и учащиеся школы давно мечтают о современном, соответствующего проекта здании с хорошими классами, концертным залом, музеем и прочими удобствами для музыкальных занятий (думается, реставрировать непригодное, морально устаревшее гораздо дороже, чем строить новое).

Тюменская детская музыкальная школа №1 могла бы вновь стать методическим центром и концертной площадкой не только для города, но и для всей Тюменской области.

Город в моей судьбе

Наталья Паромова

Искусствовед Тюменского областного музейного комплекса имени Словоцова

Тюменский богатырь

Мои воспоминания детства и первые впечатления от города – огромные могучие тополя за драмтеатром на родной улице Герцена. Когда уставала от пеших прогулок или беготни, то, возвращаясь домой, говорила себе: «До первого тополя, до второго...», - и вот в нескольких шагах от него – мой дом.

Громадные тополя на улице Хохрякова за бывшим обкомом партии (сейчас – Правительство Тюменской области) казались стражами. Великаны с грачиными гнездами и гомоном этих черных носатых вестников весны в саду Шверника (потом «Спорт-сквер», Сквер Немцова) были своеобразным знаком Тюмени. В 50-е годы в этом саду среди великанов-тополей был зимой каток для «сарайской шпаны», а нас туда родители не пускали. Сейчас этих тополей нет. Они остались на картинах художников: В.П.Барашева «Тюменский дворик» и Б.И.Паромова «Тополиный пух. Портрет родителей».

Аура города меняется, зелени становится все меньше, а тополям – могучим жителям первого русского города Сибири – объявлена настоящая война. В одной из публикаций газеты «Тюменские известия» с горькой иронией сказано, что можно внести наш город, стремящийся к чистоте, красоте и ухоженности, в книгу «Рекордов Гиннеса» по количеству самых высоких в мире пней - это обрубки истерзанных тополей. А старинным, но всё ещё крепким гигантам – тополям совсем плохо: их попросту уничтожают. Причина – пух. Но ведь уже много раз писали, что он не вызывает аллергии.

«Тополь – настоящая фабрика кислорода, – как пишет ботаник С.Красиков, – одно тополинное дерево выделяет его столько, сколько три липы, четыре сосны и семь елей! По способности очищать воздух тополь – чемпион среди деревьев. За сезон дерево очищает атмосферу от 20 - 30 килограммов пыли и сажи, не говоря о прочих вредных веществах, в том числе и опасных для здоровья окислах тяжелых металлов, цинка

и свинца!». Разведение тополей настолько эффективно и экологически важно, что, оказывается, этой проблемой занимается Международная комиссия при ООН.

Я знаю, что есть люди, которые ворчат на докучный тополиный пух и радуются, когда все тополиные ветви обрезают, оставляя одни голые стволы. Но, наверное, стоит потерпеть некоторое время, ради чистого воздуха, который дают «легкие города» – тополя, и вспомнить нежный, горьковатый, ни с чем не сравнимый аромат тополиных почек и только что проклюнувшихся клейких листиков. Это – запах долгожданной весны. Весна – время тополя.

А знаете ли вы, что в древности верили: появляются листья на тополе – воскресают боги растительности, «возвращается Адонис из царства мертвых», оживает вся природа. Тополь – священное великое дерево. Он воспринимался воплощением небесного огня, а его ветви – стрелами солнечных богов.

Я – неисправимый идеалист и думаю, что сложно будет поднять руку на тополь, если узнать, что в мифологии и фольклоре многих народов мира могучий тополь – образ мужчины-воина.

«Пал он, как падает тополь серебрянолистный», – это Гомер пишет в «Илиаде» о своих шлемоблещущих героях. Из прямых, гибких, как струны, ветвей тополя делали стрелы.

«Они достали бронзовые луки, простёрли к стрелам тополёвым руки», – это уже Фирдоуси, великий эпос «Шахнаме». И что поразительно, вспомним, дорогие читатели, что современные российские стратегические ракеты дальнего радиуса действия названы «Тополь». Бывают же такие совпадения! А замечательный поэт XX века Николай Заболотский пишет:

*«Но я любитель старых тополей,
Которые до первой зимней вьюги
Пытаются не сбрасывать с ветвей
Своей сухой заржавленной кольчуги».*

Но всегда ли вам удаётся увидеть «кольчугу» на ветвях дерева-ратника тополя? Ведь часто осеннее обрезание - «кронирование» превращает тополя в страшные обрубки.

Вспомните, сколько радости дает гигант-тополь на улице Республики, стоящий возле Универсама! Какая от него роскошная тень знойным летним днем. От его золотой листвы исходит свет в хмурый дождливый осенний день, а в ясный солнечный она сверкает как драгоценность на фоне синего неба. Зимой привлекает четкая сложная графика ветвей.

Этот тополь не дает пуха. Он – мужская особь. Это один из немногих оставшихся могучих тюменских богатырей, которые составляли знаковый образ наших площадей и улиц. Я с ним здороваюсь, когда иду на работу. Вспоминаю по дороге, что тополь был священным деревом древнего загадочного народа шумеров – основателей вавилонской цивилизации. Он почитался деревом радости. И по легенде был первым деревом, посаженным богами на берегу Евфрата. А на родине библейского Авраама в городе Ур английские археологи, вскрыв царскую гробницу (25 век до н.э.!), нашли золотые головные уборы из тополиных листьев царицы Пуаби и её придворных дам. В таком же головном уборе богиня любви и плодородия Инанна нисходила в подземное царство, чтобы весной вновь прийти и принести зелень, цветы и плоды земле и любовь людским сердцам.

А в Древней Греции герои получали покровительство богини Персефоны, если украшали голову венком из листьев тополя. Сделав это, они могли даже спускаться в Аид – царство мертвых и возвращаться оттуда невредимыми. Так и сделал Геракл, чтобы увести оттуда страшного пса Цербера. Ну и, наконец, в средневековой легенде «под тополем молился в смертной истоме Господь в Гефсиманском саду», и именно из этого тополя «изготовили для Него Крест»...

А как воспето поэтами падение тополиной листы! «Я спросил у тополя, где моя любимая. Тополь забросал меня осеннею листвою» (М.Киршон). «Улетели листья с тополей, повторилась в мире неизбежность... Не жалея ты листья, не жалея, а жалея любовь мою и нежность» (Н.Рубцов). «Над окошком месяц. Под окошком ветер. Облетевший тополь серебрист и светел» (С.Есенин).

Может быть, узнав какое необыкновенное дерево – Тополь, не станут рубить и губить его? Не станут нарушать его незаметной живительной работы, очищающей воздух, так мощно, как никакое иное дерево? Это не объем листвы тополей уменьшается после «кронирования» – это ведь наши жизни укорачиваются. И что - до этого никому дела нет?

Борис Паромов

Член Союза художников России

Тюменский вальс

В Тюмени есть место, носящее название Царёво Городище. Это – высокий мыс, образованный исчезнувшей рекой Тюменкой и пока ещё полноводной Турой. В его центре установлен поклонный Крест в память о Ермаке, высадившемся некогда здесь со своей дружиной. С одной стороны находится краеведческий музей – бывшая Дума. С другой когда-то стоял Благовещенский собор, взорванный в 30-х годах прошлого века, и на сохранившийся фундамент которого опирается Мост влюблённых.

Царёво городище является, выражаясь на молодёжном сленге, «точкой сборки» всего нынешнего мегаполиса. С него открывается, вернее, открывалась, круговая панорама старинного города. И те полвека, что я живу в нём, я не устаю любоваться открывающимся видом.

Смотрю в огромное небо с облаками, уходящими туда, куда ни дойти, ни доехать, а можно лишь достичь взглядом. Гляжу с крутого берега на Туру, делающую широкий поворот в ритме вальса, на противоположном берегу которой нашлось место и мебельной фабрике, и Вознесенскому храму, восставшему из праха, и цехам фанерокомбината с громадными штабелями сибирского леса на прибрежном песке. Вижу простирающуюся в дымке Зареку, одетую то в зелёное кружево лета, то в золото осени, то в серебро зимы. К широкой груди её прижались сотни жилищ, под кровом которых пульсируют тысячи жизней. Но сурово теснят ветшающую патриархальность новостройки Заречного микрорайона.

Горбатится арка моста, соединяющая прошедшее и будущее столицы Сибири. На востоке, как и положено, из-за портовых кранов, из-за античных силуэтов элеватора и серой громады ТЭЦ-1 с полосатыми трубами в полнеба встаёт солнце. Оно сияет над историческим центром Тюмени с её памятниками архитектуры, охраняемыми государством, и новомодными «пентхаусами» со старокупеческими особняками, и новорусскими коттеджами, и с одухотворяющим это пёстрое зрелище Знаменским кафедральным собором.

Перейдя через главную магистраль города – улицу Республики, бывшую Царскую, следуя мимо гармонично вписанного в пейзаж здания старого Гостиного двора, пересекаю взглядом улицу имени вождя, в надежде узреть на юге прячущуюся за логом заповедную деревянную Тюмень. Однако перспективу Большого и Малого Городища, к сожалению, заслонили огромные современные строения. Остаётся вспоминать, какие зимние закаты горели там за музеем над заснеженными крышами с дымящимися печными трубами, украшенными ажурными дымниками, и как среди сизых дымов, заиндевевших лип и тополей высоко парила красавица ель, под которой, по-видимому, и распевала свои песенки, грызя золотые орешки, пушкинская белка. А по Сибирскому тракту на запад из Ямской слободы, что в Затюменке, звеня колокольцами, летела тройка с одетым в тулуп ямщиком, зычно кричащим: «Поберегись!».

Но давно исчезла в снежной пыли та тройка, стих колокольчик. Его заглушил шум двигателей десятков автомобилей. А многоэтажки, офисы и торговые центры навсегда закрыли тот сказочный мир.

Прямо перед собой я наблюдаю, как за Тюменкой с холма взмывает колокольня Крестовоздвиженской церкви, похожей своим куполом на планетарий. Далее в великолепном развороте является Строительная академия. За ней золотятся главы Троицкого монастыря, и разносится по окрестностям звон колокола, напоминающий о тщете всего земного и зовущий на молитву.

За богатырской мощью монастыря, за Воронинскими холмами, за изгибающейся среди лугов Турой, на севере, откуда прилетает очищающий Борей, синееет полоска Верхнего Бора. Мысленным взором я переносюсь туда, куда уходит матушка Сибирь, и где край земли смыкается с полушарием неба. Там в минувшем времени и незримом пространстве сохранилось то самое Беловодье, та Святая Русь, где жили когда-то наши предки.

Это – большие сёла с широкими улицами и высокими домами. К ним примыкали обширные крытые дворы с лошадьми и другой живностью. Обязательно была мастерская. На её бревенчатой стене размешался плотницкий и столярный инструмент, которым кроме всего прочего, то есть кроме охоты и рыбалки, умел владеть хозяин, и поэтому окна хором украшались резными наличниками. Хозяйка же, подоив корову и напоив молоком всех семерых по лавкам, собирала мужа в путь-дорогу. Это – лес, река, поле, среди которых проходила жизнь мужчины.

Жизнь в трудах праведных. По субботам обязательно была баня с веником и квасом. А в воскресенье – всей семьёй в церковь.

Но всё это существовало там – за горизонтом, в той стране, куда нет пути, ни для меня, ни для моих потомков. Вглядываясь в таинственную бесконечность, я чувствую на своём лице холодок от взмахов крыльев ангелов - хранителей, вечно витающих над взорванным храмом, над Царёвым Городищем, над моей уже седой головой и над всей богоспасаемой Тюменью.

Елена Николаева

Главный специалист ООО «ТНК – Уват»

Пароходская

Моему мужу – Анвару Исмагилову

Был темный октябрьский вечер. Раздался телефонный звонок. Приятный мужской голос спросил: «Простите, Вы не скажете, как проехать на улицу Таймырская? Ваш телефон мне дал Женя Немирович на ильменском фестивале. Я звоню с вокзала».

Улица Таймырская была недалеко от ее дома, только даже таксисты вряд ли нашли бы ее тогда среди лабиринтов переулков и улочек города.

- Я сейчас приеду – ответила она.

В ярко освещенном зале ожидания она узнала его сразу. Он сидел, как на жердочке, на батарее центрального отопления с бордовой книжкой Борхеса в руках. В черной куртке, с длинными волосами, он был похож на Чингачука из фильма про индейцев.

- Вы мой добрый ангел, - сказал он ей.

По темному городу они добрались до жилища Жени на восьмом этаже пансионата. Встреча была бурной, радостной, восторженной.

Его поселили на улице Пароходская, в исторической части города, в старом двухэтажном деревянном доме. Квартира была на первом этаже, с отдельным входом через дощатые сени. Окна комнаты смотрели прямо на здание речного пароходства, но были навсегда закрыты ставнями. Два окна на кухне, служившей одновременно прихожей, выходили во двор с корявым старым кленом, в замкнутый мир покоя и радости. В окна были видны только клен и небо. Днем солнце заливало квартиру теплым светом, и даже темная огромная комната переставала походить на мрачную пещеру. Печка-голландка, затопленная сухими березовыми дровами, весело гудела, гороховая каша томилась в чугушке, было мирно, тепло и уютно. Он сидел за большим столом на кухне и писал стихи. Была его Болдинская осень.

*Деревьями процеженное небо
Струится по земле, сквозит и тает.
Ты Музыка, я композитор твой, -
Я исполнитель дней твоих и тайн.*

В наследство ему достался кот местной породы – черный с большим белым пятном на груди, звали его Мурисей. Кот был свободолюбивый деревенский житель. Он лапкой отгибал половики, прикрывавший крышку погреба на кухне, и нырял вниз в специально для него вырезанную дыру в толстой плахе крышки. Дореволюционный дом был построен добротнo и надежно. Нагулявшись, кот возникал темным силуэтом снаружи на кухонном окне и терпеливо ждал, сидя на тонкой досочке подоконника, когда откроется дверь, и его впустят в дом. А вот и я! Готовьте угощение. Еще время от времени кот приносил добычу – маленькую задавленную мышку или огромную крысу – не даром ем свой хлеб!

*Друг мой! Как я обещал, полыхает сибирская осень.
Щедрой рукой сентября награжден коммунизмовский двор.
Лает собачка вдали, предвещая конурные страсти.
Пусто в сухих небесах, и река все бледнее и гуще.
Превозмогая печаль, нужно плыть, не мечтая о сне,
Нужно на пристань пойти, где скрипит костяком дебаркадер,
Где навигаторы бьют молотками по летним гробам.
Там капитанит зима, теплоходы сгоняя в затон,
Там керосинит подвахта, бутылки спуская в диван
(полны его закрома, как запасники русских музеев).
Будет, что сдать по весне, молочка прикупив на колпит!*

Она любила приходить в тихую обитель поэта. Это был другой мир, мир душевного восторга и тепла. Повседневные заботы, осенняя промозглая слякоть оставались за скрипучей калиткой старого двора, приветливо урчащий кот встречал ее у порога. Разлуки были недолги, и встречи радостны.

*Вот зонтик твой, в углу оставленный –
и горло певчее сжимается.
Рвет ветер пастю оскаленной, -
Где ж милая моя скитается?*

*Чем от нашествия небесного
Она укроет русы волосы?
Какие сабельные бедствия
В краю болотном, дикой области?*

*Ты обжигающе доверчива,
а я такой не стою участи,
- моя судьба со смертью венчана,
и лучше в одиночку мучаться.*

*Но и на том краю, где спросится:
- С кем хочешь вечного свидания?
Взгляну, как облака проносятся,
И вспомню наши встречи тайные,*

*и наши судороги пламенные,
и наши обмороки губительные,
и речи сказочно-неправильные,
И твои плечи бело-кипельные.*

*Так, глядя прямо в очи Господа,
Вздохну и выдохну отчаянно:
- Прости меня, владетель космоса,
Я сохраню о ней молчание...*

Иногда она приходила с друзьями. Тогда он брал в руки гитару и пел свои песни. Красивые тонкие пальцы летали по струнам, голос был очень красив, звонкий и бархатный одновременно.

Однажды он спел пушкинское «Зимнее утро».

- Вот нахал! – подумала она, но песня захватила ее, понесла бурной волной в безудержную вольницу искрящейся зимы. Чудесная музыка проливалась пушкинские строки волшебным потоком. Восторг и солнце!

Он обещал написать ей венок сонетов. Сложилось только два:

*Семь нот ведут к тебе, ступеней семь бессмертных,
Семжды семь грехов хотя бы раз прости.
На парусах любви волшебные кресты,
Но кораблей моих не ждут в порту Бизерты.*

*Мне ведомы давно отравы и десерты,
Дрожащий чайный хмель и алкогольный стыд,
Надсада табака и гиблый пот простынь,
Беззвучные стихи и громкие концерты.*

*Рожденный меж песков пустыни бесконечной,
Взрос на берегах курортницы беспечной,
Любя эвксинский понт, пижонил и болтал,*

*По белу свету плыл, то в муках, то смеясь,
И вот я пред тобой, целуя пьедестал.
Познаю ад и рай, их горестную связь.*

Так начиналась их любовь.

Дни
славянской
письменности
и культуры

Николай Фролов

Доктор филологических наук, академик,
профессор Тюменского государственного университета

Происхождение восточнославянской письменности

На рубеже IX-XI вв. знаковыми центрами христианской письменности славян становятся Моравия, Болгария и Киевская Русь. Так, в древнерусских городах – Киеве и Новгороде, Великом Ростове и Владимире – появились славяноязычные книги — «Остромирово евангелие» (1056-57 гг.), «Изборник» Святослава (1073, 1076 гг.), Архангельские минеи (1092 г.), «Слово о полку Игореве» (1185-87 гг.) и многие другие. Этому способствовала восточнохристианская церковь, а также Византия, которым противостоял Ватикан и его католические посланцы в романо-германских феодальных владениях. Римско-католическая церковь в союзе с немецкими феодалами всячески стремилась у недавно обращенных в христианство язычников подавить желание развивать национальную культуру и письменный язык. В то время только три языка — еврейский, греческий и латинский — считались языками Священного Писания, поскольку на кресте распятого Христа были надписи на этих трех языках. Богослужение, например, у католиков осуществлялось лишь на латинском языке.

Славяне особенно страдали от засилья латино-германских священников. Именно это обстоятельство натолкнуло моравского князя Ростислава направить в Константинополь к византийскому императору Михаилу III послов с просьбой помочь верующим моравам осуществлять службу на родном языке, что, несомненно, способствовало борьбе славян за самоопределение. По просьбе Ростислава Михаил III направил к нему двух братьев — Константина (в монашестве Кирилл) и Мефодия, достойных и образованных сыновей греческого наместника в Солуне (современный г. Солоники в Македонии), знавших македонский язык.

Мефодий получил в свое время в Константинополе юридическое образование, а младший брат Кирилл (Константин), весьма одаренный, знал греческий, латинский, древнеболгарский, древнееврейский, самаритянский, армянский и арабский языки. Он заведовал патриаршей библиотекой в

Константинополе, возглавлял дипломатические миссии к хазарам и киевским русичам. В г. Корсуни (около г. Никрополя) Константин беседовал с человеком, который показал ему Евангелие, написанное русскими буквами.

По прибытию в Моравию братья своими энергичными действиями ввели богослужение на славянском языке, подобрали себе учеников, за несколько лет перевели греческие церковные книги, видимо, на моравский (славянский) язык. Народ с радостью внимал ритуал богослужения на понятном родном языке. Эта деятельность славянских первоучителей явилась началом этнолингвистического самосознания, то есть истории письменной культуры славянских народов.

Немецкие церковники решительно воспротивились становлению государственности и славянского письма. Братья вынуждены были поехать в Рим, чтобы защитить славянскую письменность в диалоге с Папой. По дороге в Рим Кирилл и Мефодий в Паннонии за небольшое время обучили более 50 византийских христиан-священников, затем в Венеции и Риме блестяще защитили в конфессиональных дискуссиях право славян на их собственную письменность и церковную службу на родном языке.

Встревоженный действиями Моравии и ее независимостью от католиков немецкий король Людовик попытался силой заставить Ростислава прекратить деятельность солунских священников, но его попытка не увенчалась успехом. Тогда Людовик с болгарским ханом Борисом напали на Моравию, которая обратилась за помощью к Византии. Противостояние византийских и римских христиан завершилось тем, что католик-Папа Николай проклял Патриарха Фотия. Учитывая образованность славянских просветителей, Папа Римский назначил, в частности, Мефодия епископом славянской церкви в Моравии. Его брат Кирилл (Константин) умер 14 февраля 865 г. в Риме, когда Моравия уже была во власти немецких феодалов.

Покровителя славянской письменности Ростислава предал его племянник Святополк, ставший князем Моравии: Ростислава заточили в тюрьму, ослепили, и он там умер от пыток. В тюрьме оказался и Мефодий, который закончил свой земной просветительский путь мучительной смертью 19 апреля 885 г. Немецкие «рыцари» не ограничились расправой с балканскими просветителями: под именем Христа они стремились распространять среди славян католическую веру, а на самом деле — захватывать новые земли на востоке.

Тяжелой оказалась судьба учеников Кирилла и Мефодия: с ними жестоко расправились, продав около 200 человек в рабство. Наиболее влиятельных среди них — Климента, Наума и Ангелария посадили в тюрьму, отняли одежду, глумились над ними и отдали солдатам на

растерзание. Такова судьба первых славянских книжников. Из Моравии ученики Кирилла и Мефодия были изгнаны в 886 г. Языком богослужения на много столетий стал латинский, в живой речи — германские наречия.

Несмотря на печальную личную участь Кирилла и Мефодия, их дело завершилось созданием упорядоченной славянской азбуки. Солунские братья заложили основы книжного дела, подготовили последователей, которые переводили греческие богослужебные тексты на славянские языки, на которых создавали оригинальные сочинения. В результате плодотворной деятельности Кирилла и Мефодия была заложена традиция славянской письменной культуры на языке византийско-христианской церкви. Славяне оказались в благополучном положении, имея собственный письменный язык и литературу, в то время как во многих европейских странах письменность на родном языке была парализована до XVI века малопонятной латынью.

Язык первых старорусских церковных памятников принято называть то старославянским, то древнеболгарским, либо древнерусским. Предположительно основой старославянских текстов стало македонское наречие болгарского языка (Кирилл и Мефодий были родом из Македонии). Оригинальные письменные тексты на Балканах появляются в XI в. В древнерусском языке тексты на родном языке распространяются позднее — в XII в. в Сербии, в XIII в. — в Чехии, в XIV в. — в Польше. Древнеславянские книги писали вначале на глаголице, а затем на кириллице. Полагают, что глаголица древнее кириллицы, но оба типа письменных знаков — общее достояние славян.

После принятия христианства на Руси (988-998 гг.) основной графической системой стала кириллица, которую в настоящее время используют более 60 стран мира. Имеются сведения, что до ее распространения славяне были знакомы после 106 г. н.э. с письменностью других народов, когда на Балканы вторглись римляне, которые вплоть до X в. передавали письменные сведения о славянах, привлекая к этому коренное население. В пользу древности славянской письменной культуры свидетельствуют предположительно упоминания о славянских рунах, подобных германским рунам III в. Руны могли занести на Русь, возможно, скандинавы.

Подтверждение о существовании славянских рун, как и использование греческого и латинского письма, пока документально не установлено. Болгарский черноризец Храбръ (X в.) в «Сказаниях о письменах славянскиххъ» утверждает, что до христианской азбуки у славян использовались значки в виде зарубок на глиняной пластинке деревянными палочками. Вместе с тем в Киеве и Новгороде открыты надписи, графика которых отличается от кириллической (43 буквы): эта графика состояла из 27

букв, в числе которых 23 греческих и 4 славянских знаков. Таких надписей только на стенах Софийского собора насчитывалось более 300.

Среди новгородских грамот на бересте обнаружены шесть азбук, включающих 32 знака, в том числе 12 славянских, а также алфавит из 36 букв, в том числе 14 славянских. Сравнение азбук показало, каким путем осваивалась кириллица, и какое место отводилось докириллическому письму в древнерусскую эпоху. Поэтому остается открытым вопрос о судьбе древнерусской и древнеславянской письменности в Новгородской Руси в целом. Остаются непрочитанными загадочные надписи на русских монетах XI в., нерасшифрованными дохристианские русские надписи и знаки на предметах домашнего быта, обнаруженные под Рязанью и Черниговом. Различные виды дохристианского славянского письма, его локальных разновидностей, видимо, долгое время сосуществовали в Древней Руси.

Аналогичная ситуация на протяжении многих столетий свидетельствуется в языческой славяно-христианской мифологии. Объектом ее являются мифонимы, имена — названия персонажей и ритуальных предметов, фигурирующих в народных преданиях, фольклоре и отражающих мировосприятие, ментальность и языковое самосознание народа. У восточных славян в доисторическое время их жизнедеятельности переплетались в такие изначальные формы верований, как анимизм, тотемизм, фетишизм и магия. Анимизм — это представление первобытных людей о существовании души у каждого живого и неживого существа. Тотемизм — это обожествление животных, растений, всего того, чему поклонялись в разное время верующие люди, фетишем которых являлись культовые обожествленные предметы и явления. Магия — это совокупность нравственных слов и действий, которые представляют собой внушаемые, придуманные объекты сопереживаний. Теистические мифологические персонажи (мифонимы) оказались известными благодаря фольклору, светским и религиозным текстам, став составной частью менталитета восточных славян. Их перечень в контексте наших изысканий заслуживает особого внимания.

В истории русского языкового самосознания, когда внедрялось христианство книжниками эпохи Владимира Мономаха, были выделены в мифологии периоды: а) эпоха дуалистического анимизма, когда люди задабривали вампиров, упырей и берегинь; б) время поклонения богу Роду (патриархальный культ Рода) и Рожаницам (время матриархата). Преследование языческих верований началось в XI в. христианскими миссионерами и продолжается до настоящего времени церковниками: Сварога Дый стали называть Юпитером, Хорса заменили Тифоном, Ладона — Марсом, Перуна — Ильей-пророком, звериного бога Велеса (Волоса) — Власием.

Библия у древних русичей появилась в XI в., но и до XXI в. христианство на Руси не смогло заглушить языческих преданий и верований, поскольку в русском самосознании сохранялись древние представления об «исконной» вере. По-прежнему по кукованию известной птицы исчисляются годы проживания, так как мифический Сварог Дый предсказывал на этой основе количество отпущенных лет жизни, стуча по дубу (совр. по столу), Перун защищал народ от несчастий, а блины на Масленицу — это символ бога плодородия Дажьбога, сына Сварога, идол которого стоял на холме в г. Киеве. К сожалению, информация о нехристианских божествах вульгарно искажается как церковными священниками, так и лжепатриотами из стана новоявленных язычников.

Христианство во имя утверждения христовой веры в славяно-русском нравственном сознании сохранило двубожие языческих и христианских идолов, удачно совместив старое и новое в праздничных ритуалах: это Масленица, Троица, медовый и яблочный Спасы... Христовая вера поддерживала языческие традиции восточных славян тогда, когда народ еще не избавился от «водяных», «леших» и «домовых».

В числе языческих божеств по-старому, к примеру, упоминаются и остерегаются встреч с анчутками, чумазыми, болотными чертиками (балт. «маленькие уточки»), которые являются нечистью, сулящей неприятности. Ведьма, Баба-Яга (Костяная нога) — женщина, костлявая, непричесанная, хвостатая, летающая на помеле злая колдунья, Змей Горыныч — змей-дракон (леший, водяной, полевик), обитатель пещер, бог грозовых туч и молний — похититель девушек, знахарь-шептун, заговоры которого не отличаются от действий колдуна. Идолище Поганое — разбойный великан, убитый Ильей Муромцем, Кикимора — злое божество, аналогичное греческой Мегере и мн. др. Им противостояли Ангелы (хранители), Берегини, Дажьбог, Зарница, Купала, Лада, Морозко и др. Эти языческие персонажи служили нравственным ориентиром славян. Они же оказались традиционными персонажами славяно-русского фольклора. Более того, их образы нашли свое отражение в богатой (светской) литературе Киевской и посткиевской Руси.

В числе знаковых памятников древнерусской письменности XI-XIII вв. почетное место занимает «Русская Правда» (РП). Этот свод древнерусских законов дошел до нас более чем в 300 списках, ранним из которых является синодальный список 1282 г. Язык РП — образец общерусской разговорной речи восточных славян, который оказал решающее влияние на деловые стили последующих столетий. Среди жанров делового типа речи объективно следует выделить грамоты русских князей, а также отдельных частных лиц: это «Грамота великого князя Мстислава

Володимировича и его сына Всеволода» (ок. 1130 г.), «Вкладная Варлаама Хутынского монастырю» (1192 г.), «Договорная грамота Александра Ярославича Невского и новгородцев с немцами» (1262-63 гг.), «Духовное завещание новгородца Климента» (до 1270 г.) и др.

Большой интерес для изучения древнерусского языка представляют берестяные грамоты (XII-XIV вв.), которые в виде свитков и отдельных фрагментов обнаружены археологами при раскопках в Новгороде, Пскове и Москве. Это, в основном, частные письма, вроде «Письмо от Гостыты к Василью», «От Грикши к Есифу», документы о бытовых делах, сообщения о жизни народа тех лет.

Оригинальным жанром в древнерусской письменности являются летописи. Летописный свод «Повесть временных лет» был создан в Киеве после принятия христианства, а при князе Ярославе Мудром (1037 г.) завершен, затем старый свод переработал (1073 г.) монах Киево-Печерской лавры Никон. В свою очередь, начальные летописные своды были дополнены Нестором (1116 г.), а затем — Сильвестром. Эти списки обнаружены в XV в. в Ипатьевском монастыре г. Костромы. «Повесть временных лет» (Лаврентьевский список 1377, г.Суздаль) стала своеобразным справочником о жизни древнерусских князей, пособием по истории древнерусского языка.

Ценными являются тексты «Киевской летописи», «Суздальской летописи» и «Галицко-Волынской», вошедшие в полное издание «Повести временных лет»: «Вот повести минувших лет, откуда пошла русская земля, кто в Киеве стал первым княжить, и как возникла русская земля».

Огромную роль играли в XI-XIII вв. нравоучительные и поучительные тексты, объединенные общим жанром «слово». Например, слово «О Законе и Благодати» митрополита Иллариона (между 1037-1050 гг.) первый митрополит Киевский посвятил толкованию Ветхого и Нового заветов, сравнил их с Солнцем (Новый завет) и Луной (Ветхий завет). Ученый священник воздает «божественную» хвалу Владимиру-Крестителю и его сыну Ярославу Мудрому. Исключительно значимо для единения Земли Русской «Слово о полку Игореве», памятник мировой литературы (между 1185-1187 гг.). «Слово» посвящено неудавшемуся походу Новгород-Северского князя Игоря Святославича против половцев. Художественные средства «Слова» связаны с русской дохристианской символикой, фольклором, философией древнерусского народа. «Слово Кирилла Туровского на антипасху» (XII в.), «Слово о погибели Русской земли» (XIII в.) также представляют большой интерес для исследователей, но они в принципе вторичны по отношению к более старшим текстам.

Среди них было бы не корректным не упомянуть «Поучение» Владимира Мономаха, «Сказание о Борисе и Глебе», «Моление Даниила Заточника», «Житие Александра Невского» и др., поставившие древнерусскую письменную культуру на пьедестал культуры среди народов Евразии.

Богатейшая коллекция книжно-славянских (древнерусских) и деловых произведений эпохи Киевской Руси не имеет себе равной в мировой письменности своего времени. В распоряжении древнерусских книжников был алфавит — известная кириллица, включавшая 43 знака, весьма точно отражавших звуковую систему живой речи. Кирилловский алфавит, его древнерусский вариант, легко мог быть понят благодаря словесной огласовке каждой буквы: а — азъ, б — буки, в — веди, г — глаголь, д — добро, е — есть, ж — живете, з — зело и т.д. Написание букв с течением времени изменялось: уставное письмо (устав XI-XIV вв.) было заменено полууставом (XIV-XV вв.). Уставное письмо отличалось следующими признаками: буквы писали прямо, без наклона в сторону; размеры букв в прописи пропорциональны, закругления ровно переходят в прямые линии; вертикальные линии прямые, толстые, горизонтальные тонкие; расстояния между буквами одинаковые, буквы писали без интервалов; не было промежутков между словами. В полууставном письме допускался наклон вправо и влево букв, размеры которых не выдерживались, как и чередование толстых и тонких линий. В полууставе появилось деление текста на слова и фразы, что уже облегчало чтение текста; увеличилось число сокращенных слов (слов под титлом), изменились начертания отдельных букв.

Полууставное письмо в XV-XVI вв. вытесняло скоропись, появление которой связано с интенсификацией делопроизводства, распространением частной переписки. Необходимость упрощения графики и орфографии привела к непропорциональности, крючковатости в начертании литер, их вариантов и др. Экономии объемы текстов титлы, выносные буквы. В первой половине XIV века в качестве писчего материала использовалась бумага, которая расширила возможности письменного общения. Древнерусские рукописи украшались вязью — декоративным письмом с разными орнаментами (инициаль, финаль, заставка), что делало письмо рисуночным, изящным и привлекательным для читателя.

Историю графического письма изучает наука «палеография», которая устанавливает даты написания рукописей, текстов, надписей, включая материал, форматы, а также филигрань в период использования бумажных технологий. Особое внимание привлекает письменность XVIII столетия, когда церковнославянская графика уступает свое место светской, гражданской.

Станислав Ломакин

Член Союза писателей России,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии
Тюменского нефтегазового университета

Русский язык – духовная основа России

История русского языка – это всеобъемлемая непостижимая тайна. Язык является духовной основой России, великой её культуры, которая открывает черты русского мышления, сущность нации в той же степени, что и православная вера. Вера является не интеллектуальным актом, а образом жизни миллионов людей, и трудно представить жизнь человека вне культуры и веры. Язык – элемент культуры - выступает как хранилище событий, произошедших на разных этапах развития общества. Язык отражает образ жизни этноса, его психологию, верования, систему ценностей, передаваемые через культуру поведения людей. Солунские братья Кирилл и Мефодий создавали славянскую письменность не на пустом месте.

Многие ученые-слависты полагают, что за век до крещения Руси исчезли многочисленные рукописи, говорящие о том, что в дохристианский период на Руси существовала письменность. Многие ученые утверждают, будто письменное наследие было сознательно уничтожено, чтобы будущие потомки не знали корней своей национальной культуры. Польский ученый Фадей Воланский утверждал, что славяне имели письменность еще до греков и римлян.

Но это лишь суждение ученых, не основанное на исторических фактах, а вот что касается существования письменности у руссов до «кириллицы», то академики А.А.Шахматов, Б.А.Рыбаков высказывали мнение, что до христианства, в первые века христианства на Руси существовало несколько видов письма, и «глаголица» была последним из них. Эти ученые не одиноки в своих убеждениях. Археологические исследования подтверждают: в поселениях Черняховской культуры на Днепре (3-5 века н.э.) на найденных глиняных сосудах и пряслицах были обнаружены рунические надписи. Обращу внимание читателя на два исторических факта. Первое свидетельство «Панноского жития Константина философа», согласно которому создатель «кириллицы» Кирилл видел в 860 году в Херсоне (корсуне) Евангелия и Псалтырь «русскими письменами писано». Есть предположение, что Кирилл и Мефодий при создании славянского алфавита использовали эти древнерусские письма. «А грамоте русская явилася, Богом дана, в Корсуне русину, от нее же научился философ Константин, а оттуда сложив и написав русским языком», – говорится в

одной древнерусской летописи. Второй исторический факт связан с имевшим место влиянием русской культуры на Хазарский Каганат.

По сведениям арабских ученых, по их источникам, дошедшим до нас, в древней Хазарии пользовались «русским письмом». Данные факты привожу не для того, чтобы умалить роль Кирилла и Мефодия, а лишь затем, чтобы подчеркнуть мысль: из ничего не возникает что-то, всегда есть некая основа, фундамент.

История России раскрывается через языковые понятия, что находит свое выражение в этимологизировании, в обнаружении лексической формы слова. В обращении к истории русского языка. Русский язык, как любой язык – это непознаваемая до конца, трансцендентная сущность, и он может сказать о себе только сам.

Никакие науки не могут адекватно отразить язык, понять его сущность, она состоит в его выявлении.

Выявление происходит через индивидуальное самосознание русского человека, из исторической языковой сущности. Чтобы уничтожить народ, надо уничтожить его язык, культуру. В начале XX столетия один из русофобов С.С.Юшкевич писал: «Мы должны испортить русский язык... преодолеть Пушкина, объявить мертвым русский быт, словом, заслонить Русь от современности, русский народ от русского общества, свести на нет русскую оригинальность».

Можно вспомнить первого наркома просвещения России А.В.Луначарского, просвещавшего учителей на съездах в духе космополитизма, призывая не преподавать отечественную историю, и не стоит, по его мнению, учителям проявлять «...пристрастие к русскому лицу, русской речи, к русской природе...- иррациональное пристрастие».

Сегодня наши СМИ почти повторяют то, что вещал А.В.Луначарский почти 80 лет назад. Их пугает введение курса православной культуры, увеличение часов на изучение русского языка и литературы. Подобное отношение противников изучения православной культуры в школе вызывает недоумение у миллионов людей, заставляет задуматься об ограничении прав граждан России, что ведет к национальной и межконфессиональной вражде. Православная культура на протяжении многовековой истории развития России формировала нравственность, созидала духовные основы семьи, оказывала огромное воздействие на все сферы жизни Отечества. Все народы мира в своем развитии испытывали влияние других этносов, других культур, но основа, база была всегда существенной, отличительной, национальной чертой духовной колыбели государственно-образующего народа. Именно в духовной колыбели русского народа надо искать социально-экономические истоки культуры и письменности. Православие являлось внутренним организующим национальным началом русской культуры. Нельзя понять национальную культуру без знания русского языка.

Один из величайших энциклопедистов России XIX века, лидер славянофилов Алексей Степанович Хомяков очень точно и объективно, с позиции глубоко верующего православного мыслителя, оценивает вклад святых равноапостольных Кирилла и Мефодия в развитие письменности, великой русской культуры:

*Слава вам, братья, славян просветители!
Церкви славянской святые отцы,
Слава вам, правды учителя,
Слава вам, грамоты нашей творцы,
Будьте ж славянству звеном единенья,
Братья святые Мефодий – Кирилл.
Да осенит их дух примирения
Вашей молитвой пред Господом сил!*

Надо нынешним поколениям славянских народов услышать первоучителей православных славян и А.Хомякова. Очень важно сегодня соединить духовную и физическую силу России, Украины, Белоруссии на православной основе при глобальном воздействии Запада и Америки на славянские народы в переустройстве их по западному образцу, не исключая реформирования русского языка. Наша письменность прошла нелегкий путь в своем развитии. Она связана с идеалом русского человека, его ментальностью, отличную от других народов мира. Необходимо беречь родное слово, как написано в Священном Писании: «В начале было Слово. Слово было у Бога. И Слово это – Бог». Слово окружает человека от самого его рождения до последнего часа жизненного пути. И сейчас, когда языковеды-реформаторы собираются провести реформу русского языка, а точнее, упростить его, остается надеяться на его самостоятельное выживание. Русский язык – духовная основа России, идеальное царство, от которого человек и вся наша великая культура вышли.

Недавно в Государственной Думе принят Закон о языке, правда, не принят еще Советом Федерации и не подписан президентом. Первые впечатления Закона о языке – чувство радости. Наконец-то, среди депутатов нашлись радетели русского языка. Может, прекратится мат на заседаниях высшего законодательного органа страны, появится табуированное отношение к ненормативной лексике, засорению иностранными словами родного языка на радио, телевидении, в литературе. Пришло время, когда необходимо сбережение русского языка. Сегодняшний беспредел в обществе, беспредел в языке – это расплата за бездуховность, в которой оказалась Россия. Хочется верить, что русский язык переживет трудные времена, все реформы – эксперименты. Как заметил в свое время поэт Я.Смеляков:

*Владыки и те исчезали
Мгновенно и наверняка,
Когда невзначай посягали
На русскую суть языка.*

Александра Ушакова
Профессор Тюменского
государственного университета

Дни славянской письменности и культуры в Тюмени

24 мая в России отмечается День славянской письменности и культуры в память создателей славянской азбуки равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия.

Начало этому событию было положено в 1863 году, когда Российский синод установил проводить 11 мая ежегодное празднование в честь преподобных Кирилла и Мефодия.

В 1986 году, когда отмечали 1100-летие преставления Мефодия, день 24 мая был объявлен «Днем славянской письменности и культуры».

Без сомнения, братья Кирилл и Мефодий заложили основы христианской культуры, способствовали распространению православия у славянских народов, поэтому Дни славянской культуры и письменности можно считать всенародным праздником. Мы пользуемся азбукой, которая несла свет истинной веры славянам, вывела их из языческого рабства, познакомила с культурой древних цивилизаций. Все мы храним наследие

Пленарное заседание. Открытие конференции 2009 год

равноапостольных братьев. Дни славянской письменности и культуры помогают хранить наши традиции, заставляют помнить, что все славяне – братья.

В Тюмени в память о святых Кирилле и Мефодии ежегодно, начиная с 1977 года, проводится научная конференция. Первая конференция под названием «Дружбе вечно жить» состоялась в областной научной библиотеке города Тюмени. Ее инициатором выступил Игорь Александрович Шаповалов. Она зародилась в рамках дружбы русского и болгарского народов. До развала Советского Союза в Тюмени активно работало Общество советско-болгарской дружбы, которое вместе с администрацией болгарской строительной группы, болгарскими руководителями общественных организаций ежегодно праздновало День славянской письменности. На его торжественных заседаниях выступали ученые и общественные деятели. В Тюмени в дни праздника проводились церковные службы, на городских площадях и в концертных залах выступали болгарские и русские профессиональные и самодеятельные вокально-инструментальные и танцевальные коллективы. Этот день для тюменцев был воистину праздником дружбы, символом единения славян.

Организатором и вдохновителем конференции в Тюменском государственном университете в 80-е годы стал декан филологического факультета, а затем заведующий кафедрой общего языкознания, доктор филологических наук, профессор Николай Константинович Фролов. При поддержке Комитета по делам национальностей и ТООО «Общество русской культуры», бессменным председателем которого многие годы являлся Н.К.Фролов, были организованы научные конференции с участием преподавателей и студентов филологического факультета Тюменского государственного университета и множества иностранных докладчиков,

Участники пленарного заседания научной конференции

Ансамбль «Червлёный Яр» выступает для горожан

проведены общественно значимые культурные мероприятия, посвященные празднованию Дня славянской письменности и культуры.

С каждым годом конференция получает все больший размах. В этом году 24 и 25 мая в двух городах – Тюмени и Тобольске – состоялась 35-я Международная научная конференция «Православие и российская культура: прошлое и современность», организаторами которой выступили Комитет по делам национальностей Тюменской области, ТРОО «Совет ректоров вузов Тюменской области» во главе с его председателем, ректором ТюмГУ, доктором юридических наук, профессором Г.Н.Чеботаревым, ТООО «Общество русской культуры», ФГБОУ ВПО «Тюменский государственный университет», ФГБОУ ВПО «Тобольская государственная социально-педагогическая академия имени Д.И.Менделеева», НОУ «Тобольская православная духовная семинария». Открывал пленарное заседание конференции традиционно хор Тобольско-Тюменской епархии.

В конференции очное и заочное участие приняли докладчики из Германии, Польши, Китая, Республики Мали, Палестины и из стран ближнего зарубежья: Молдавии, Украины, Белоруссии, а также из городов России: Барнаула, Белгорода, Екатеринбурга, Красноярска, Липецка, Нижневартовска, Омска, Перми, Стерлитамака, Сургута, Тобольска, Тюмени, Заводоуковска и сел: Никольское Красноярского края и Нижняя Тавда Тюменской области. По результатам конференции в издательстве Тюменского государственного университета ежегодно выходит сборник научных статей.

В этом году в рамках конференции прошло много интересных мероприятий: открытие выставки-ярмарки «Радость слова», круглый стол

Студенты и руководитель «Славянского венка» Александра Павловна Ушакова

«Проблемы культурной и религиозной самоидентификации молодежи» с участием студентов тюменских вузов и семинаристов НОУ «Тобольская православная духовная семинария», брифинг Совета ректоров вузов Тюменской области с участниками фестиваля «Православие и СМИ». Второй день был посвящен слушанию научных докладов.

Украшением праздника ежегодно является студенческий концерт «Славянский венок». Следует отметить, что это мероприятие «привезли» в Тюмень преподаватели славянских языков из Воронежского государственного университета, где проводились Славянские чтения, тоже приуроченные к празднованию Дня славянской письменности и культуры. Студенты выступили с народно-танцевальными программами, чтением стихотворений на сербском, чешском, польском, болгарском, украинском, белорусском языках; прозвучали песнопения на церковно-славянском, греческом, грузинском языках в исполнении двух православных молодежных хоров Тюмени. Гостями праздника стали ансамбль казачьей песни из Ельца «Червлёный яр» и студенты Белградского государственного университета республики Сербия. Их песни и танцы заворожили всех зрителей!

Таким образом, возникнув в рамках болгаро-советской дружбы, Дни славянской письменности и культуры стали значимым событием в культурной жизни не только Тюменского государственного университета, но и нашего региона.

Геннадий Крамор

Ведущий специалист Культурного центра П.П.Ершова,
редактор краеведческого альманаха
«Коркина слобода»

Потомки Ершова благословили литературную премию

В Дни славянской письменности и культуры в Ишиме состоялось знаменательное событие – торжественная церемония вручения Всероссийской литературной премии имени П.П.Ершова за произведения для детей и юношества. Учреждённая в 2005 году Союзом писателей России при содействии неравнодушных земляков Петра Павловича, она вручается уже в седьмой раз. Подобных премий - должителеев в нашей стране не так уж много, а когда они вручаются в провинции – это становится поистине сказочным событием.

На конкурс VII Ершовской премии поступило большое количество работ – более двухсот, из которых жюри выбрало четырёх лауреатов.

П.П. Ершов

В Ишим приехали лауреаты в номинациях: «Лучшая сказка» – Сергей Ильичёв (г. Москва), «Выбор мецената» – Сергей Струков (г. Тверь), «Лучший детский журнал» – редакционный коллектив журнала «Православный сибирячок» (Тобольско-Тюменская епархия) в лице председателя издательско-информационного отдела ТТЕ, ответственного редактора журнала иерея Григория Мансурова, выпускающего редактора Вячеслава Тагирова и художника Евгения Андреева; лауреата в номинации «Лучшие стихи для детей» Сергея Васильева (г. Волгоград) представляла сотрудник основанного им детского журнала «Простокваша» Юлия Гоздинская. Диплом победителя получила поэтесса Нина Пикулева из Челябинска.

Особенно отрадно отметить, что первые три лауреата продолжают и развивают традиции русской литературы в духе православия, что весьма созвучно высокому настрою Дней славянской письменности и культуры.

Лирическими строками приветствовала гостей ишимская поэтесса Ольга Чернышова:

*Высоких слов не говоря,
Друзьям объятья раскрывая,
Опять Ершовская земля
Гостей из разных мест встречает.
Здесь память бережно хранят
О сказочнике знаменитом,
И уж который год подряд
В Ишиме чествуют открыто
Людей, владеющих пером
И оставляющих в наследство
Свой труд, что входит в каждый дом
Как память о счастливом детстве.
За каждой строчкой – свет души,
Фантазий добрых продолженье.
Для тех, кто Сказкой одержим,
Ишим стал центром притяженья.
Благословенная земля!
И потому сегодня снова
Восходит майская заря
Над праздником Петра Ершова.*

Также на церемонии было зачитано приветственное слово первого секретаря Союза писателей России, председателя жюри литературной премии Геннадия Иванова:

«Правление Союза писателей России поздравляет всех участников заключительного мероприятия, посвящённого итогам VII литературного конкурса премии имени Петра Павловича Ершова, с возвращением Ершовского праздника на Ишимскую землю, на родину нашего легендарного сказочника. Надеемся, что теперь Ишим будет постоянным местом подведения итогов конкурса.

В двадцатых числах мая страна наша празднует Дни славянской письменности и культуры. Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий дали нам чудо чудное – азбуку, которая стала неотъемлемой частью нашей культуры, с помощью которой созданы гениальные литературные произведения, в том числе и «Конёк-Горбунок». Так что конец мая – хорошее и уместное время для Ершовских дней в Ишиме и, вообще, в Тюменской области.

Ершовский конкурс, по сути, стал за эти годы международным. Мы видели среди лауреатов и дипломантов граждан Аргентины, Белоруссии, Израиля, Латвии. Российские авторы посылают свои работы из всех республик, краёв и областей.

Конкурс стимулирует молодых писателей, стимулирует переводчиков – за эти годы «Конёк-Горбунок» был переведён на некоторые зарубежные языки и языки народов России. Мы смеем думать, что наш конкурс стимулирует и театральные деятели: в эти годы в стране было поставлено несколько новых спектаклей по ершовской сказке.

Поздравляем победителей VII конкурса, поздравляем организаторов конкурса, благодарим мецената Сергея Павловича Козубенко, который в трудный момент поддержал конкурс, поздравляем потомков Ершова, которые своим присутствием на празднике привнесут особое волнение, особую тёплую атмосферу связи времён. Всем крепкого здоровья, творческих успехов и житейских радостей!».

Лауреаты получали дипломы и ценные подарки из рук главного попечителя конкурса – Сергея Павловича Козубенко. Именно благодаря ему и благодаря инициативности сотрудников Культурного центра П.П.Ершова праздник детской литературы вернулся в Тюменскую область.

Лауреаты и гости премии

Вместе с лауреатами Всероссийской премии награды получили 18 победителей городского конкурса творческих работ учащихся «Сказочная карусель», посвящённого 197-летию со дня рождения П.П.Ершова. Меценатами этого конкурса вместе с Сергеем Козубенко стали заместитель председателя Тюменской областной Думы Виктор Рейн и Ольга Устинова, инженер-конструктор глубоководных обитаемых аппаратов, дочь известного ершововеда Виктора Уткова.

На церемонию, проходившую 26 мая, прибыли и необычные гости – прапраправнучки Петра Павловича, потомки поэта по линии второй жены Олимпиады Васильевны, живущие в Москве – Александр Кулачко, Фёдор и Евдокия Степовые. С ними ишимские ершововеды наладили связь совсем недавно – все потомки Ершова оказались людьми скромными, неафиширующими именитое родство.

Молодые люди впервые приехали на родину своего предка. Выступление Фёдора и Евдокии на сцене киноконцертного зала, где проходила церемония, вызвало восторг зрителей: брат и сестра спели две песни из сокровищницы русского фольклора, а затем Фёдор исполнил традиционную русскую пляску. На протяжении многих лет они являются участниками ансамбля «Оберег» Московского городского

Лауреаты в Ершовском центре

Дворца детского и юношеского творчества на Воробьёвых горах, неоднократно бывали в фольклорно-этнографических экспедициях, представляли русскую музыкальную традицию на фестивалях и в творческих проектах в зарубежье. О такой деятельности фольклориста мечтал их прапрапрадед, учась в Санкт-Петербургском университете.

Юные гости из Москвы с лауреатами премии съездили в село Ершово, где встретились с юными земляками именитого сказочника. А на следующий день побывали в Тобольске, где возложили цветы на могилу Петра Павловича Ершова и прочитали молитву о его упокоении, посетили «Ершовскую гостиную» в музее, а также Абалакский монастырь и храмы Тобольского кремля.

Лауреаты и гости премии

Прощаясь, лауреаты оставили организаторам благодарственное письмо, в котором особенно отметили:

«Конкурс литературы для детей и юношества – явление, безусловно, уникальное и знаковое, своеобразный творческий мост между прошлыми, настоящими и будущими поколениями нашего Отечества.

А популяризация сказки «Конёк-Горбунок» – этого удивительного, вечно живого народного поэтического предания – показывает, что в

глубинке Сибири до сих пор чтят гений Ершова, продолжающего увлекать своей поэзией всё новые и новые поколения детей и юношества.

Этот праздник уже много лет соединяет людей самых разных стран, объединённых любовью к Слову и вверивших своё творчество в руки Божии, а посему: «не нам, не нам, а имени Твоему, Господи, честь и слава!».

Потомки Ершова очень надеются приехать вновь на родину предка весной 2015 года, когда будет отмечаться двухсотлетие Петра Павловича. Наш край должен достойно встретить эту дату, ведь имя П.П.Ершова – это одна из культурных доминант Тюменской области.

Лауреаты в Ершовском центре

Аркадий Захаров

Член Союза писателей России,
член клуба «Тюменская старина»

Путь к Пушкину

Эссе

Это теперь читающие тюменцы не сомневаются, что пушкинское Лукоморье не что иное как Обская губа, что царство славного Салтана находилось на берегах Иртыша, а сам А.С.Пушкин происходит из разветвленного рода сибирских воевод.

Между тем еще двадцать пять лет назад об этом мало кто догадывался. Конечно, специалисты по Российской истории и истории географических открытий этой информацией владели, но предавать их широкой гласности не старались. Считалось, что альковные похождения Пушкина для читателей интереснее, или сказалось устойчивое пренебрежение столичных ученых к делам и событиям провинции. Так или иначе, но вновь открыть для земляков эти забытые страницы нашего прошлого удалось мне.

Возможно, сказалось домашнее воспитание. Мои родители преподавали историю и географию, в семье царил культ книги, и это не могло не отразиться на развитии моего кругозора. Замечено, что открытия часто случаются на стыке наук, непрофессионалами, не связанными традициями академического воспитания, при благоприятных внешних условиях.

Мне повезло: шла пора Перестройки и Гласности, открылся доступ к архивам и средствам массовой информации. Страна кипела инициативами. На волне призрачной свободы, при тюменской областной научной библиотеке имени Менделеева возник и активно функционировал неформальный клуб «Тюменская старина». Я влился в него со второго заседания и старался не пропустить ни одного.

Ах, какие это были собрания! Раз в месяц в конференц-зале собирались самые увлеченные, всех возрастов и профессий. Литераторы, музейные работники, коллекционеры, студенты и школьники, преподаватели вузов, пенсионеры и прочие, прочие, без ограничения и селекции. Каждый из нас нес в копилку «Тюменской старины» свои находки, гипотезы, информацию.

Время для докладов выделялось каждому. Мягко руководила этим процессом заведующая отделом редкой книги Елена Никифоровна Коновалова. От нее и других библиотекарей я получил неоценимую помощь в своих изысканиях источников о «Золотой бабе», бабе Яге, лешем – снежном человеке, Лукоморье и царстве славного Салтана. Своими открытиями я, не скупясь, делился со всеми на заседаниях клуба

и в средствах массовой информации. Среди журналистов у меня нашлось немало заинтересованных доброжелателей: Алла Пожидаева – в «Тюменском комсомольце», Наталья Терех – в «Тюменской правде», Лидия Гладкая – в «Красном севере». С их помощью были размещены целые серии моих материалов о сибирских мотивах в ряде произведений А.С.Пушкина, его родственных связях с сибирскими воеводами и почетными ссыльными.

В те времена население активно подписывалось на периодику, жадно читало, и информация широко растекалась. Постепенно у меня сложилась неоправданная репутация пушкиноведа. Между тем я был всего лишь краеведом-пушкинистом. И на большее не претендую, хотя считаю, что в пушкинистике совершил, как минимум, два открытия. В том числе с высокой достоверностью установил литературный источник, из которого Пушкин заимствовал географический термин «Лукоморье» и все чудеса вокруг него.

Так или иначе, в нужный момент количество моих публикаций переросло в качество. В начале 1990 года Правление Советского фонда культуры выступило с инициативой по подготовке к 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина. В «Литературной газете» появилось обращение ко всем пушкинистам. И вот, в один из первых посленовогодних дней звонит мне Елена Никифоровна Коновалова: «Аркадий Петрович, совет клуба выдвинул для участия в учредительной конференции Всесоюзного Пушкинского общества две кандидатуры – Вашу и кандидата филологических наук из ТГУ Пименовой. Мы уже все Ваши данные в Москву сообщили».

Я попробовал удивиться, да куда там: «У нас другого такого нет, и искать не будем». Звоню ответственному секретарю отделения Союза писателей Шумскому и выражаю свои сомнения. Тот даже и слушать меня не стал: «Аркадий, это бывает раз в жизни. Надо ехать, мы тебе доверяем, но денег на командировку не дадим – их у нас нет». Над концовкой его фразы я глубоко задумался: может, как-нибудь само решится. Не решилось.

Числа двадцатого января приходит мне на дом письмо Советского фонда культуры: «Глубокоуважаемый Аркадий Петрович! Советский фонд культуры приглашает Вас принять участие в работе учредительной конференции Всесоюзного Пушкинского общества в Москве 14-16 февраля с.г. Заезд в Москву 13 февраля... Просим Вас представить в письменном виде текст Вашего предполагаемого выступления в секретариат конференции. Председатель оргкомитета О.И.Карпухин».

Если с предполагаемым выступлением у меня проблемы не возникло, поскольку уже имелись серьезные наработки, способные перерасти в книгу, то с оплатой командировочных расходов как всегда возникал вопрос. С ним я и обратился к директору Спецкомбината по торговой технике Ивану Семеновичу Варлашкину, у которого работал заместителем по рекламе. Мудрый Иван Семенович внимательно прочитал повестку работы конференции, обратил внимание, что со вступительным словом выступит академик Д.С.Лихачев, а все мероприятие готовится под покровительством Раисы Максимовны Горбачевой, и резюмировал, как бы между прочим: «Аркадий Петрович! (Он всех своих подчиненных величал исключительно

по отчеству и никогда не ошибался). Время настало тяжелое, и денег в нашей кассе не густо. Но что такое деньги в масштабе времени – пыль и тлен. А Пушкин вечен. И если ты к его жизненной истории добавишь хотя бы точку, затраты будут оправданы. Выписывай себе командировку в наш московский трест, после конференции решишь там вопрос по снабжению». Вопрос этот свободно решался по телефону, но нужен был повод для выезда в Москву. И директор мне его дал. Чего я никогда не забуду.

И вот я уже в Москве. Не зря конференция собиралась под патронажем Раисы Максимовны: встретили делегатов на высшем уровне. Разместили в одноместных номерах гостиницы «Россия». Мне достался номер с видом на Кремль. Ночью, в лучах прожекторов Кремль прекрасен и настраивает на поэтический лад.

Сама конференция собралась в культурном центре «Агентства печати «Новости». Огромный «зеленый» зал вместил тысячи полторы участников со всего Союза и даже гостей из-за рубежа. К сожалению, Дмитрия Сергеевича Лихачева послушать мне не удалось: он внезапно заболел и не приехал. В результате между выступлениями возник вакуум, который попытались использовать жители обеих столиц, желающие обозначиться, привлечь к себе внимание, чтобы быть избранными в какой-нибудь руководящий орган Пушкинского общества, поближе к грантам на исследовательские и издательские работы. Таких оказалось удивительно много и своей навязчивостью они бросали тень на происходящее. Возникало стойкое ощущение, что юбилей Пушкина и подготовка к нему не культурный, а коммерческий проект, задуманный москвичами исключительно для своего блага. Хорошо еще, что настоящие пушкинисты в своей массе преобладали.

В ходе конференции я научился отличать пушкиноведов от пушкинистов. Пушкиноведы – это те, кто оседлали жизнь и творчество Пушкина и кормятся с этого стола, места за которым заранее распределены. А потому стараются не допускать к нему чужаков. Часто это – узкие специалисты – филологи, неспособные понять и оценить широту познаний поэта, и вследствие этого неправильно толкующие его тексты. Например, некто Благой уверял в комментариях, что «кромешники», упомянутые Пушкиным в «Борисе Годунове», не кто иные, как представители тьмы кромешной.

А пушкинисты – это все остальные поклонники творчества поэта, неустанно несущие в массы его слово, его думы и пророчества. На конференции я встретил много учителей, в том числе сельских, которые были счастливы от происходящего, от общения с себе подобными, делились находками, методиками, адресами. Для них это было событие на всю жизнь. Один из них спросил меня: «А Вы знаете, что в Тюмени есть улица Пушкина?». Я ответил, что не только улица, но и библиотека имени Пушкина, и памятник ему у нас имеются, благодаря купцу и городскому голове Текутьеву. «Да? – удивился собеседник. – Такое не в каждом городе встречается». И совсем удивился, когда я сообщил ему, что один из основателей Тюмени был предком поэта, а другие воеводствовали по всей Сибири.

Между тем президиум конференции приступил к обсуждению и принятию устава Всесоюзного Пушкинского общества. И хотя в президиуме собрались

исключительно остепененные всевозможными почетными званиями учредители, бессмертные по числу своих научных трудов и заслуг, сугубо практическое обсуждение устава и внесение в него поправок у них не очень получалось. Меня, уже прошедшего школу избрания в депутаты городского Совета, насторожил непроработанный вопрос уплаты членских взносов учащимися школ, интернатов и детских домов.

И я решил выйти к трибуне без предварительной записи. Перед такой громадной аудиторией мне выступать еще не приходилось, и, признаюсь, коленки у меня подрагивали, когда я выходил на сцену. «Вы кто? Представьтесь», – потребовали из президиума. «Я – вице-президент клуба «Тюменская старина» при областной научной библиотеке, – занимая трибуну, заявил я. – Пушкин говорил, что Сибирь – страна умных людей. Так вот, я оттуда».

Седенький старичок из президиума попытался меня поправить: «Это не Пушкин, а Ершов говорил». Я с ним не согласился: «Это Ярославцев записал беседу Пушкина и Ершова. Мы, сибиряки, уважаем и чтим наших земляков и родственников. И стараемся знать о них все и точно. Поэтому спор наш прекращаю и перехожу к тому, из-за чего сюда вышел. Я предлагаю освободить от денежного членского взноса всех школьников, вступающих в Пушкинское общество». Зал грохнул от смеха, и за мою поправку проголосовали единогласно. А когда я спустился в зал, академик Опекушин горячо пожал мне руку: «Ловко ты осадил москвича. Все-то на свете они знают».

В результате моего самоуверенного выхода к трибуне состоялось избрание меня в совет общества за номером четыре – «Общественных инициатив». Из-за чего через год я снова принимал участие в планировании и подготовке мероприятий общества, которыми охватывался весь Союз.

Среди множества, несомненно, полезных и важных, способных сохранить и развить у населения интерес к творчеству Пушкина, как это иногда случается, проскакивали и отдающие явной авантюрой. Например, планировалось издание факсимиле рукописных тетрадей А.С.Пушкина тиражом достаточным для удовлетворения запросов Университетов всего мира и областных библиотек Советского Союза. Для решения такой масштабной задачи и освоения выделенной на нее астрономической суммы во всем СССР специалиста почему-то не нашлось. Зато в Великобритании сыскался некий Максвелл, который вызвался в кратчайший срок все это проверить, поскольку только у него имеется уникальная цифровая фотоаппаратура. И ни у кого больше. С этой аппаратурой господин Максвелл ненадолго появился в Москве, снял рукописи, получил солидный аванс и отбыл восвояси. Выполнил ли он условия контракта, не берусь сказать. Знаю только, что его разыскивал Интерпол, но безуспешно. Потому, что при загадочных обстоятельствах этот господин выпал за борт собственной яхты где-то в Атлантике, и тело его не найдено.

Впрочем, для Всесоюзного Пушкинского общества это происшествие прошло незамеченным за чередой значительно более трагических: страшного пожара в здании Советского фонда культуры на гоголевском бульваре и развалом Советского Союза. После чего всем стало не до Пушкина. Но все это случилось потом.

А в феврале 1990-го после завершения учредительной конференции ВПО, ее радостные и окрыленные масштабам предстоящих дел делегаты разъезжались по всем уголкам страны, от Якутии до Молдавии, от Грузии до Архангельска. Я тоже пытался улететь, но не получалось. На Москву обрушился грандиозный снегопад. Трамваи буксовали на рельсах, автобусы вязли в снегу, а здание центрального аэровокзала трещало от переполнивших его пассажиров. По метеоусловиям все рейсы откладывались на неопределенный срок. Скамейки плотно забиты, присесть некуда, а от многочасового стояния ноги перестают слушаться. Вдруг вижу: возле батареи два азиата усаживаются на расстеленную картонку, и рядом с ними на ней еще есть место. Я к ним: «Можно мне с вами?». Они утвердительно закивали.

Сию рядом смирно и слушаю, как они беседуют на правильном русском. Станным мне это показалось, и я осмелился спросить: «Почему вы, азиаты, не говорите на родном языке и предпочитаете русский?». Тогда тот, что постарше ответил: «А мы по-другому между собой объясниться не сможем. Вот я – кореец из Узбекистана, а он – юкагир из Жиганска на Индигирке. Здесь встретились и, может, скоро разлетимся по домам. Я на митинг по поддержке Гдяна и Иванова приезжал. Правильные они люди. От коррупции нам житья не стало: в школу – плати, в больницу – плати, на работу устроиться – плати. И еще беда надвигается: русских отовсюду выживать стали. Если русских узбеки вытеснят – мы следующие. Потому я и приехал на митинг, выступал и рядом с Гдяном стоял». «Понимаю, – кивнул головой я. И обратился к юкагиру: «А тебя как в Москву занесло?». Лицо у парня просияло от нахлынувших чувств, и он поделился своей радостью: «А я мечту свою выполнил – попить досыта пива и посетить мавзолей Ленина. За нынешний охотсезон я пушнины хорошо добыл, денег получил кучу, а в тайге куда их тратить? Я в Жиганске сел на самолет и прямо сюда».

– И как, повидал Ленина?

– Со второго захода. В первый день я сначала пива много и хорошо принял, а потом в мавзолей пройти пытался. Так меня из очереди вывели и сказали больше не появляться. А я на другой день схитрил: сначала в мавзолей прошел, а уж потом пошел пиво пить. Теперь не пью – денег мало. А ты что здесь делал?

Я кратко рассказал соседям о состоявшейся конференции. «Пушкина я много читал, – задумчиво сказал кореец. – Раньше я преподавал русский язык в школе». «Я тоже Пушкина знаю, – перебил его юкагир. – Сказку о «Золотой рыбке». Только это наша народная сказка, а Пушкин ее в стихах изложил».

Я не стал ему говорить, что наоборот Пушкин сочинил сказку, а уж потом она стала народной. В конце концов, у каждого свое понимание Пушкина, и своя к нему народная тропа.

К 50-летию
областной
писательской
организации

Юрий Мешков

(1939 – 2011 гг.)

Член Союза писателей России,
профессор Тюменского госуниверситета,
директор НИИ региональных энциклопедий (1999-2011 гг.),
Заслуженный работник высшей школы РФ

Тюменской строкой*

У литературы сибирского Зауралья давняя и богатая история. После присоединения Сибири Ермаком и основания Тобольска именно здесь начиналась литература всего Урало-Сибирского региона. Первые тексты были созданы в 1621-1622 годах, при первом сибирском архиепископе Киприане. Воспоминания ермаковых казаков легли в основу «Написания, како приидоша в Сибирь». Имена тех, кто пришел с Ермаком в Сибирь, были внесены в поминальный «Синодик».

Киприан завел в Тобольске, ставшем центром Сибирской епархии, книжное дело. Оно было продолжено после его отъезда. И было замечено в Москве. Среди тех, кого заметили, был и Агафон Тимофеев. В истории отечественной литературы Агафон Тимофеев значится автором нескольких оригинальных виршевых сочинений. В 1631 году его вызвали из Тобольска в Москву, наказав ему «быти... на Печатном у государева дела у книжной справки». Коль слава об его искусности книжных дел мастера дошла до Москвы и его вызвали туда на службу, надо полагать, что эта искусность проявилась уже в годы его служения в Тобольске.

1 сентября 1636 года – дата, проставленная Саввой Есиповым собственноручно в конце рукописи, ставшей известной под его именем как Есиповская летопись. Дату эту можно считать днем русской литературы всей Сибири. В это время были написаны и «Повесть о городах Таре и Тюмени», и «Сказание об Абалацкой иконе». Авторство их тоже приписывают Есипову.

Сибирское Зауралье знало людей грамотных и творчески одаренных. Удаленность от культурных центров не означало изоляции. Достаточно сказать, что архиерейская библиотека Тобольска уже к 1650 году насчитывала более 150 томов. А во главе Тобольско-Сибирской епархии стояли люди, сами не чуждые литературных занятий, известные своими оригинальными сочинениями. Митрополит Филофей Лещинский в начале XVIII века не только организовал в Тобольске из учеников архиерейской школы театр, но и сам писал для него пьесы духовного содержания и даже режиссировал.

Или вспомним митрополита Иоанна. На Тобольскую кафедру в 1710 году он пришел уже прославленным в церковных кругах писателем.

* Статья Юрия Мешкова из книги «Тюменской строкой. Антология», Тюмень, ОАО «Тюменский дом печати», 2008 г.

Им написано более десяти книг, часть из них – переводы, но есть весьма оригинальные сочинения, в том числе писанные стихами. Биографы Иоанна приводят свидетельства, из которых следует, что только в трех его произведениях («Алфавит духовный», «Богородице Дево» и «Осми блаженств евангельских») содержалось соответственно 10322, 24269 и 5934, то есть в итоге 49536 стихов. И это – не считая стихотворных фрагментов в других книгах. Правда, известный поэт начала XVIII века Антиох Кантемир весьма скептически отзывался об его стихотворстве. Для нас же важно отметить, что митрополиту Тобольскому и Сибирскому Иоанну стихотворная форма для выражения мыслей была привычна.

Но мы поведем речь о литературе светской. И потому среди славных имен ее зачинателей в Сибири вспомним Семена Ремезова. Тем более они с Иоанном – современники.

Семен Ремезов известен как картограф и архитектор. Но он был литературно одаренным человеком. Составленная им «История Сибирская» по его имени известна как Ремезовская летопись. В ней творчески использованы легенды и предания, документальные свидетельства тех лет, ряд исторических источников. Мы слышим взволнованный лирический голос человека, влюбленного в свой родной край: «Воздух над нами весел и в мирности здрав и человеческому житию потребен. Ни добре горяч, ни студен... Земля хлебородна, овощна и скотна, оприч меду и винограду ни в чем скудно. Паче всех частей света исполнена пространством и драгими зверьми бесценными. И торги, и привозы, и отвозы привольны. Рек великих и средних, заток и озер неисчетно, рыб изобильно множество и ловитвенно. Руд, золота и серебра, меди, олова и свинцу, булату, стали, красного железа и в укладку, и простова, и всяких красок на шелки, и камней цветных много и от иноземцев скрытно...».

Литературная одаренность Ремезова заметна и на текстологической части его картографических трудов. А свою «Книгу, глаголемую Херография», он открывает виршами. Они написаны неравносложными стихами с парной рифмовкой. В отечественной литературе конца XVII века уже утверждается силлабическая система стихосложения. Но до Тобольска влияние силлабики еще не дошло, а вирши были привычны. В привычной форме торжественного краесловия (когда созвучны крайние в строках слова) Ремезов и обращается к читателю своей «Херографии».

А спустя 100 лет, 30 августа 1782 года, в Тобольске звучит вполне современная стихотворная речь:

*Страна моя! Тебя я не забуду,
Когда и под сырой землю буду;
Велю, чтоб друг на гробе начертал
Пол-линии: и я в Сибири жил.*

Стихи эти – из патриотической оды «К Сибири» – звучали на торжестве, посвященном открытию Тобольского наместничества. Оду сочинил по всем

правилам ломоносовской пиитики и риторики пятнадцатилетний ученик Тобольской духовной семинарии Петр Словцов. Он же звонко и прочитал ее в присутствии первого наместника Е.П.Кашкина, а главное – при большом стечении тоболяков. Стихам они не удивились, видимо – привычны были, а в среде семинаристов – обычны.

Специалисты знают Петра Андреевича Словцова как автора двухтомного «Исторического обозрения Сибири». Но он был интересным поэтом, с которым желание познакомиться выразил Г.Р.Державин. Он был автором двух чисто литературных книг – «Письмо из Сибири 1826 года» и «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 году». И потому историю литературы сибирского Зауралья представить без него очень трудно.

А в 1834 году русская литература обогатилась стихотворной сказкой Петра Ершова «Конек-Горбунок». Ее звучные стихи знакомы с детства каждому русскому. Стихотворная сказка Петра Ершова является знаковой для культуры региона, более того – его культурной визитной карточкой. И в литературном пространстве региона «Конек-Горбунок» – классика, которой можно гордиться. Ею он отмечен на общероссийской литературной карте. А премия имени П.П.Ершова является для писателей Тюменской области весьма престижной.

Целым рядом имен отмечена литературная жизнь Тобольской губернии во второй половине XIX века. Назову Михаила Знаменского. В повести «Исчезнувшие люди» он рассказал о своих отроческих годах и встречах с сосланными в Ялуторовск декабристами. Рассказ о декабристах он продолжил и в повести «Тобольск в сороковых годах». Но у Знаменского есть и другие работы, имеющие отношение к литературе. Я имею в виду его литературно-карикатурные попури на темы двух достаточно примечательных для XIX века книг – романа Л.Толстого «Война и мир» и романа И.Гончарова «Обрыв». Знаменский создает по этим романам ставшие модными сегодня комиксы. Первый публиковался в Петербурге в журнале «Искра», а второй вышел отдельным изданием в 1875 году в Тюмени. Так была сделана и его книга «Моя поездка на кумыс», тоже изданная в Тюмени.

Уроженцем Тобольска является Н.И.Наумов. Он здесь не только родился, но и провел детские годы и потом возвращался в родной город, служил участковым заседателем земского суда. Не удалялся от родных мест, когда служил и жил то в Омске, то в Томске. В его прозе легко узнается Западная Сибирь и типажами героев, и картинами природы, и сюжетными поворотами событий. Книга рассказов и очерков Н.Наумова «Сила соломѹ ломит», изданная в 1874 году, была очень значимой в литературе тех лет и поставила нашего земляка в число лучших писателей, которые определяли тогда литературную погоду. Правда, погоды быстро меняются, с их переменной меняются и оценки, а потому уже в 1897 году, когда Наумов издал свой двухтомник, воспринимали писателя, с трудом вспоминая его, иначе. Он умер в 1901 году. Историки литературы называли Н.Наумова в ряду писателей-народников XIX века. Но на родине его не то чтобы забыли, а

как-то отодвинули. В 1962 году тюменский литературовед Л.Г.Беспалова защитила по его творчеству кандидатскую диссертацию. К 160-летию со дня рождения писателя тюменский книгоиздатель Ю.Мандрика выпустил том его избранной прозы, утвердив имя Н.Наумова среди писателей региона.

На рубеже XIX-XX веков интересным явлением в русской литературе стала этнографическая проза. И в ней следует выделить Константина Носилова, уже тогда открывавшего особый мир малочисленных народов Севера. Его прозу отмечал Л.Толстой. К жанру этнографической прозы активно стали обращаться во второй половине XX века, когда места проживания этих народов стали всем известны как неисчерпаемая нефтегазовая провинция, и имя К.Носилова прочно утвердилось в литературе.

Тюмени исторически не очень везло. Да, это первый город в Сибири. Но столицей Сибири на долгие годы суждено было стать основанному годом позже Тобольску. Через Тюмень везли дальше в Сибирь каторжников и ссыльных, шли бесчисленные переселенцы. В Тюмень же не ссылали ни царь, ни Советская власть. Ссылали на Север, в Сургут и даже в Березово, но не в Тюмень. Ей долго, до конца XX века, пришлось быть транзитной площадкой. Правда, в 1918 году Тюмень стала центром губернии. Но пожар Западно-Сибирского (Ишимского) крестьянского восстания вскоре стер губернию с карты. Территорию включали то в состав Уральской области (дабы пролетариат перевоспитал тюменского собственника-мужика), то в состав Омской области, пока в 1944 году не образовалась Тюменская область, а Тюмень стала ее административным центром. Именно центром, ибо на статус областной столицы она долго не могла претендовать; столичности-то ей и не доставало.

Литературу собственно Тюменского края долго не замечали. Ее начальную историю рассматривали как часть литературного движения Сибири, справедливо полагая, что русская литература Сибири зарождалась в Тобольске, а первый русский сибирский писатель – Савва Есипов. Уральские литературоведы с Тобольском XVII – XVIII веков связывают становление русской литературы на Урале, справедливо полагая, что «Краткая сибирская летопись Кунгурская» не только была создана Семеном Ремезовым на Урале, но и на основе уральских (строгановских) источников. Пребывание в Западной Сибири декабристов, а во второй половине XIX века – мощное переселенческое движение создали образ края, где царствуют произвол и беззаконие, образ «гиблого места», куда судьба если и занесет, то на явную погибель. А в XX веке для уральских критиков край этот был малоинтересен, поскольку это – сибирское Зауралье, а для сибирских – поскольку это – сибирское Зауралье. Отсюда вялое внимание к краю журналов «Урал» и «Сибирские огни», уральских и сибирских писательских организаций. Местные литературоведы в учебной книге «Литература Тюменского края» (1997г.) вынуждены были констатировать, что «Тюменский край поставлен исследователями в положение «межеумочного» явления, которое «не просматривается» с позиций соседних с нами культурных центров Сибири и Урала».

Ситуация стала меняться во второй половине XX века. Начался нефтяной бум, стремительно возводились и росли северные города с кошельком, который Тюмени и не снился. Город молча принял функцию перевалочного пункта, город все отдавал нефтегазовому Северу и, как Золушка-падчерица, не претендовал на большее. Область укреплялась, энергетическое сердце России, как стали именовать Тюменскую область, осознало свою крепнущую силу. Падчерица неизбежно должна была вот-вот раскрыться.

Тут и пришло время думать о том, каким лицом она откроется. Пришло время думать и о собственной писательской организации. В советское время их статус был достаточно велик. И хоть властям было хлопотно с ними, но и без них власти не чувствовали своей должной состоятельности.

16 февраля 1963 года в Тюмени прошло учредительное собрание Тюменского отделения Союза писателей РСФСР. Собрали цвет тюменской творческой интеллигенции. На собрание пришел первый секретарь Тюменского обкома КПСС Б.Е.Щербина. Кстати, все годы работы в Тюмени он не только интересовался делами в писательской организации, но и регулярно бывал на ее собраниях. Для идеологического контроля? Да нет, просто из участливого интереса. И принимал писателей. И помогал им. Давал понять, что они нужны и востребованы. Читал те книги, что издавали местные писатели. То же можно сказать о сменившем его Г.П.Богомякове. И если в словах моих слышится ностальгия, то, право же, на расстоянии лет понимаешь: есть о чем ностальгировать.

К этому времени на территории Тюменской области проживали шесть членов Союза писателей. Это было достаточное число, чтобы учредить свою организацию, а не состоять на учете кто в Свердловской, кто в Омской, то есть у соседей.

Еще в 1955 году в Союз писателей был принят Иван Истомин. Истомин свободно владел несколькими языками, писал на ненецком и на русском. Его первое стихотворение на ненецком языке «Олень» было опубликовано в 1936 году. Первая книга «Наш север» вышла в 1953 году. В 1958 году он переехал с Севера в Тюмень и работал в местном издательстве редактором. Его справедливо считают одним из зачинателей литературы народов Севера, а личное его мужество (он с детства тяжело болел) неизменно вызывало восхищение.

Михаил Лесной в Союз писателей был принят в 1957 году. Он был самым возрастным среди учредителей организации, ему было почти 70 лет. Писать он начал еще в юности, году в 1915, потом учительствовал в Северном Казахстане и в Ишиме. Публиковался в местной печати. В 1950 году свои рассказы натуралиста отправил на конкурс Детгиза, был замечен и опубликован в коллективном сборнике. Тогда же свою фамилию Зверев ему пришлось сменить на псевдоним Лесной, ибо обнаружился писательский однофамилец. К началу 1963 года им было издано пять книг. Его рассказы о природе и животных охотно принимали периодические издания.

Константин Лагунов в Союз писателей был принят в Таджикистане в 1959 году. До этого несколько лет он был вторым секретарем ЦК ВЛКСМ республики. Завершив комсомольскую карьеру, занялся журналистикой, а потом и литературой. В Тюмень, в родные места, он вернулся в 1961 году, стал главным редактором местного издательства. Человек комсомольской энергии, талантливый организатор, он подал идею создания своей областной писательской организации. Именно он и возглавил ее, беспрерывно руководил ею до 1983 года.

Иван Ермаков заявил о себе в литературе в 1956 году. Он тогда напечатал в областной газете сказ «Соколкова бригада», который тут же был замечен. Перепечатан журналом «Сибирские огни». За новыми сказами к Ермакову выстраивались многие периодические издания. Сказы его были посвящены событиям нашего времени и совсем недавнего прошлого – времени войны. Именно он одним из первых обратился к теме «женщины на войне», именно он уже названием сказа создал ее образ – «Богиня в шинели».

Буквально накануне собрания в Союз писателей были приняты Василий Еловских и Владислав Николаев. Впоследствии первый уедет из Тюмени в Курган, второй – в Свердловск. Но на начальных страницах истории Тюменской писательской организации их имена встречаются часто.

Вскоре на учет в Тюменскую писательскую организацию встал Юван Шесталов. Его имя уже было известно всесоюзному читателю. Он учился в Ленинграде, в Тюмени он, еще молодой человек (ему было 26 лет), стал работать инструктором в обкоме комсомола. В 1963 году в Тюмени издали его сборник стихов «Радуга в сердце», а год спустя появилась повесть «Синий ветер каслания», которая очевидно открывала не просто талантливого литератора, а целое художественное явление.

Уже в первый год своего существования Тюменская писательская организация достаточно энергично обозначила свое присутствие в культурной и общественной жизни региона. Областное бюро пропаганды литературы в своем отчете за 1963 год указывает на три читательские конференции, 17 обзорных лекций по современной литературе, более ста литературных вечеров в библиотеках, 145 писательских выступлений, издание 38 книг местных авторов. Поверим этим цифрам, ибо есть архивные свидетельства не меньшей активности тюменских писателей и в последующие годы.

С 1963 года уже можно было серьезно говорить о литературной жизни области. Традицией Тюменской писательской организации стало проведение регулярных областных семинаров молодых. Эти семинары иногда собирали до 50 человек. На них открывались новые имена, они были школой для молодых. В районах и городах работали десятки литературных объединений.

В начале 1964 года в Союз писателей уже Тюменской организацией был принят Леонид Лапцуй. Принимали взыскательно, даже скупно. Но уже к началу 80-х годов в писательской организации состояло 16 человек,

среди них: Евгений Ананьев-Шерман, Зот Тоболкин, Геннадий Сазонов, Раиса Лыкосова, Евгений Вдовенко, Николай Денисов, Сергей Шумский, Еремей Айпин, Любовь Заворотчева, Владимир Нечволода, Николай Шамсутдинов, Анна Неркаги и другие.

Июминкой в деятельности областной писательской организации стало проведение Дней советской литературы. Таких Дней было проведено несколько. К местным писателям присоединялись писатели, достаточно в то время известные в стране, среди них: Георгий Марков, Алим Кешоков, Римма Казакова, Марк Лисянский, Людмила Татьянаичева и многие другие. Дело не в обширном перечне имен, а в том энтузиазме, с каким проходили встречи с читателями. И в той заинтересованности в таких встречах, в живом общении населения с писателями, которые сопровождали эти Дни.

К началу 80-х годов это была одна из крупнейших организаций Союза писателей. Стало остро ощущаться отсутствие в области своего издательства и своего журнала. Заговорили о книжном голоде. Очень многое зависело от центра. В сентябре 1989 года писатели обратились с письмом к Председателю Верховного Совета РСФСР В.И.Воротникову. Вопрос ставился остро: «Если проблемы экономического, социального плана в регионе, хоть и со скрипом, но как-то решаются, то для развития культуры делается очень мало. Этим и вызвано беспокойство, наше обращение к Вам, чтоб на самых высоких уровнях решить, наконец, проблемы комплексного развития региона. Пока в комплексе отсутствует важнейшее звено: забота о духовном, нравственном развитии сибиряков-тюменцев».

Но вскоре исчезла цензура, была отменена в книгоиздании разрешительная система, снят идеологический контроль. В истории Союза писателей, в деятельности его региональных организаций началась новая эпоха.

Тюменская писательская организация не распалась. В том заслуга почти 17 лет возглавлявшего ее Сергея Шумского. В 2003 году его сменил Анатолий Васильев, а в 2005 ответственным секретарем был избран Николай Денисов. Правда, потеряли особняк, в котором располагался Дом писателей. Теперь квартируем у новых хозяев нашего прежнего Дома в двух небольших комнатках (в наст. время адрес: Тюмень, улица 50 лет Октября, 48 – примеч. ред.). Лишились бюджетной поддержки, а потому все вместе собираемся крайне редко. Крайне редко встречаемся с читателями. Редкие презентации новых книг привлекают все больше фуршетом. Во властных кабинетах встречают недоуменно: вы еще существуете? Правда, отдельным писателям удается найти спонсоров на издание книг. И власть отдельным писателям помогает. Но организацию не видят в упор.

Создается ощущение, что начальники от культуры исходят из представления о культуре только как о виде досуговой деятельности. И все, что связано с досуговой деятельностью, получает поддержку. Будь то гастроль заезжей поп-звезды, межрайонный фестиваль лошкарей или городской праздник непервого поцелуя. Не понимают они, о чем речь, когда говоришь им, что

самосознанием культуры являются искусство и литература. Отстраняя творческие союзы, начальники от культуры опускают культуру на уровень развлечения. А потому сегодня в большом спросе массовики-затейники из былых культпросветучилищ, но не писатели.

Не только Тюменская, но практически все региональные писательские организации большие надежды возлагают на Закон о творческих союзах. Но когда он будет принят!? А существовать надо сегодня.

Не способствует востребованности и тот факт, что писатели разобщены. В 1993 году московский раскол дошел и до Тюмени, было образовано Тюменское региональное отделение Союза российских писателей. Его возглавил поэт Николай Шамсутдинов. В 1997 году выделились в самостоятельную организацию писатели Ханты-Мансийского автономного округа. Ее возглавил талантливый прозаик Николай Коняев (в наст. время Дмитрий Мизгулин – примеч. ред.). Они получили право самостоятельного приема в Союз. Все меньше, в силу удаленности, свою принадлежность к Тюменской организации ощущают писатели Ямала. В ситуации разобщенности уютно начинают себя чувствовать внеуставные самодеятельные Ассоциации. Они устраивают литературные шоу с конкурсами и премиями на щедрые пособия спонсоров, которых тут же производят в лауреаты.

Но хватит плакаться...

На территории Тюменской области в трех ныне существующих писательских организациях на учете состоит более ста человек (данные на 2008 год – примеч. ред.). Их творчество и образует современное литературное пространство региона.

Литература Тюменского края заметна в таком направлении, как очерк и публицистика. Заметны были очерки и статьи Константина Лагунова. Сошлюсь на его новомировскую статью 1967 года «Нефть и люди». Уже тогда, на пике эйфории от тонн и кубометров добычи углеводородного сырья, он поставил вопрос о нравственной цене успеха. Речь шла и об экологии, и о сбережении культуры коренных народов, и о развращающей идеологии «результат любой ценой». Очерковой прозой получили известность Евгений Ананьев и Геннадий Сазонов. Престижной премией имени Ленинского комсомола была отмечена Любовь Заворотчева.

Сегодня это направление активно разрабатывает писатель Анатолий Омельчук. Север стал не только тематической магистралью его творчества. Он стал его любовью и жизнью. Публицистическая книга Анатолия Омельчука «Частное открытие Сибири» в 2007 году вышла третьим изданием. Назову и Николая Смирнова, поистине летописца эпопеи освоения нефтегазовой провинции. В его пяти книгах (последняя – «Единая цитадель» – издана в конце 2007 года) собраны факты, события, имена, которыми отмечена эта эпопея. Да, книги Николая Смирнова характеризует журналистская скоропись. Но вспомнилось слово, которым в дневнике Михаил Пришвин характеризовал работу Владимира Маяковского: он хотел «пришпилить» день к бумаге. В очерковой

прозе тюменских писателей нефтегазовая эпопея второй половины XX века «пришпилена» к бумаге. И в том их заслуга перед литературой.

Современную литературу Тюменского края характеризует ее многонациональный характер. Развитию литератур малочисленных народов Севера в Тюменской писательской организации всегда уделялось первостепенное внимание. И сегодня мы имеем достаточно зрелые литературы, заявившие о себе только в XX веке. Об уровне их зрелости и самобытности можно судить по тем именам, которыми эти народы представлены на всероссийской литературной карте: Анна Неркаги (ненцы), Еремей Айпин (ханты), Юван Шесталов (манси). Все слышнее заявляет о себе литература сибирских татар. Яркой кометой очертил литературное пространство края поэт Булат Сулейманов. Тобольский литературовед Флера Сайфулина в 2007 году опубликовала монографию «Формирование и развитие татарской литературы Тюменского региона», в которой истоки сибирскотатарской литературы она обнаруживает в XIV веке.

Тюменские писатели в последние годы активно осваивают историческую тему. Она представлена романами А.Анисимковой, А.Васильева, В.Софронова. Большое историческое повествование о М.М.Сперанском завершает тобольский писатель Ю.Надточий. Картина литературной жизни Тюменской области будет неполной без имен прозаиков Зота Тоболкина, Николая Коняева, Александра Игумнова, Сергея Козлова, Бориса Комарова и др., без имен поэтов Андрея Тарханова, Петра Суханова, Николая Шамсутдинова, Людмилы Ефремовой и др. Я называю имена без указания их принадлежности к тому или иному творческому союзу.

Антология «Тюменской строкой» включает в себя биографические справки и страницы творчества тех, кто был принят в Союз писателей Тюменской писательской организацией или длительное время состоял в ней на учете. Не дождался первой книги и не был принят в Союз Владимир Белов (1949-1983), не успела оформить членство Светлана Соловьева (1937-2005). Следуя этому (согласимся: формальному) принципу, мы не представили в антологию тех, кто был принят другими организациями на территории области, в том числе близким нам по единому творческому союзу Ханты-Мансийским отделением. Стоит сожалеть, что по этой причине не представлены Александр Игумнов и Сергей Козлов. В Союз российских писателей вступил Александр Гришин (1948-1998), без которого картина поэтической жизни Тюмени конца XX века не будет полной. Многие выехали за пределы области, и мы потеряли с ними связь. Я сожалею, что единое и художественно многообразное литературное пространство нашего региона – Тюменской области – представлено неполно. Но мы и не стремились к исчерпывающей полноте. Через отобранные имена мы стремились показать, что литература Тюменской области – это и наша история, и наша культура, и наша визитная карточка. Именно об этом и антология «Тюменской строкой».

Владимир Рогачев

(1940-2004 гг.)

Доцент Тюменского госуниверситета,
театровед, журналист

На стремнине реки времен

Самая трудная роль в отечественной литературе – не бояться ощутить острое быстротекущего времени, быть со своим веком наравне, переживать его радости и боли как свои, чувствовать пульс народной жизни, мыслить и сострадать, разбираться во всем спектре мнений и настроений, событий и процессов. Одним словом – быть остросовременным. Таково главное направление творческих исканий **Константина Яковлевича Лагунова**.

Тернистый, многотрудный и неповторимый путь писателя начался с маленькой звездочки – первого стихотворения, напечатанного в омской областной пионерской газете «Ленинские внучата» в 1938 г. (Тюменской области тогда не было, громадная территория от ишимских степей до Карского моря и от Урала до Енисея подчинялась Омску). Грянула война, и лишь 20 лет спустя, в 1958 г., в столице советского Таджикистана Душанбе состоялся настоящий профессиональный дебют – вышла повесть «Своей тропой». Так обозначился первый период творчества К. Лагунова – таджикский. С 1963 года до начала 80-х годов длился тюменский этап, связанный с социально-этическими проблемами освоения нефтегазовых богатств нашей области. Третий (большая часть 80-х и 90-е годы) можно назвать периодом духовно-исторического синтеза, активной публицистической работы с размышлениями писателя о наступлении новой смуты в России.

Конечно, сказанное не раскрывает всей жанровой и стилиевой многослойности творчества К.Лагунова. Стихи и сказки для детей, художественно-документальные

Константин Яковлевич Лагунов

произведения, литературно-критические работы, сценарии невозможно вписать в русло обозначенных главных тем. Еще в Таджикистане прозвучали первые слова художника в защиту природы от слишком ретивых техногенных преобразователей. Тогда еще не говорили про экологическую тему в литературе.

На рубеже 60-х годов, на волне первой «оттепели», в художественном мире К.Лагунова стала набирать силу философская мысль, стремление постичь глубинные процессы, происходящие в сознании человека XX века под прессом мировых войн, катастроф, революций, тоталитарных режимов. Глобальный вопрос духовно-нравственной катастрофы, поразившей людей, по-разному волновал многих мастеров нашей послевоенной литературы – Л.Леонова, А.Платонова, А.Тарковского... На XX век хватило в то же время красоты, мощных взлетов науки и техники, гуманитарных исследований. А еще – начало космической эры, декларации ООН о правах человека, стремление к открытому, правовому и свободному сообществу. Но рядом – межнациональные конфликты, локальные войны, СПИД, кровавый передел собственности, мафия, продажная политика и избесившаяся масс-культура, демагогия народных избранников.

В то советское время, исключая социальные деформации и диктат правящей элиты, в массовом сознании утвердительно звучало: «Раньше думай о Родине, а потом о себе». Казались незыблемыми и востребованными коммунистические идеалы, признание приоритета общественных начал бытия, борьба за мир и возвеличивание героев труда. Но росла пропасть между «верхами» и простыми людьми, командно-административная система, обильно поливая СССР лозунгами типа «Все для блага человека, все во имя человека», на самом деле душила инициативу, свежие творческие порывы. Страна села на валютную иглу, эксплуатируя тяжелейший труд тюменских нефтяников и газовиков, оборонки и космоса. На селе низвели крестьянство, обесмысливали хозяйское, рачительное отношение к земле. Безликие спальные микрорайоны порождали социальную аморфность, разводы и преступления. В 1991 г. никто не пришел защищать парткомы, митинговать за одряхлевшую власть.

И в эту сложную, трагедийную мозаику бытия, назревавшую в СССР не вдруг, еще с конца 60-х годов, К.Лагунов тогда же и взгляделся, он почувствовал тревогу: не только идеалы, но и высокий смысл человеческой жизни стал утрачиваться на одной шестой части земной суши. Эта тревога отражена в сборнике рассказов «Ветка полыни» (Свердловск, 1967). Закончив в 1950 г. Тюменский пединститут и в 1958 г. аспирантуру Таджикского госуниверситета, он защитил диссертацию и стал кандидатом исторических наук. Эмоционально-нравственное прозрение художник стал поверять логикой исторического анализа, по-своему ответив на известную поэтическую мысль 60-х годов, высказанную Я.Смеляковым в сборнике «День России»: «Острее стало ощущение шагов истории самой».

Тысячи раз на планете с горечью говорилось и говорится: история учит нас тому, что ничему не учит. К.Лагунов двадцать лет (1963-1983) успешно

руководил Тюменской областной писательской организацией, сделал главный упор в своей творческой работе и работе коллег на создание художественно-документальной Летописи освоения богатых недр края. Да, он должен был играть по правилам того времени, учитывая официальные установки. Да, он и другие писатели, прежде всего, в 60-80-е годы возвеличивали героику рабочего напряжения «энергии века», крупные фигуры Муравленко, Салманова, Коротчаева и других знаменитых организаторов небывалых дел и уникального освоения малоподходящей для человека естественно-природной среды. На высокий уровень поднималась рабочая смекалка и красивый риск людей с якобы нижнего этажа – Леванова, Левина, Урусова и других мастеров. Да, производственная, деловая, рабочая тема практически вызволила тюменскую литературу из забвения, в котором она пребывала после 1917 года.

Напомню, что именно К.Лагунов более других обеспечил ей второе рождение. Даже по советским меркам литературная ситуация в Тюмени была дурным парадоксом: самая большая область в СССР не имела ни одного творческого союза, кроме Союза художников. Область заново образовали в 1944 г., и двадцать лет (!) в ней не было писательского объединения. История отечественной культуры еще проверит правоту нашего писателя. Это сейчас воротят носы от рабочей темы доморощенные авангардисты. Отворачивались от древнерусских повестей эстеты XIX века, в XX-м о них вспомнили.

С другой стороны, где сейчас скороспелые книги столичных литературных генералов о тюменских нефтяниках, газовиках, геологах, строителях, энергетиках? Заезжих литераторов не было на барже с первой тюменской нефтью в 1964 году, а был молодой тюменский поэт В.Нечволода, которому К.Лагунов помог самоопределиться в творчестве. Живут и книги тех лет нашего мастера, ибо в них заключена художественная правда о времени и о себе, о нашем крае, где и тогда мог свободно дышать человек, поднимая газгольдеры Уренгоя, вышки Самотлора, просветленно, со слезами (сам видел!) пересекая Иртыш под Тобольском по богатырским пролетам уникального железнодорожного моста на первом поезде. И если сегодня в северных округах говорят, что они – доноры России, нелишне вспомнить, что еще не до конца исчерпан задел, доставшийся от времен первопроходцев. Иные скажут, что было много плохого – кураж нефтегенералов, дутые цифры в отчетах, наспех к очередному партсъезду проложенные трубопроводы, экологическое безобразия, длиннорубленники, рвачи, халтурщики. Но разве они движут жизнь, придают ей смысл?

Про уродливые перекосы в развитии Тюменского НТК одним из первых стал писать К.Лагунов. В условиях тогдашней эйфории по поводу трудовых побед он начал показывать и обратную сторону медали (роман «Ордалия»). До этого произведения прошел очерк «В краю романтиков» («Урал», 1964, №9), потом очерк «Нефть и люди» («Новый мир», 1966, №7), где «сквозь романтическую розовую дымку кое-что из

увиденного зацепило, и хотя робко, в полтона, но в очерке прозвучало досадное недоумение по поводу бесхозяйственности, небрежливости, варварского отношения к природе» [Лагунов 1994: 126].

И всех этих людей, героев и антигероев, все эти проблемы, освещенные загадочным и зигзагообразным ходом российской истории, в конце 90-х годов К.Лагунов поднял на новую духовно-художественную высоту, напечатав эпопею «Отрицание отрицания» (Тюмень, 1998), подготовив к печати философско-провиденциальный роман «Абсурд» (закончен в 1999 г.).

Конечно, лучше было бы такими обобщениями завершить данный очерк творчества, но поскольку мы живем в эпоху очередной смены русских культурных парадигм, серьезных разногласий в писательской среде, диктата якобы передовых неоавангардных течений, глумления над писателями, которые остались верны отечественным традициям социально-психологического реализма (В.Белов, Б.Можаяев, В.Распутин и др.), в период не всегда справедливого осуждения недавнего прошлого, ради чести и правды содеянного его художниками, следует напомнить: «...выстрелите в родную историю из ружья, и она вам ответит пушечным огнем».

Не в прошлое зовет нас сегодня К.Лагунов, зовет к национальным святыням, которые в труднейшие периоды жизни Руси спасали народ, показывали пути выхода из тупиков. Надо было видеть, как светлели лица у ребятишек из обедневших семей, когда они прочитали повесть-сказку «Белый Пес Синий Хвост»!.. В ней отважный Пес, Кот Мурзила и Мышка Шуршу путешествуют по лунной дороге, полной опасных приключений и неожиданных встреч. И лишь верная дружба и отвага таежных обитателей помогают героям выжить и победить. Новые политики называют это социальным партнерством. Так, может быть, юные читатели, вдохновленные книгой, вырастая, из красивых проектов сделают это партнерство нашей общей явью.

Родился К.Лагунов в 1924 г. в селе Старая Майна Ульяновской области на берегу великой реки Волги. Вскоре большая семья в поисках лучшей доли перебралась в Сибирь. Отец Константина Яковлевича стал учительствовать в селе Малое Зоркальцево (необычное название!) под Тобольском. И опять на берегу великой реки – Иртыша. Я бывал в его школе, преобразованной в интернат. Солидные добротные деревянные дома, сохранившиеся с начала минувшего века. И то понятно. Село было своеобразным центром округа, стояло на старинном почтовом тракте на Север. Служилые люди составили кружок местной интеллигенции, непосредственно погруженной в гущу народной жизни. Так что любознательный Костя познал ее со всех сторон. Домашняя атмосфера была полна общения с родной историей (ее преподавал отец), классической русской литературой и искусством. Особо поразили юношу идеи и образы Достоевского.

Перед войной семья переехала в Голышманово, когда К.Лагунов после семилетки уже учился в Тобольском педтехникуме. Последовав за родителями,

он на новом месте заканчивает среднюю школу. Война помешала поступить в Ленинградский университет, призывная комиссия оставляет его в тылу из-за прогрессирующей близорукости. Он начинает работать воспитателем, потом (в 17 лет!) директором Голышмановского детдома. Сразу же раскрывается его талант общения с юношеством. И всю последующую жизнь К.Лагунов не расстается с ролью умного и доброго наставника молодежи: комсомольская работа в Голышманово, после войны – в освобожденной от фашистов Литве, до конца 50-х гг. – в республиканском ЦК комсомола в Таджикистане.

Тут некто может вскричать: номенклатурщик, мол, Лагунов, из партийных карьеристов. Однако правила партгосаппарата хорошо известны. По ним, если не было исключительных обстоятельств, начинавший инструктором райкома комсомола с годами вырастал до работника обкома, ЦК. Те, кто не справлялся, шли в профсоюзы или в советы. Многие, пытавшиеся уйти из системы, оказывались на дне. Многие видели, что система пожирает себя, переполнившись фальшью и догматизмом. К.Лагунов уже в 40-е годы понял, что без культуры, творческого развития человека, его духовно-нравственного самоопределения, следования веками испытанным нормам, любви к Родине мало чего стоили тогдашние постулаты. А еще К.Лагунов хорошо знал реальную жизнь сороковых годов. Позже он написал, что явятся на Русь новые честные Карамзины, Ключевские и Соловьевы и поймут: «... в предвоенные и военные годы нравственный облик нашего народа в сравнении с европейцами был неизмеримо более высок и светел. Битый и грабленный, поротый и стрелянный, перетертый жерновами сплошной коллективизации, 37-м годом, сибиряк на диво миру сохранил в себе величие и чистоту духа...» [Лагунов, 1993г.].

Лагунову удалось перейти на творческую работу, его не в чем упрекнуть в прошлом. В 1959 году, еще в Таджикистане, он вступает в Союз писателей (СП) СССР, редактирует республиканский журнал «Гулистон», выпускает свой первый роман «Утро Золотой долины» (1961г.), хорошо встреченный читателями.

Вернувшись в Тюмень (1963г.), писатель в кратчайший срок наладил работу областной писательской организации. На фоне упадка советского строя созидание в Тюмени шло в рост, преодолевая деформации, ошибки, способствуя лирико-героическому и романтическому пафосу региональной литературы, появлению публицистических жанров. К.Лагунов в этом ключе пишет роман «Зажги свою звезду» (М., 1964г.). Особенно удался ему социально-бытовой роман «Так было» (Свердловск, 1966г.), правдиво воссоздавший суровую прозу народной жизни 40-х годов.

И настало время «Ордалии» – первого проблемного романа о противоречиях Тюменского освоения, в котором позитивное начало не затушевывается автором, но остро поставлен вопрос: нефть для людей или люди для нефти? В партийных кругах области заговорили о писателе-очернителе. К тому же всеильный директор «Главтюменьгеологии» Ю.Эрвье решил, что К.Лагунов в одном из главных героев – карьеристе и самовлюбленном

авантюристе, начальнике геологоразведочной экспедиции (папа Юлий) – изобразил именно его. Писатель нашел в архивах документы о геологах, которые открыли нефть Среднего Приобья в экспедициях 1932-34 гг. На картах тех лет покойного геолога Виктора Васильева уже были отмечены перспективные зоны задолго до тех, кому в шестидесятые годы достались лавры первооткрывателей. Лагунову сильно мешали восстановить справедливость, но ему удалось опубликовать свои находки в периодике. Рассказ о Васильеве он включил в документальную повесть «Свадебный марш» (Свердловск, 1984г.). Книгу замолчали.

Ордалия переводится на русский язык как «Божий суд». К нему в средневековье прибегали судьи, неуверенные в чьей-нибудь вине. Тяжущимся завязывали глаза, вручали по пистолету и колокольчику, опускали в котлован, и те попеременно стреляли на звон до верного выстрела. Такова символика романа, впервые показавшего причудливую борьбу добра и зла на фоне нелегких будней геологов. Московская пресса дружно откликнулась проработочными рецензиями.

Автора вынудили многое изменить в «Ордалии», сделать роман более мажорным, но остался пролог, в котором два лесных красавца лося сошлись в смертельной схватке. Нравственные нарывы советского общества конца 60-70-х гг. в замечательных произведениях вскрывали В.Белов, В.Распутин, Ю.Трифонов, В.Шукшин и др. И наш писатель стал по-своему раскрывать эти проблемы. К.Лагунов показал наступление бездуховности, ожесточение разных слоев общества, черную нищету духа.

Последовали два романа – «Больно берег крут» («Урал», 1978г., №7-8; 1979г., №7-8) и «Бронзовый дог» («Урал», 1982г., №8-9). Их лучшим критиком стал сам автор, которому одинаково дороги оба произведения, их главные герои – Гурий Бакутин и Максим Бурлак. Писатель называет их подлинными героями того прекрасного, яростного и сумасшедшего времени. Оба вписаны в стихию эпохи, которой жил и живет не только Тюменский Север. Блистательные организаторы и одержимые работяги, преданные делу и идее, они тяжелыми обстоятельствами загонялись «в такие тупики, откуда, не ловча, не хитря, не перенапрягаясь, не рискуя, не выбраться». Их замотали проблемы, водоворот нескончаемых прорывов. Но они же – люди, чистые и неистовые. «Пить – так до дна... Рубить – так с плеча... Любить – так головой в омут... Вот их ... жизненное кредо». Внешне Бурлак и Бакутин несхожи, но они близки по сути характеров.

Оба романа – оптимистические трагедии. У разбитого корыта оказался недавно неукротимый гендиректор «Тудымпроводстроя» Максим Бурлак, за колючую проволоку попадает поперечный и двужильный Гурий Бакутин, начальник Турмаганского нефтепроизводственного управления, потом секретарь горкома компартии. «Убежден, - продолжает К.Лагунов, - всем добрым, светлым, достойным уважения и подражания, всем этим народ обязан, прежде всего, бакутиным и бурлакам. И в новую Россию без них не пробиться» [Лагунов 1994г.].

В середине 70-х годов писатель начинает осмыслять уроки страшных народных бед в советскую эпоху. Выходит его исторический роман «Красные петухи» (Урал, 1975г., №7-8; 1976г., №8). Его тема – крестьянское восстание в Западной Сибири в 1921 году. К.Лагунов не побоялся собрать по крупицам опасные тогда материалы. Заниматься антисоветским кулацко-эсеровским мятежом? Нет, это был сильный поступок. Писатель и историк понял, что случился «слепой и жуткий мужичий бунт – вовсе не кулацко-эсеровский мятеж, а нарочито спрятанная от мира сибирская пугачевщина, народное крестьянское восстание – закономерная, справедливая реакция сибирских крестьян на беззаконие, самоуправство, дикое насилие и издевательство над ними новой власти» [Лагунов 1994г.].

Роману предшествовал очерк 1968 г. о крестьянской Вандее. Пришлось сгладить острые углы, вывести армию и Ленина за скобки событий. Но и в таком смягченном виде «Урал» напечатал этот очерк лишь в 1989 г. («Двадцать первый»). А все материалы о восстании К.Лагунов опубликовал только в 1994 г. в книге «И сильно падал снег...». Первый вариант очерка одобрил А.Твардовский, собирался «пробить» цензуру и напечатать в своем «Новом мире», но вскоре его лишили журнала. Федор Абрамов прислал К.Лагунову прекрасное письмо, он тоже высоко оценил очерк и удивлялся, как наш писатель один своротил «такую глыбищу» темы и материала.

И позже К.Лагунов в угоду новым модам не изменил своего отношения к движущим силам событий, к предгубчека Чижикову. У каждой из сторон была своя правда и кривда, герои сами делали свой выбор.

Новый этап творчества писателя связан с обострением нравственных проблем советского общества. Кризис идеологии обернулся страшным распадом этических связей, деячество и циничный прагматизм опутали все бытие. Такие мотивы уже видны в «Бронзовом доге», полная картина – в романе «Завтрак на траве» («Урал», 1987г., №1-3). Критик «Литературной газеты» А.Латынина обвинила писателя в пережиге разоблачения социально-нравственного зла времени. Сия дама осмелеет лишь в середине перестройки, но тогда она явно «перелицевала» сюжет, события, размышления героев. В центре романа – жизнь интеллигенции областного города (легко угадывалась Тюмень). Фигуры, зятянутые в болото бездуховного провинциализма. Ради житейских удобств они предали себя злу, воображая себя местными гениями, раздуваясь от мелочного тщеславия. Стали кастовым кружком для восхваления якобы больших творческих взлетов. Попавший в такую среду честный и талантливый журналист Мещерский буквально захлебывается в тине интриг и сплетен, пытается бунтовать, предать гласности преступления власть имущих. Его выбрасывают на улицу, но у романа счастливый финал. Мещерскому помогли подняться, только хватит ли сил снова противостоять злу?

В творчестве К.Лагунова с середины 80-х гг. усиливается нравственно-исповедническое направление, веяние великой традиции русского классического реализма – «Глаголом жги сердца людей!». Писатель пишет

интересную историко-документальную и художественную повесть «Иринарх» (Сургут, 1983г.). Особенно впечатляет в ней образ настоятеля Обдорской миссии Ивана Шемановского. Священник, бывший на пороге XX в. одновременно историком и этнографом, строителем и врачом, писателем и богомазом, рыбозаводчиком и учителем ненецких детей. Духовно-нравственный пример его трагической судьбы (замучен в ГУЛАГе) проецируется на нашу современность, показывая, каким сильным может быть добро в мире.

В девяностые годы К.Лагунов, помимо автобиографического эссе, очерка современной истории тюменской литературы («Портреты без ретуши», 1994г.), выпускает учебное пособие для начинающих журналистов, работает профессором кафедры журналистики Тюменского госуниверситета. Его книга «Через Голгофу на Олимп» (Тюмень, 1995г.) – публицистический анализ текущего смутного времени. Он верит в молодых, в их способность воскресить поникшую Россию. Тормозит юношество, редактирует сборники творческих работ студентов, пишет к ним предисловия, способствует выходу альманаха «Солнышко» (1998г.), авторы которого – ученики его мастер-класса в тюменской гимназии №16.

В эти годы К.Лагунов постоянно общается с читателем, ведет дискуссии в Центральной городской библиотеке Тюмени. Здесь его единомышленники во главе с директором Полиной Шиловой, здесь – горячая трибуна обновленной областной организации Союза писателей России. Боль совести, искание правды пронизывают выступления руководителя творческого союза С.Шумского; доктора филологии и критика Ю.Мешкова; писателей – А.Васильева, Б.Комарова, поэтов – Н.Денисова, М.Федосеенкова; известного художника В.Волкова...

Особенно бурно в 1996 г. обсуждался очерк К.Лагунова «Подранки» («Тюменская правда», 1996г., 20 ноября) о судьбах молодого поколения. Многие разделили боль писателя – «без корней, без традиций, без высоких идеалов и целей, без духовных опор и окрыленности входит в жизнь молодое поколение новой рыночной России «под зловещую игру» трех струн – жестокости, наживы, вседозволенности».

По мере сил К.Лагунов помогает движению литературного процесса в области. Заслуги у него большие, еще в начале 70-х годов он пробил выход областной литературной газеты – вещь немыслимая по тем временам. А то ведь наш регион с 1963 г. чинами из столицы был лишен своего журнала и книжного издательства. Правда, в Тюмени появился филиал Средне-Уральского книжного издательства. При всем уважении к свердловским коллегам нельзя не сказать, что иногда тюменцев затирали, и Лагунову приходилось разматывать тугие узлы, пробивая книги своих коллег. В 1975 г. писатель опять идет на риск, организует выпуск в Тюмени альманаха «Самотлор», напечатав все ценное в тюменской литературе того времени. Он напутствует в нем дебютантку – ныне широко известную А.Неркаги. Что касается поддержки молодых, то Лагунов помог многим начинающим. А какой резонанс получили задуманные им «Дни советской литературы в Тюмени», как и две Всесоюзные творческие конференции литераторов, связанных с темой освоения нашего края!

Не все равноценно в творчестве К.Лагунова, были и промахи, и незавершенные дела. Но все перевесит его верность традиции русской классики, внимание к возвращению в нашу духовно-художественную жизнь произведений местных писателей.

К.Лагунов известен в стране как сценарист телефильмов, его переводили за рубежом. Он – замечательный детский писатель: первым рассказал малышам «Как искали тюменскую нефть» (1974г.), подросткам подарил повесть о настоящих героях-первопроходцах «тюменского чуда века» («Звезда Семена Урусова», 1985г.). На его повестях-сказках росло не одно поколение юных тюменцев. Лагунов награжден тремя орденами и многими медалями. Он лауреат престижных литературных премий, в 1994 году ему вручили диплом Почетного гражданина Тюмени.

В 1999 г. ректор Тюменского государственного университета Г.Куцев продолжил давнюю академическую традицию – выпуск вузовским издательством собрания сочинений признанных литераторов. Трехтомник К.Лагунова («Ордалия», «Красные петухи», «Бронзовый дог») вышел к семидесятипятилетию писателя.

В одной из последних книг К.Лагунова, романе-эпопее «Отрицание отрицания» (Тюмень, 1997г.) дан выразительный портрет XX века с его войнами и спором двух сверхдержав, поворотными событиями в жизни России и СССР, так или иначе связанными с нашим краем. Автор по-своему ставит и отвечает на давние русские вопросы: «Кто виноват?», «Что делать?», «Куда идти»? Деяния реальные и вымышленные оцениваются в свете Нагорной проповеди, жития русских святых – Сергия Радонежского и Серафима Саровского. Их духовный ток в романе поддерживает блаженный Геша Пельымский. Герои романа, представляющие многие слои тюменского мира, ведут острый диалог обо всех сферах бытия. Так поступает и сам автор, в 1995 г. в книге «Через Голгофу на Олимп» не побоявшийся сказать свою правду о текущем дне: «Мы живем в жестокое, беспощадное, вздыбленное, перекошенное время. История свернула нас с накатанного, перспективного, разумного пути и швырнула в чудовищное зазеркалье, где все не так, как надо бы, все не по-людски, все вопреки законам и правилам цивилизованного общества. Но ... не воротить нашу несчастную страну на рубеж семнадцатого (года – В.Р.). О прошлом можно сожалеть, мечтать, скорбеть, но переделать его никому не дано... Что сильнее всего угнетает и тревожит меня ныне? Катастрофическое стремительное падение нравов. Духовное обнищание народа. Торжество звериных начал в человеке, в обществе, в стране. Заслонить, заступить откат к человекообразным может только воскресшая душа россиянина». Так голос писателя не дает покоя душе. Имеющий уши да слышит, поднявший взор – увидит.

Константин Лагунов

(1924-2001гг.)

Член Союза писателей СССР,
ответственный секретарь Тюменской областной
организации (1963-1983гг.), кандидат исторических наук,
Заслуженный работник культуры РСФСР,
Почетный гражданин города Тюмени

Великанша*

Гудела серая Бетонка. Звенели гусеницы звонко. Разгоряченный
Вездеход, ревя мотором, мчал вперед.

- Что это? Смотрите?

Фомка от удивления подпрыгнул и повалился с Вездехода. Едва поспел
Ромка ухватить приятеля за длинный хвост.

- Да смотрите же! Смотрите! – не унимался Фомка.

По зеленой по низине. По болотистой равнине. Широко и величаво.
Выступала будто пава. Из железа вся литая Великанша Буровая.

Облаков она касалась шлемом ярко-золотым. И того гляди, казалось,
сбросит Солнце с высоты.

На ногах ее обуты стопудовые калоши.

Шаг шагнет – земля качнется.

Из реки вода плеснется.

Листья падают с берез.

А пытит - как паровоз!

- Вот она какая – Великанша Буровая, - сказал Вездеход. – И, не мешкая,
сейчас с ней я познакомлю вас.

Соскользнул Вездеход с Бетонки и покатил к Буровой.

А та не успела остановиться, как вокруг словно из-под земли вынырнули
и встали рядом вагончики.

Закурился синий дымок над котельной.

Зашипел по-змеиному, вырываясь из труб, белый пар.

Гулко и ровно загудели зеленобокие электромоторы.

Буровая так вздохнула, что с неба облако сорвалось и пало на землю
дымным мокрым лоскутом. А Ромку, Фомку и Артоса сдуло со спины
Вездехода, и они кувырком скатились к шипастым ногам Великанши.

* Глава из книги К. Лагунова «Ромка, Фомка и Артос», Свердловск, Средне-Уральское книжное издательство, 1984 г.

- Эт-то что за мелюзга?! – громыхнула сердито Великанша Буровая.

- Властелин любой дороги, ты один пройдешь везде. Я – твой брат четвероногий. Не покинь меня в беде, – хоть и робко, но четко выговорил Ромка.

- Ну, коли братья, - миролюбиво загрохотала Буровая, - подымайтесь-ка наверх. Вон по той лесенке.

Ох, какой крутой и высокой оказалась лесенка. Одолев ее, приятели очутились на козырьке шлема, надетого на самую макушку Великанши Буровой.

Стоять на крохотном козырьке было и жутко, и неловко, зато уж видно оттуда на много верст вокруг.

- Ой! – воскликнул Фомка. – Отсюда я могу хвостом до солнышка дотянуться.

- А я на облако запрыгнуть, - проговорил Артос.

- А я, если захочу, прыгну вниз и полечу, - сказал Ромка.

- Не галдите. Вокруг поглядите. Это и есть Самотлор! – прогремела Великанша Буровая.

А вокруг... насколько хватало глаз... величаво и гордо возвышались такие же великанши буровые.

Меж ними сновали вездеходы, самосвалы, тракторы, экскаваторы и еще какие-то неизвестные машины на гусеницах и на колесах.

Гигантскими удавами во все концы ползли и ползли трубы – тонкие и толстые, черные и белые, гнутые и прямые.

Огромными стрекозами роились в небе большие и маленькие вертолеты: голубые, красные, серебристые.

Белыми молниями прочерчивали небо самолеты: Яки, АНы, «Антеи», Илы и ТУ.

Всюду полыхали огромные жаркие факелы. До самого неба вздымались их огненные языки, похожие на пушистый хвост Красного Лиса.

Обложка книги
К. Лагунова «Ромка, Фомка и Артос»

От гула, грохота и рева тысячи тысяч моторов дрожала земля, покачивалось синее небо.

- И все это... И все это... Делаете вы... Сами? – отчего-то заробев, спросил Ромка.

- Что значит «сами»? – не поняла Великанша Буровая.

- Ну, сами машины, – пояснил Артос.

- Мы сделаны рабочими руками. Они и управляют всюду нами.

Без рабочих добрых рук станет мертвым все вокруг, – назидательно прогремела Великанша Буровая.

- А вы мастера... Степана Ивановича не знаете? – спросил Ромка и замер.

- Кто ж его не знает. Поглядите-ка вниз. Он там...

- Где? – хором вскричали друзья.

- Да вон же. Смотрите!

Сперва они поискали Степана Ивановича в кабинах автомобилей. Потом в кабинах тракторов, бульдозеров, экскаваторов, трубоукладчиков.

Потом поискали у электросварщиков подле строящегося нефтепровода.

После у буровиков, на площадке Великанши Буровой.

Тут Ромка и увидел Степана Ивановича.

- Ур-р-ра! – крикнул Ромка и кубарем подкатился к его ногам.

- Ур-ра! – подхватили Артос и Фомка и полетели следом.

Выслушав длинный-предлинный рассказ друзей об их приключениях, Степан Иванович сказал:

- На тот сонный остров, где царство Спиешпей, мы завтра повезем буровую. Поселятся там буровики. Задымит котельная. Запахнут электромоторы. И от всей нечисти во главе с Соней Первым Котофеичем не останется никакого следа. А вот Каррыкарру и Красному Лису надо немедленно передать весточку о том, что вы добрались до Самоглора, и теперь мы вместе...

Сибирские страницы
военной истории

71-я
годовщина
начала
Великой
Отечественной
войны

Майя Смирнова

Краевед, ветеран архивного дела,
медаль ордена «За заслуги перед Отечеством»

Орден на знамени завода

22 июня 1941 года – не просто памятная дата, она незабываемая для нас, для нашего государства, для ветеранов других стран, и что очень важно – для молодых людей. В этом я убедилась еще раз, беседуя недавно с турецким журналистом, фотомастером Джевахиром Бугу. Он задал главный для него вопрос: «Что представляла собой Тюмень до войны, и какие изменения произошли в городе с началом Великой Отечественной войны?».

Город в тот день 22 июня 41-го был праздничным, настроение создавали выпускники пяти средних школ Тюмени. Гуляния по традиции проходили в Гилевской роще, звучала музыка, гремели духовые оркестры в садах имени Ленина и Шверника, «Спартаке» и «Загородном». Выпускники строили планы на будущее, и родители не подозревали, что, возможно, видят в последний раз своих дорогих наследников.

Днем в Гилевскую рощу приехали руководители города не с поздравлением, а с Обращением советского правительства к народу по поводу вероломного нападения фашистской Германии:

«Граждане и гражданки Советского Союза! Сегодня в 4 часа утра без объявления войны, германские войска напали на нашу страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбежке со своих самолетов наши города – Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причем убито и ранено более двухсот человек. Налеты вражеских самолетов и артиллерийский обстрел были совершены также с румынской и финляндской территорий...».

В городах, селах, деревнях после этого выступления В.М.Молотова прошли митинги, собрания, принимались решения – защищать Родину.

После митинга на городской площади в Тюмени тюменцы-добровольцы написали заявления с просьбой отправить их на фронт. Согласно Указа Президиума Верховного Совета СССР о массовой мобилизации военнообязанных, родившихся с 1905 по 1918 годы включительно, первым днем мобилизации считается 23 июня 1941 года. Уже в начальный период войны были сформированы в Тюмени – 368-я, 444-175-я, в Ишиме

– 384-я стрелковые дивизии и другие соединения, офицерские кадры готовились в трех военно-пехотных училищах Тюмени.

Сибиряки уходили на фронт, а города и села готовились принять предприятия и людей с оккупированных территорий: выделялось жилье, уплотнялись квартиры местного населения, высвобождались производственные площади тюменских заводов и фабрик, многочисленных артелей. Фронт и тыл стали едины. И это не красивая фраза, а реальность тех трудных военных лет.

В тюменский край в первые месяцы войны были эвакуированы кадры рабочих и специалистов, оборудование 22 предприятий из Москвы, Ленинграда, Киева, Таганрога, Одессы, Харькова, Керчи, Подольска.

28 августа 1941 года в письме начальника Первого Главного управления Наркомата судостроительной промышленности товарища Балаева сообщалось: «Согласно постановлению Государственного Комитета Обороны №ГКО-473сс от 13 августа 1941 г. и Приказу Народного комиссара судостроительной промышленности №260 сс от 14 августа 1941 г. на тюменской судовой верфи должно быть организовано производство торпедных катеров XI серии-бис».

Судовой верфи передавались заделы по катерам других заводов, цех катеростроения Херсонского завода. Предписывалось передавать фронту ежегодно 19 единиц со 100% готовностью, проводить швартовые испытания на реке Туре.

Уже в августе 1941г. в Тюмень прибыло оборудование из Херсона, позднее из Москвы, Ленинграда, Керчи, Рыбинска. На основе прибывшего оборудования было создано 13 цехов. В декабре 1941г. с тюменских стапелей сняли первые три катера, заложили четыре.

Дни и ночи не только у мартеновских печей не смыкали очей и наши тюменские судостроители. Кто они были? Ветераны, по возрасту не ушедшие на фронт, прибывшие в Тюмень с оборудованием. И наши тюменские мальчишки и девчонки из школ-семилеток №№4, 6 и др.

Ветераны судостроительного завода вспоминают, что гражданами СССР, получившими паспорт, многие из них стали после победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.

Владимир Васильевич Важенин пришел на завод 29 июля 1941 года, ему было 14 лет. Он проработал токарем до ухода на пенсию. Такими же подростками были: машинист компрессора Заря Ивановна Болдарева, супруги Таисия Алексеевна и Федор Николаевич

Патрашковы, награжденные медалями «Ветеран Краснознаменного Черноморского флота». Отлично трудились члены комсомольско-молодежной бригады (бригадир Афонасий Дмитриевич Коновалов).

Построенные катера служили на Черном, Балтийском морях, Тихом океане, в Волжской военной флотилии. На вооружении каждого катера было два торпедных аппарата, один пулемет, экипаж состоял из шести человек. С 1943 года началось строительство торпедных катеров ТКА-123 «Комсомолец».

Изучая архивные документы партийной организации тюменского судостроительного завода, понимаешь, как многогранна была жизнь страны, и все помыслы, дела направлены на Победу, одну на всех. Труженики завода посылали новогодние подарки бойцам на фронт, собирали средства на оборону Сталинграда, на строительство катера «Тюменский комсомолец», звена боевых катеров. Их начинания поддерживали не только рабочие других предприятий, но и школьники. Инициатором явился коллектив школы №25.

Тюменские судостроители трудились творчески. В своем выступлении секретарь партийной организации товарищ Урицкий на XII городской партконференции в январе 1945 года сказал: «...Наш завод является непосредственным участником разгрома немецко-фашистских захватчиков. Коллектив завода гордится тем, что созданная им боевая продукция по новой конструкции принята на вооружение Военно-Морского флота, и по техническим, и боевым качествам новый объект является лучшим по сравнению с объектами, выпускаемыми в Англии и Америке».

Храбрость, мужество проявляли экипажи торпедных катеров, многие награждены, более 20 получили звание Героя Советского Союза. Александр Осипович Шабалин – командир катера в годы войны, с 1975г. контр-адмирал, является дважды Героем Советского Союза. Более 340 работников завода награждены медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945гг.». Шесть раз заводу вручалось переходящее Красное знамя Государственного Комитета Оборона. Это знамя оставлено заводу на вечное хранение.

Закончилась война. К мирному труду вернулись на завод фронтовики: Виктор Алексеевич Петельский и стал начальником бюро материального нормирования, Константин Иванович Казаков, участник парада Победы 24 июня 1945 года в составе духового оркестра – начальником отдела автоматизации и механизации, Петр Мелентьевич Суровцев возглавлял несколько лет профсоюзную организацию. Вернулись на родной завод

два токаря: Сергей Андреевич Караваев, депутат Верховного Совета РСФСР двух созывов и Юрий Максимович Шешуков, Почетный гражданин города Тюмени и многие другие.

Правофланговым завод стал и в создании Западно-Сибирского нефтегазового комплекса: в кратчайшие сроки было построено свыше 290 единиц нефтеналивного флота.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 4 мая 1985 года Тюменский судостроительный завод награжден орденом Отечественной войны I-ой степени за большой вклад в обеспечение обороны страны в годы Великой Отечественной войны 1941-1945гг., за большие достижения в послевоенные годы.

На торжественном собрании 8 мая 1985 года высокую, заслуженную правительственную награду – орден Отечественной войны вручил коллективу завода член ЦК КПСС, первый секретарь обкома КПСС Г.П.Богомяков. Чувство гордости за коллектив выразил директор завода, Герой Социалистического Труда, Почетный гражданин Тюмени Петр Петрович Потапов. Тысячи тюменцев имели право повторить: «Наш завод заслужил высокую награду!».

Вот только жаль, что мы уже не слышим гудка заводского: нет завода.

Орден Отечественной войны

Наталья Жукова
тележурналист

Выпуск 41-го

Вам знакомо ощущение: то, что с Вами происходит – неслучайно. Со мной такое было не раз, а потому, когда редактор предложил подумать над новым проектом, – согласилась. Задача с несколькими неизвестными, первое из которых – сама тема проекта. Точнее, она была столь велика, что казалась просто неисчерпаемой и... очень личной.

Великая Отечественная война и Тюмень. Оба эти образа с женским лицом тесно переплелись где-то в середине прошлого века. И для нас – тех, кто знает эту трагическую историю по рассказам дедов, – остались прошлым. Тем, о чем принято вспоминать 9 мая и 22 июня, поздравлять ветеранов и искать для них слова благодарности. Наверное, их никогда не найти в том количестве и объеме, в каком они на самом деле могли бы значить для наших фронтовиков и тружеников тыла, переживших те далекие и жестокие годы.

Мой дедушка – Пётр Георгиевич Жуков – фронтовик. Когда я была маленькой, мне нравилось, как звенят его медали. Нравилось рассматривать их, перебирая пальчиками. Для меня они были какими-то очень серьезными и важными для дедушки «железячками». Я бы и сейчас забралась на колени к дедушке и попросила бы его рассказать хоть немного о войне и о том, как он сражался, да уже не получится. Дедушка давно умер. И я знаю всего пару рассказов из его боевого пути. Быть может, потому с особым трепетом изучала истории ребят, ушедших в 41-ом на войну. Так на ней и оставшихся...

«Выпускники 41-го года». Эта мысль появилась в голове неожиданно. На вопрос: «почему именно они?», ответ от самой себя я так и не получила. Под грифом «так должно быть» взялась за проект.

Отправной точкой стал памятник «Учащимся тюменских школ, не вернувшимся с войны». Он всегда привлекал внимание своей искренностью и «юношью», застывшей в камне. И имена. Признаюсь честно, раньше они были лишь просто именами: фамилия и имя. Кратко и сухо. Работая над проектом, я открыла лица этих ребят и... их короткие, но такие яркие жизни.

Несколько лет назад истории выпускников по крупицам собрала Ольга Ивановна Плохих. Мне удалось познакомиться с этим замечательным человеком, выпустившим книгу «Навек остались молодыми». Ольга Ивановна помогла мне найти родственников ребят, но, к сожалению, а, возможно, «так и должно было быть», - отказалась стать рассказчиком трогательных историй. Сказала, что ей эта книга далась с большим трудом. И после работы, проделанной мною, я ее понимаю. Речь о той эмоциональной нагрузке, которую мы, думается, обе ощутили, вспоминая те далекие дни вместе с близкими погибших ребят.

Многим из моих собеседников по проекту «Выпуск 41-го» уже «за восемьдесят». Точнее и не скажешь. Возраст прекрасных дам не принято называть. Впрочем, умалчивать о нем тоже не стоит. Ведь рассказывать о своих близких, «кровиночках», которые навсегда остались в памяти молодыми, теми, кто так много мог сделать, - горько, трудно...

Порой сами съемки оказывались на грани срыва: в одних случаях – в самый последний момент у родственников подсакивало давление, в других – они не понимали, зачем им вспоминать прошлое, в третьих – не хотели видеть «свои морщинки» на экране, а в четвертых – просто боялись впустить нас в квартиру – настолько тяжелы для них были эти воспоминания. И каждый раз наградой за нашу настойчивость и терпеливое ожидание согласия рассказчика принять участие в съемках становились их слова благодарности за то, что мы не отказались от намерения рассказать о замечательных ребятах – героях Великой Отечественной с экрана телевизора.

Кстати, сделать более реалистичными каждую историю помогли и архивные съемки, сделанные сотрудниками Дворца «Пионер» несколько десятков лет назад: занятия в тюменском аэрокружке, выступления коллективов, празднование Нового года и многое другое. Чтобы перевести их с бабин с киноплёнкой в цифровой вариант потребовалось специальное оборудование, которое нам на время одолжил профессор Виктор Ефимович Копылов... Одновременно были просмотрены сотни гигабайтов военной хроники, чтобы в проекте - под конкретные слова рассказчиков - легла наиболее точная по смыслу «картинка». Получилось, что те бойцы, которые сражались на фронтах Второй мировой войны, и так с неё и не вернувшиеся, вновь ожили в «Выпуске 41-го» и «с того света» помогли в воссоздании событий прошлого.

Вот эти истории. Эти живые имена...

Виктор Худяков

Спортсмен, секретарь комсомольской организации, верный товарищ. Таким был десятиклассник тюменской школы №1 – Виктор Худяков. Выпускной звонок двадцатого июня сорок первого года стал для него, по сути, прощанием с мирной жизнью.

- Он хотел стать летчиком, - вспоминала племянница Виктора Худякова – Лариса Богданова. - Мальчишки занимались в аэроклубе, который находился в 6 микрорайоне, а ребята жили на городище. Им надо было вставать в 4 утра и в любую погоду, в любое время года к 5 часам прибыть в аэропорт на учебные полеты.

23 июня 41-го года многие мальчишки из десятых классов «А» и «Б» первой школы, да и не только первой, прибежали в военкомат и осаждали двери военкомата с заявлениями «направить на фронт». Их гнали оттуда. А Виктору сказали: «Если хочешь быть лётчиком, жди 18-ти лет». Виктор не хотел ждать. Узнав о возможности поступить в артиллерийское училище, в которое берут с 17-ти лет, подал документы.

Виктор Худяков сообщал родным: *«Мама, пишу тебе из Томского артиллерийского училища. Не беда, что не стану летчиком. Артиллеристы тоже фронту нужны. Командир говорит, что после окончания училища хочет направить меня на учебу в Саратов. Но я буду проситься на передовую. По-другому не могу».*

Закидав командование рапортами, восемнадцатилетний мальчишка добился своего. Виктор Худяков ушел на фронт добровольцем. Он обладал большой силой воли и решительностью. Немудрено, что боевой дух Виктора заметило военное руководство. И достаточно быстро лейтенантские погоны он сменил на капитанские.

С фронта Витя писал: *«Мама, я уже капитан. А ты мне все пишешь: «Мой лейтенант» и «мой мальчик». Живу хорошо. Идут бои. Наступаем, как ты сама, наверное, слышишь».*

- Такое ощущение, что пишет только лишь для того, чтобы сказать, что у него все хорошо, нет ничего плохого. И не о чем маме беспокоиться! – рассказывала Лариса Богданова.

Письма Виктора всегда оптимистичны: *«Мы уже в Польше. Знаешь, какая природа на Западе: цветут яблони, груши. Скоро начнутся бои, тогда будет еще веселее».*

- В одном из его писем есть совершенно потрясающие строки. Он спрашивает сестру, кто остался в живых из мальчишек этого выпуска: *«Знаешь ли хоть что-нибудь о Вовке Новикове, о Володе Могилёве?»*, - еле сдерживая слезы, добавила Лариса Филипповна. - А оказывается Вовка Новиков погиб именно в 42 году. Как, кстати, в 42-м уже погиб и Володя Могилёв - сгорел в танке.

Узнав это, Виктор написал: *«Мстим за ребят, за Родину. Наша батарея уничтожила две немецкие батареи, четыре миномета и несколько пулеметов... Я с ребятами получил орден Красной Звезды. Прямо на поле боя»*.

В 44-м судьба вновь дала Виктору Худякову шанс остаться живым. Его направили на учебу в академию, а он - опять отказался! В феврале сорок пятого командир батареи капитан Худяков получил задание: пройти с боями 16 км и вывести из окружения пехотный полк. И этот приказ он выполняет без промедления...

В наградном листе есть такие слова: *«девять раз капитан Худяков водил бойцов в атаку»*. С 1 по 10 февраля, пока нужны были силы, пока нужен был командир - Виктор жил.

- В ночь с 9 на 10 февраля 45-го года мама Виктора видела сон, - рассказывала Лариса Богданова. - Раздался стук в окно, она подошла к окну и увидела во всем темном Виктора. Она очень обрадовалась и выбежала на улицу. Звала его: *«Витя, Витя»*. Он не откликнулся. И через некоторое время получили похоронку. 10 февраля, как указано было в этой похоронке, он погиб.

Медаль Героя Советского Союза мать Виктора не получила. И даже не просила ее, так как была уверена: единственный достойный *«Золотой Звезды»* человек – погиб.

Имя Виктора Худякова долгое время носил траулер Рижского флота. А сейчас в честь Героя Советского Союза названа одна из улиц Тюмени.

Виктор Худяков,
Герой Советского Союза

Владислав Хилькевич

Немедленно попасть на фронт. С оружием в руках защищать свою Родину. Этим желанием буквально горел выпускник первой тюменской школы Владислав Хилькевич. Но в этом праве юноше отказали. Через что пришлось пройти Владу, чтобы попасть на фронт, хорошо знает Людмила Хилькевич - жена его младшего брата, хотя лично она и не была знакома с Владиком. Его воспоминания и письма с фронта в семье Хилькевич с особым трепетом хранят вот уже 70 лет.

- Он был очень целеустремленный, - рассказывала Людмила Хилькевич.
- Конечно, любимое у него было - это природа и охота. Охотником он был прекрасным. И даже делал сам патроны. А в школе увлекался математикой. Владислав очень любил свою сестрёнку Иринку. Всегда интересовался, как она учится, что она кушает, с кем дружит.

Узнал Владик о начале войны дома. Семья сидела за большим столом, когда по радио сообщили о нападении на Советский Союз. Настрой Владислава был однозначный: немедленно на фронт! А пришлось отложить. Отношение к полякам тогда было не очень хорошее. Выпускника на фронт не взяли. Впрочем, Эдуарду Карловичу, отцу Владислава, каким-то образом удалось связаться со Сталиным, и сына отправили в стройбат.

Владислав сообщал родным:
*«Дорогие мама, папа и все!
Я – стахановец, работаю на 140-150%, очень трудно, приходится соревноваться с приискателями, которые были по 6-7 лет в забоях. Представляете, что значит промерзшая насквозь глина, перевитая корнями. Очень трудно. Сухой паек на пятидневку: 100 граммов масла, 100 граммов*

Владислав Хилькевич

сахара, 300 граммов копченой рыбы. И чем я виноват, что поляк – не знаю. Позавчера целых полчаса убеждал комиссара в крайвоенкомате, что я не поляк, а русский. Наконец, он устал и согласился. Жду направления в училище!».

Владиславу было очень обидно, что отношения с поляками вдруг стали плохими. Несмотря на это ему все-таки дали возможность воевать. Из стройбата его отправили в полковое училище, а после окончания – на фронт.

Накануне отправки Владислав написал родителям: *«Поезд пройдет через Тюмень»*. Солдат очень надеялся повидаться с родными на станции. Мечтал рассказать, как научился стрелять из пулемета и о том, как будет бить фрицев без пощады. Но этой встрече не суждено было случиться.

Из письма Владислава: *«Дорогой папа, мама и все! Мы поехали не по той дороге, а через Челябинск. Сейчас стоим в Златоусте, меняются поезда. Посылку я получил как раз за час до отправки. Едем по всей вероятности под Сталинград. Едем пока неплохо. Достали картошки и из нее и консервов варим супы. Очень сожалею, что не удалось в последний раз повидаться. Ну, всего хорошего! Пока писем не ждите. Привет всем. Владислав. Пятнадцатое октября сорок второго года»*.

Владислав как будто чувствовал что-то, называя несостоявшуюся встречу с родными последней. Последним стало и само письмо. Попав на фронт, необстрелянный солдат оказался в гуще кровопролитных сражений. Один из его товарищей так писал о Владиславе: *«После первых дней боев он сразу показался мужчиной, и из него сразу же выработался русский солдат!»*. Но повоевать Владиславу удалось недолго. Всего чуть больше месяца!

- Утром 9 января 1943-го Владислав и его боевые товарищи с боем заняли хутор Костырочный, – рассказывала Людмила Хилькевич. - В 10 часов утра противник бросил в контратаку на хутор более 60-ти танков с автоматчиками. Владислав с группой автоматчиков пошёл в обход правого фланга. И там, в тяжелом и неравном бою Владислав и его товарищи погибли... Подвиг Владислава в том, что он очень любил свою Родину. И у него было основное: победить, победить, победить врага, что он и делал.

Похоронили героя под хутором Костырочный Ростовской области. Красивая мальчишеская мечта – стать защитником своей родины – стоила Владиславу Хилькевичу жизни.

Лазарь Липкович

«Хочу в совершенстве овладеть летным искусством! В прошлом году я на отлично закончил аэроклуб, а в этом - успешно курсы парашютистов», - так своими планами на будущее в газете «Красное Знамя» делился выпускник первой тюменской школы Лазарь Липкович. Всего за два дня до начала войны! О чем мечтал Лазарь, и каким он был человеком - семьдесят лет спустя вспоминает его родная сестра - Галина Ротт:

Лазарь Липкович

- Девчата его, ну, обожали просто! Такой красивый, накаченный. Он всегда должен был с иголки быть одет. Правда, утюжить-то ему каждый раз не хотелось. А поскольку раньше были панцирные кровати, то он на них нашел где-то доски и клал туда брюки на ночь. Утром вставал - как будто утюгом наглажены, со стрелочкой. Вообще, он такой парень - общественник большой. Для друга снимет свою последнюю рубашку и отдаст. Видимо, судьба как чувствовала, что ему так мало дано жить на этом свете. И он везде пытался успеть. Во Дворце пионеров чем только не занимался! Был в стрелковом, на шахматы ходил, играл на мандолине и на балалайке, занимался в драматическом кружке. Самым серьезным увлечением брата было небо. К этому его сподвиг наш квартирант-летчик. Лазарь стал заниматься в аэрокружке и позже очень успешно его закончил.

А однажды подошел ко мне и говорит: *«Слушай, сестренка, хочешь я тебя над городом покатаю на самолете?»*. Черт меня дернул полететь с ним! К тому же он не предупредил, что будет делать мертвую петлю... Я такого от брата не ожидала.

Лазарь мечтал летать на больших самолетах, но грянула Великая Отечественная. Одним из первых он бросился к дверям военкомата, чтобы попасть на фронт. В ответ ему предложили немного подождать, закончить учебу в авиатехническом училище, а уже затем - бить фашистов с воздуха. Так он и сделал.

Лазарю дали отсрочку, и он временно устроился на химфармзавод. Рабочим давали паек. Сам не съедал, а приносил сестренке с бабушкой.

А затем Лазаря направили в Шадринск - в авиатехническое училище.

Из училища Лазарь писал: *«Здравствуй, Галина! У нас несколько дней тому назад зачитали приказ об отправке части курсантов на фронт. Едут на стажировку, работать на боевых машинах. Счастливицы! Скорее бы ехать нашему взводу! Хочется пожить той кипучей фронтовой жизнью, о которой*

мы столько слышим от побывавших там командиров. Папа, мама, Галина, приезжайте ко мне в Шадринск, здорово хочется вас видеть».

- Последний раз я видела его в Шадринске. И была, собственно, последней, кто его там видел.

Лазаря и его одноклассника Валентина Стельмаха отправили на фронт. Поскольку учебу ребята закончили «на отлично», место будущей службы выбрали сами - станицу Морозовскую в Ростовской области. Правда, назначили ребят не летчиками, а механиками. А товарищи рвались в небо. Ребята подали рапорты о зачислении в летный экипаж воздушными стрелками. Просьба была удовлетворена.

Лазарь писал родным: *«Здравствуй, Галина! Я - старший сержант. Дело имею с сильнейшим пулеметом, летаю и наблюдаю за воздухом. В случае нападения неприятельского самолёта отражаю его. Ну, а живу я хорошо, курю папиросы 1-го сорта! Галина, когда я получил твое фото, то показал своему другу Алёше Мальшакову. Говорит: «Кончится война, поедem к тебе жениться!». P.S. Привет всей родне! Твой брат Лазарь».*

Лазарь Липкович

- Он попал вместе со Стельмахом в одну землянку, и они по очереди летали, потому что после полета надо было отдыхать. Это же нелегкая работа, - вспоминает Галина Ротт. - И очередь была Валентина, но он заболел, и пришлось лететь Лазарю. Когда поступила команда: «На вылет!», брат побежал, а потом вдруг возвращается и говорит: «Ох, черт, пилотку забыл. Пути не будет!». Вот с такими словами он вышел. И вот так вот его путь и закончился... Он пропал, как будто его, вообще, на свете не существовало! Ни семьи, ни детей, никого и никакого следа. И никакого места. Я на край света бы поехала! Да некуда...

Родные героя долго надеялись, гадали: может, Лазарь жив, попал в плен и когда-нибудь вернется с проклятой войны... Прошло семьдесят лет, но весточки о судьбе Лазаря семья Липкович так и не получила. В память о пропавшем без вести брате Галина назвала своего сына Лазарем.

Тася Рылова

Веселая, но тихая, спокойная, а если вдруг надо заступиться за слабого, отважная, - такой была Тася Рылова, выпускница пятидесятой тюменской школы. Такой ее запомнили и два самых близких Тасе человека, две Тамары: школьная подруга и племянница. Каждый год девятого мая они вместе вспоминают замечательную девушку, чья короткая жизнь трагически оборвалась почти семьдесят лет назад.

- Она была маминой сестрой, - вспоминала Тамара Захарова. - Я была маленькой и всегда с ними находилась. Мне было всего шесть, но хорошо помню: у нас было весело всегда. К любому празднику они обе что-то готовили. Шили мне какие-то костюмы, наряжали меня как куклу. Как только торжество начиналось, они мне говорили: *«Ну, Томочка, давай: «Черкес молодой, чернобровый»*. И я под эту песню все время плясала.

- Тася была очень милой девочкой, - соглашается ее одноклассница Тамара Анисимова. - Такая русская красота: длинные косы, характер общительный, доброжелательный. Она ни с кем не ссорилась, но говорила мне: *«Если тебя кто-нибудь обидит, ты мне скажи, я ему задам!»*. Она была высокая, а я была маленькая, низенькая, худенькая... Вот почему-то она выбрала меня. Мы сели на первую парту в третьем ряду и просидели вместе шестой класс. А после 7-го она ушла работать.

Тася Рылова устроилась на сапоговаляльную фабрику имени Челюскинцев чертежницей. Тамара Захарова частенько навещала тетю: приносила ей пирожки или суп. А Тася первым делом

Тася Рылова

интересовалась, не голодна ли маленькая Тома? Она всегда словно чувствовала себя в ответе за других, потому, когда началась Великая Отечественная война, попросилась в армию добровольцем. Ей было тогда всего восемнадцать.

Мать и отец пытались отговорить девушку, но она уехала в Омск учиться на связиста. И уже когда Тасю направили на фронт, она сообщила время поезда, который должен был остановиться в Тюмени. Все родные пришли на вокзал, но прижать «кровинушку» к груди не удалось. Поезд не остановился.

С передовой Тася писала: «Томочка, родная, здравствуй! Как живешь моя родная крошка? Тётя теперь придет военная - не узнаешь. Не обижает ли тебя кто? Пиши, я им хвоста накручу за это! Томочка, я искала, искала, что же тебе послать на память, послала открытку «Ландыши» - любимые мои цветы. Живу я хорошо. Умею хорошо стрелять из винтовки, из карабина. Девушек у нас 8 человек. Тома, к новому году и к моему дню рождения выучи песенку новую и танец разучи. Ну, белаяночка милая, прощай, роднуля. Целую!».

Каждое письмо с фронта семья Рыловых ждала с нетерпением. Читали все вместе. Родовались, когда Тасю наградили за то, что командира спасла: вытащила с поля боя. За это ей дали медаль «За отвагу!».

Однажды Тася написала: «Здравствуйте, дорогая сестричка и племянничка! О, боже, как быстро прошла юность. Только не надо обо мне плакать. Я горжусь тем, что мне доверили с оружием в руках защищать Родину! Гранюшка, родная, мне нужно с тобой посоветоваться как со старшей сестрой. Я имею одного близкого друга, который любит меня, заботится обо мне, помогает во всем. За все время войны он оберегал мою честь и жизнь больше, чем свою. Я выхожу за него замуж. Рановато, но как ты мне посоветуешь? Целую. Тася».

В следующем письме сообщила, что предложение все же приняла. Мужем фронтовой друг оказался хорошим: «...Если все будет нормально, то мы приедем вместе». Не приехали. Тася погибла. Нелепо как-то: был выходной, и она надумала стирать белье. Ее отговаривали: «Не ходи, видишь, снаряды опять рвутся!». А она хотела потихоньку пройти - около деревьев, да снайпер ее достал!

И не стало русоволосой и голубоглазой Таси. Все, что осталось: фотография девчушки в гимнастерке, надпись на мемориале около деревни Ясная поляна и ландыши, которые так любила Тася.

Володя Могилёв

Талантливый актер, отличный декламатор и при этом - спортсмен и Ворошиловский стрелок - таким в глазах учителей и одноклассников был выпускник первой тюменской школы Володя Могилёв. Фотоснимок десятого класса всю войну простоял на комодке учителя математики Марии Дмитриевны Каштановой. Возможно поэтому для ее дочери - Лидии Павловны - мальчишки и девчонки сорок первого выпуска стали родными.

- Володя учился до войны в 10-м классе, а я в первом, - поделилась воспоминаниями Лидия Прокофьева. - Мы дружили очень с его сестрой Тамарой. И когда приходили к ним, он всегда, смеясь, говорил: *«Мы с Тамарой ходим парой»*... Володя был очень красивым, высоким, стройным, русоволосым, с такими серыми глубокими глазами! Он очень хорошо учился. Больше всего любил литературу. Даже ездил на зональную олимпиаду в Новосибирск и привёз оттуда грамоту и приз – бюст Ленина. Этот бюст так у матери и стоял. Когда мы были первоклассниками, то ребята ставили «Снегурочку», пьесу Островского. Он играл Мороза, а Весну играла его любимая девушка Рита Зайцева. Скорее всего, вот после этого спектакля они и стали дружить в 10-м классе. Все очень ценили школьную дружбу. И даже слова «любовь» у них не было. Они уходили на фронт даже не целованные. Они любили своих подруг, но очень берегли их, потому что, прежде всего, считали их своими друзьями.

Когда началась война, Володя пошел в Ульяновское танковое училище. Уже через год он был лейтенантом.

В письмах Володя с гордостью рассказывал о том, что получил корпус танка и под наблюдением рабочих сам проводил его сборку: «Машина, которую собираешь, будет тебе родной, ты будешь знать каждую гаечку и отверстие, а потому будешь ее ценить и беречь».

Летом сорок второго Володю отправили на передовую. Ему тогда было лишь восемнадцать.

Из письма Володи Могилева: *«Здравствуйте, дорогие мама и Тома! Наконец нахожусь на фронте. Через несколько минут едем на исходную, там буду 1-2 часа и в бой. Да, в бой за Родину, за нашу счастливую жизнь! Отомстить за пролитую кровь наших товарищей, отцов, братьев, сестер. Понесу гибель на своей тяжелой машине, смерть немецким ордам! Крепко целую. Ваш сын Владимир. 13/VIII - 42г.»*

- Меня очень трогает другое его письмо, написанное Рите Зайцевой, - добавляет Лидия Прокофьева. - *«Рита, чем дальше ты от меня, тем*

больше мое чувство растет не по дням, а по часам. Видно, крепко я тебя полюбил, раз пошел на такую откровенность. Придет время, когда кончится война, и настанет счастливая жизнь. И в этой миллионной счастливой семье составной частицей будет наша дружба. В бой я пойду во имя нашей дружбы, во имя счастья Родины. Пиши чаще. Крепко жму руку. Владимир».

Через полтора месяца Володя погиб. В своем первом и последнем бою. Этому подвигу своего одноклассника Михаил Абрамов посвятил стихотворение, которое так и назвал «Подвиг танкиста»:

*Лейтенант Могилёв в щель глядит напряженно,
А радист Казаков шлемофон пристегнул.
Молодой экипаж, в первый бой устремленный,
Стиснув зубы, нахмурившись, губы сомкнул.*

*Танк по пушке прицел на ходу направляет,
Залп, с короткой, снаряд посылает вперед;
Там, где пушка была, столб огня уж сверкает,
Боевой счет открыт, враг возмездье несет!*

*Лишь последний снаряд не успели направить
Эти парни, что выдали лавы огня,
Казаков в нижний люк смог машину оставить,
Могилев в башне тесной сгорел как свеча!*

- В 1942 году нас с Ритой Зайцевой направили в колхоз, - вспоминает однокурсница Риты Зайцевой по педагогическому институту Лариса Беспалова. - Она была одной из лучших студенток в нашей группе. Ее все уважали. Ей была свойственна большая доброжелательность по отношению к людям. Однажды мы с Ритой вернулись домой вечером, и хозяйка подала ей письмо... Помню, как она плакала, горько плакала. Я спрашивала: «Рита, что с тобой? Что случилось?», но она меня, видимо, не замечала, она ничего мне не говорила. Только через некоторое время она выговорила: «На фронте погиб Володя».

Ребятам, которые сразу со школьной скамьи ушли на фронт и не вернулись, скульптор Николай Распопов посвятил свой памятник «Прощание». Однажды скульптор признался: лицо героя он списывал... с Володи Могилёва.

Володя Могилёв

Павел Сапожников

«Павлик, Пануся», - так родные ласково называли Павла Сапожникова. А друзья нередко звали его «Сапожком». Да разве и можно было по-другому обращаться к доброму, скромному и тихому парню - выпускнику первой тюменской школы. Таким его запомнила и младшая сестра Шура, хотя с их последней встречи прошло почти семьдесят лет.

Павел Сапожников

- Он был очень спокойный, - рассказала Александра Смирнова. - Мне кажется, он даже за себя заступиться не мог, хотя был хорошим спортсменом - чемпионом города по лыжам. Очень скромный мальчик. Хороший товарищ. Друзья у него не переводились! Хотя у нас и поесть нечего было, и угостить нечем, но товарищи были у него все время. Его любили. Любили.

Возможно, Павел стал бы доктором: уж больно был жалостливым и все лечил животных. В доме жили ежи, кролики и собаки. И это притом, что у Сапожниковых была всего одна комната. Сохранилось несколько фотографий. На одной из них рядом с Павликом – верный друг – пес Том. Его Павел всегда брал с собой на охоту.

Осенью 37-го произошло страшное - забрали отца. Никто так и не узнал «за что». Александра Смирнова предполагает: дело было вовсе не в отце. Мама была дочерью Машаровых. И, возможно, именно её семья могла стать причиной ареста одного из родителей. Ведь отец был из простой семьи, крестьянской. Впрочем, об этом особо не говорили. Скорее всего, отца Павла расстреляли. Мама некоторое время преподавала в первой школе, но вскоре её уволили. А детей признали «детьми врага народа».

- Я ни минуты не верила, что я «дочь врага народа», – призналась Александра Смирнова. – Я просто думала, что это ошибка. Да, после приходила какая-то бумажка: реабилитировали... Из-за всей этой истории Павлика, как врага народа, не взяли в настоящую армию. Попал в трудовую. В Ревде строил завод имени Сталина. И там он чуть не умер с голода. Собственно, умирал уж почти. Ходил с товарищами по помойкам и собирал кожуру и тому подобное. В основном он писал, что есть хочет. У него флегмона началась на руках – нарыв от лопаты. Однажды ему удалось приехать домой – вот с этой флегмоной. Дня три жил в Тюмени. Худющий, страшный. Не знаю, виделся ли он тогда со своей любимой девушкой – Тамарой Мартыановой. Она младше его была. Тоже лыжница.

Из письма Тамары Мартыяновой Павлу: *«Здравствуйте, Павлик! Сегодня получила от тебя письмо, за которое благодарю. Оказывается, ты еще не забыл меня. Интересно получилось: вечером мы с тобой катались на коньках, и вдруг слышу, что тебя отправили в трудовую армию, просто даже не поверилось. Шура мне отдала с тебя фото. Ну, вот теперь хоть есть твоя рожица. Ведь мы с тобой мало находились вместе. Желаю тебе успехов в твоём строительстве. С приветом Тамара. 19/III - 42г.»*

Письма поддерживали Павла, потому и он не терял надежды добиться своей правды – попасть на фронт. Да и мама Павлика – Нина Максимовна верила: ее сын – спортсмен, Ворошиловский стрелок – будет полезнее фронту... И мечта осуществилась.

«Здравствуйте, дорогие мама и Шура! Я зачислен в маршевую роту, - писал Павел родным. - От нашего взвода едет 12 человек. Ходят разговоры, что под Москву едем, будем в разведроте в качестве радистов, телеграфистов. Дней через пять-семь направят на фронт. Вчера дали сахар на 4 дня, и я уже его съел, как и все. Выдали вторую пару портянок, флягу, полотенце. Самочувствие мое хорошее. Целую тебя и Шуру»

- «Такая была радость, что он снял с себя все это вшивое, что гимнастерка новая, белье нижнее, - вспоминает сестра Павла Сапожникова. - И вообще, он был доволен, что на фронт попал, человеком себя почувствовал, нужным человеком».

Павел Сапожников с Томом, Худяковым и Могилевым

Из письма Павла: «Учусь на курсах младших командиров-разведчиков. Гоняют нас здесь очень здорово. Подъем в шесть, отбой в одиннадцать вечера. Кормят здесь так же, как и в дивизии, но разведка еще получают масла по 40 грамм в день. Сегодня идет дождь, но мы все равно идем заниматься. Когда пойдем в разведку, обязательно напишу, ведь разведка - самое серьезное дело. VI - 43г.».

Это последняя весточка, которую получили от Павла. Повоевать ему удалось недолго. Из письма, написанного медсестрой, родные узнали, что он лежит с брюшным ранением. В живот попала разрывная граната. Медсестра советовала готовиться к худшему. Так и произошло. Вскоре Нина Максимовна и Шура получили похоронку. Павел умер в госпитале. В память о нем Александра Михайловна назвала своего внука Павликом.

Я благодарна, что мне выпала честь работать над проектом «Выпуск 41-го», а также признательна всем родственникам и друзьям Виктора Худякова, Лазаря Липковича, Володи Могилёва, Таси Рыловой, Павла Сапожникова, Владислава Хилькевича... и своим коллегам-единомышленникам: Роману Мамонтову, Сергею Новокрещенных, Роману Чинахову, Елене Шлейкиной, Алексею Ясеницкому, Дмитрию Овчинникову, Зауру Бабаеву. А также Александру Баршеву и Игорю Ивановичу Ермакову. Первый стал голосом, а второй – образом того самого «рассказчика», чье лицо зритель так и не увидел, зато смог глубже погрузиться в яркие истории героев того времени.

Антонина Конарева

(1921 - 2004гг.)

Ветеран Великой Отечественной войны

Экзамен на мужество

В тот памятный июньский день 41-го мы, студенты Луганского педагогического института, сдавали последний выпускной экзамен, уже видели себя учителями биологии и географии. Но с этим пришлось «пождать»...

Была я в юности до смешного застенчивой девчонкой то ли оттого, что родилась в семье очень бедной, многодетной, жила в маленьком городке, точнее, на станции Попасной, а может потому, что в те годы все мы были гораздо скромнее, неуверенней. К тому же я уже в то время была сиротой. Отец скоропостижно умер, совершив настоящий героический поступок: он был стрелочником на железной дороге и предотвратил большую аварию – столкновение пассажирского и товарняка (заснул машинист). Поздно ночью за ним приехал «черный воронок», следователи говорили с ним вежливо, как со свидетелем, даже поблагодарили, вскоре привезли его обратно домой. Но слишком боялись люди в те годы НКВД-шников, допросов,

Студентки 2 курса. А. Конарева в верхнем ряду первая слева

черных машин, которые увозили, но очень редко привозили обратно. А отец наш был скромный безграмотный человек. Даже такая мирная беседа со следователем и слова благодарности не спасли отца от сердечного приступа, вскоре он умер. Мама наша, тоже безграмотная женщина, все-таки вырастила нас и даже старалась всем дать образование.

Училась я очень хорошо, была одной из немногих отличницей, а всегда боялась, бледнела и краснела за троих. Ко мне обращались как в справочное бюро, всем однокурсникам рассказывала, подсказывала, а сама волновалась на экзаменах так, что преподаватели, зная мою успеваемость, успокаивали, подбадривали. Ну, а в тот день был самый последний государственный экзамен. Вскочили мы с девчонками с общежитских коек очень рано и побежали в институт. Перед аудиторией кто читал, кто судорожно перелистывал учебники, уже плохо понимая, кто шпаргалки прятал... В общем, обычный экзаменационный день, но... 22 июня 1941 года.

Меня как всегда ребята упростили идти последней, чтобы преподаватели «не сравнивали», да я и сама никогда не могла заставить себя войти первой в аудиторию. Вот так я и оказалась уже ближе к обеду последней из сдающих экзамен. Рассказывала все дрожащим от волнения и страха голосом, а преподаватели смотрели на меня, на мои искусанные губы, улыбались: видно, сильно смешно выглядела перепуганная круглая отличница. И вдруг в дверь кто-то заглянул, один из преподавателей вышел. Все как обычно вроде, но в коридоре начался какой-то шум, разговоры. Оставшиеся преподаватели неодобрительно переглянулись. Еще один преподаватель вышел: успокоить тех, кто в коридоре. Однако тишины не наступило, показалось даже, что наоборот. Странно все это было. А выяснилось все, когда я с последней пятеркой вышла из аудитории: в коридоре и студенты, и преподаватели взволнованно говорили... о войне. Многие уже плакали. Оказывается, немцы уже бомбили Киев.

Вот так закончилась моя студенческая юность, а экзамен по биологии стал началом трудного и долгого экзамена на мужество. Конечно, всю трагедию мы в тот день в полной мере и не поняли. И не поверили: у СССР с Германией был Пакт о ненападении. И хотя что-то напряженное, тягостное было в жизни уже накануне, но не верилось, не хотелось верить: наша жизнь только начиналась, столько планов и мечтаний было у каждого из нас.

Спешно, в жутком волнении и страхе заспешили домой. На железных дорогах уже началась неразбериха, паника. Я добралась до дома. С дипломом и полным непониманием: что же я сейчас должна делать, как жить? А как же преподавательская работа? Ученики? Моя любимая биология?

Но распорядилась война. Старший брат Витя, служивший в НКВД почти на границе, успел только передать короткую записку и в первые же дни, спасая важные документы государственного архива, погиб при бомбежке. Не успели мы опомниться, осознать происходящее, как начался кошмар и в нашем городке: бомбы, жуткий рев самолетов, свист